

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ
IR SCIENTISTS' HERALD

Специальная тема выпуска:
Круглый стол ИАМП ДА МИД России и ИКСА РАН
«Китай - один из полюсов формирующегося мироустройства»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
научно-аналитического журнала
«ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ»
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА

Карпович Олег Геннадьевич, доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор, проректор по научной работе, заведующий кафедрой стратегических коммуникаций и государственного управления Дипломатической академии МИД России, заслуженный деятель науки Российской Федерации

ЧЛЕНЫ СОВЕТА

Бразил Дейлтон Рибейро, доктор философии в области права (Университет UNIME, Италия), кандидат юридических наук (Университет Гама Филью (UGF), Рио-де-Жанейро, Бразилия), доктор юридических наук (Университет Итауна (UIT); юридический факультет Святого Августина (FASASETE-AFYA), Бразилия)

Винокуров Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры дипломатии и консульской службы Дипломатической академии МИД России

Грибанич Владимир Михайлович, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики Дипломатической академии МИД России

Гришаева Лидия Евгеньевна, доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Данельян Андрей Андреевич, доктор юридических наук, профессор, проректор по учебной работе и молодежной политике, заведующий кафедрой международного права Дипломатической академии МИД России

Егоров Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Дипломатической академии МИД России

Закаурцева Татьяна Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра евразийских исследований Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

Зверева Татьяна Вадимовна, доктор политических наук, заведующая Центром евроатлантических исследований и международной безопасности Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

Иванов Олег Петрович, доктор политических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой международной и национальной безопасности Дипломатической академии МИД России

Каширина Татьяна Владиславовна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой международных отношений и внешней политики России Московского государственного лингвистического университета

Летяев Валерий Алексеевич, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор Казанского федерального университета

Манойло Андрей Викторович, доктор политических наук, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Ногмова Аделина Шафиковна, кандидат политических наук, доцент, декан факультета подготовки кадров высшей квалификации Дипломатической академии МИД России

Неймарк Марк Афроимович, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России

Суглобов Александр Евгеньевич, доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист РФ, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Толмачев Петр Иванович, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики Дипломатической академии МИД России

Трунцевский Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, начальник отдела Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Феофанов Константин Анатольевич, доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России

Ширинянц Александр Андреевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Штоль Владимир Владимирович, доктор политических наук, профессор, главный редактор научно-аналитического журнала «Обозреватель-Observer», член научного совета при Совете безопасности Российской Федерации

Шулепов Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России, член научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации

Шутов Анатолий Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

EDITORIAL COUNCIL
Scientific and Analytical Journal
“IR SCIENTISTS’ HERALD”

CHAIRMAN OF THE BOARD

Oleg Karpovich, Doctor of Sciences (Law, Political Science), Professor, Vice-Rector for Research of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation, Honored Worker of Science of the Russian Federation

MEMBERS OF THE BOARD

Alexander Shirinyants, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Head of the Department of the History of Social and Political Studies at the Faculty of Political Science at the Lomonosov Moscow State University

Alexander Suglobov, Honored Economist of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation

Anatoly Shutov, Doctor of Sciences (History), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation

Andrey Danelyan, Doctor of Sciences (Law), Professor, Vice-Rector for Education and Youth Policy, Head of the Department of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Andrey Manoylo, Doctor of Sciences (Political Science), Professor of Lomonosov Moscow State University.

Adelina Nogmova, Ph.D. (Political Science), Associate Professor, Dean of the Faculty of Highly Qualified Personnel Training Candidate of Political Sciences of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Deilton Ribeiro Brasil, Post Ph.D. in Law from UNIME, Italy. Ph.D. in Law by University Gama Filho (UGF), Rio de Janeiro. Law Scholar in Masters and Doctorate degrees in Fundamental Rights at University of Itaúna (UIT) and at the Faculties of Law Saint Augustine (FASASETE-AFYA), Brazil, South America

Konstantin Feofanov, Doctor of Sciences (Political Science), Vice Chair of the Department of International Relations of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Lidiya Grishaeva Doctor of Sciences (History), Professor of the Moscow State University M.V. Lomonosov, Moscow

Mark Neimark, Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Political Science and Political Philosophy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Nikolay Shulepov, Honored Lawyer of Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor, Member of the Scientific Advisory Council at the Supreme Court of the Russian Federation

Oleg Ivanov, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Deputy Head of International and National Security Department of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Petr Tolmachev, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Professor of the Department of World Economy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Sergey Egorov, Doctor of Sciences (Law), Professor of the Department of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Tatyana Kashirina, Doctor of Sciences (History), Professor

Tatyana Zakaurtseva, Doctor of Sciences (History), Professor, Chief Researcher of the Center of Eurasian Studies of the Institute for Contemporary International Studies (ICIS) of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Tatyana Zvereva, Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Center for Euro-Atlantic Studies and International Security of the Institute For Contemporary International Studies (ICIS) of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Valeriy Letyaev, Doctor of Sciences (Law), Ph.D. (History), Professor of the Kazan Federal University

Vladimir Gribanich, Doctor of Sciences (Economics), Professor of the Department of the World Economy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Vladimir Shtol, Doctor of Sciences (Political Science), Editor-in-Chief of the Scientific and Analytical Journal «Observer», Member of the Scientific Council at the Security Council of the Russian Federation

Vladimir Vinokurov, Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Diplomacy and Consular Service of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Yuri Truntsevsky, Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

ВЕСТНИК УЧЕНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ

Научный периодический электронный журнал «Вестник ученых-международников» издается Советом молодых ученых Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации с 2017 г. Публикуется ежеквартально. Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений, мировой экономики и международного права, а также на широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой.

«Вестник ученых-международников» включен в РИНЦ и перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК):

5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки),

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки),

5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки).

Изданию присвоен номер **ISSN: 2687-0193**

Периодичность: выходит 4 раза в год и распространяется в Российской Федерации.

Научный руководитель

О.Г. Карпович, д. полит.н., д. юр.н.

Редакционная коллегия журнала

Р.Н. Шангараев – главный редактор, д. полит.н., к.э.н.

О.А. Тимакова – заместитель главного редактора, к.полит.н.

И.О. Анисимов – редактор, к.юр.н., ученый секретарь

В.Б. Козюлин – научный редактор, к.полит.н.

Л.Н. Сидорова – научный редактор, к.полит.н.

Н.С. Белякова – редактор, к.полит.н.

А.А. Кашина – редактор, к.полит.н.

Д.О. Мартынова – редактор, к.полит.н.

Е.Е. Гуляева – редактор, к.юр.н, редактор журнала *Скопус* (Бразилия)

Н.А. Фаустова – редактор, к.филол.н.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер ЭЛ № ФС 77 – 77083 от 20.11.2019 (предыдущее название: «Вестник молодых ученых-международников», ЭЛ № ФС 77-69319 от 06.04.2017 г.).

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Позиция редакции не обязательно совпадает с мнением авторов. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Редакция журнала не несёт ответственности за высказанные авторами публикаций точки зрения на происходящие в России и в мире политические процессы, события, явления.

Адрес электронной почты: vestnik-smu-da@yandex.ru

IR SCIENTISTS' HERALD

The scientific periodical electronic journal IR SCIENTISTS' HERALD is published quarterly. The magazine is designed for professional researchers, analysts, practitioners in the field of international relations, world economy, international law, and a wide range of readers interested in Russian and foreign policy.

IR SCIENTISTS' HERALD is included in the list of peer-reviewed scientific publications in which the main results of dissertations for the degree of Ph.D., for the degree of Doctor of Science should be published:

5.1.5. International legal sciences

5.5.2. Political institutions, processes, technologies

5.5.4. International relationships, global and regional studies

ISSN: 2687-0193

Periodicity: published 4 times a year (quarterly) and distributed in the Russian Federation.

Scientific adviser

Professor O.G. Karpovich, Doctor of Sciences (Political Science), Doctor of Sciences (Law)

Editorial Board of the Journal

R.N. Shangaraev – Editor in Chief, Doctor of Political Science

O.A. Timakova – Deputy Editor in Chief, Ph.D. (Political Science)

I.O. Anisimov – Editor, Ph.D. (Law), Executive Secretary

V.B. Kozulin – Scientific Editor, Ph.D. (Political Science)

L.N. Sidorova – Scientific Editor, Ph.D. (Political Science)

N.S. Belyakova – Editor, Ph.D. (Political Science)

A.A. Kashina – Editor, Ph.D. (Political Science)

D.O. Martynova – Editor, Ph.D. (Political Science)

E.E. Gulyaeva – Editor, Ph.D. (Law), Scopus (Brasil)

N.A. Faustova – Editor, Ph.D. (Philological Science)

A.S. Iskhakov – Junior Editor

The publication is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor), registration number of **EL№FS 77 – 77083, November 20, 2019** (Old name: IR Young Scientists' Herald EL No. FS 77-69319, April 6, 2017).

Copyrights to the published materials belong to the editorial staff of the magazine and the authors of the articles. The editorial position does not necessarily coincide with the opinion of the authors. Reprinting of materials without permission of the editorial board is prohibited. Reference while using materials is obligatory. The editorial board of the journal is not responsible for the opinions expressed by the authors of the publications on the political processes, events and phenomena occurring in Russia and in the world.

E-mail address: vestnik-smu-da@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Карпович О.Г., Смагина Л.А.* Международный опыт использования парадигмы традиционных ценностей в политике гуманитарного влияния: уроки и перспективы для России **13**
- Мустафабейли А.М.* Непризнанное правительство талибов¹ решает свои внешнеполитические задачи **30**
- Тимакова О.А.* Проекты расширения Евросоюза: национальные и наднациональные подходы **53**
- Ногмов А.М., Ивочкина А.С.* Геополитические аспекты межэтнических отношений в Казахстане на современном этапе **73**
- Табаринцева-Романова К.М.* «Культура отмены» как инструмент «острой силы» **87**
- Волков А.П.* Многополярность как политический императив группы БРИКС **96**
- Литвинов В.О.* Реализация стратегических установок НАТО на китайском направлении **110**

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

- Нафиков И.З., Шангараев Р.Н.* Балканский вектор во внешней политике Турции: исторические предпосылки региональной интеграции **119**
- Агуреев С.А., Болтаевский А.А., Шангараев Р.Н.* К истории возникновения территориальных конфликтов в Гвианском регионе **136**

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Сидорова Н.О.* Международно-правовое регулирование защиты прав женщин на территории Африканского континента **148**
- Камышанский Д.Ю.* Особенности противодействия преступлениям коррупционной направленности в Киргизской Республике **163**
- Ярутин Я.К.* Тенденция к расширительному толкованию норм международного финансового права (в контексте отсутствия «ответственных лиц» в DeFi-механизмах) **178**
- Шорохов В.Е., Шорохова А.А., Клюев А.А.* Роль России в развитии **189**

¹Организация признана террористической, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации

антикоррупционной политики на постсоветском пространстве

Круглый стол ИАМП ДА МИД России и ИКСА РАН

«Китай - один из полюсов формирующегося мироустройства»

- Живора Л.И., Мартынова Д.О., Мустафабейли А.М. 207**
 Китай – один из полюсов формирующегося мироустройства
- Володин А.Г. Отношения «гигантов»: Индия и Китай в современном мире 209**
- Дейч Т.Л. Китай в Африке в условиях становления многополярности 219**
- Мартынова Д.О. Китай и государства Корейского полуострова: 227**
 сложности взаимопонимания в меняющемся мире
- Уянаев С.В. Внутренняя и внешняя политика Китая в текущих 246**
 официальных документах КНР
- Давыдов А.С. Россия – Китай – США в новом мироустройстве 259**
- Живора Л.И. Китайская инициатива «Пояса и пути» в странах Юго- 275**
 Восточной Азии

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

- Галкин К.Е., Сыромятников М.Д., Никитин Д.С., Румянцев В.П. 293**
 Роль традиционных африканских институтов в постконфликтном урегулировании в Руанде
- Ана Мишель Готье Проблема обеспечения права иностранного 301**
 элемента на справедливое судебное разбирательство с учетом современных реалий лингвистико-юридического сопровождения в судах и других органах Российской Федерации
- Сорока А.Ю. Проблемы миграции во взаимоотношениях Италии и 310**
 Ливии: к истории вопроса

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ 321

CONTENT

INTERNATIONAL RELATIONS

<i>Oleg G. Karpovich, Lyubov A. Smagina</i> International experience in using the paradigm of traditional values in the policy of humanitarian influence: lessons and prospects for Russia	13
<i>Ali M. Mustafabeyli</i> The unrecognized Taliban ² Government is solving its Foreign Policy Tasks	30
<i>Olga A. Timakova</i> EU Enlargement Programs: National and Supra-national Approaches	53
<i>Anzor M. Nogmov, Anna S. Ivochkina</i> Geopolitical aspects of interethnic relations in Kazakhstan at the present stage	73
<i>Ksenia M. Tabarintseva-Romanova</i> “Cancel Culture” as a tool of “Sharp Power”	87
<i>Artyom P. Volkov</i> Multipolarity as a political imperative for the BRICS Group	96
<i>Valery O. Litvinov</i> Implementation of NATO Strategic Objectives in the Chinese vector	110

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND FOREIGN POLICY

<i>Ilsur Z. Nafikov, Ruslan N. Shangaraev</i> Balkan Vector in Turkey's Foreign Policy: Historical Background of Regional Integration	119
<i>Stanislav A. Agureev, Andrey A. Boltaevsky, Ruslan N. Shangaraev</i> To the History of Territorial Conflicts in the Guiana Region	136

INTERNATIONAL LAW

<i>Natal'ya O. Sidorova</i> International Legal Framework of the Protection of Women's Rights on the Territory of African Continent	148
<i>Dmitry Y. Kamyshansky</i> Features of Combating Corruption-related Crimes in the Kyrgyz Republic	163
<i>Iaroslav K. Iarutin</i> The Tendency towards an Expansive Interpretation of International Financial Law Norms (in the Context of the Absence of “Obligated Entities” in DEFI-mechanisms)	178
<i>Vyacheslav E. Shorokhov, Alisa A. Shorokhova, Artem A. Kluev</i> The Role of Russia in the Development of Anti-corruption Policy in the Post-Soviet Space	189

INTERNATIONAL ROUND TABLE

<i>Larisa I. Zhivora, Daria O. Martynova, Ali M. Mustafabeyli</i> China is one of the emerging world order poles	207
<i>Andrey G. Volodin</i> The “Giants” in Contemporary World Politics: Case of India and China	209

---

² The organization has been recognized as a terrorist organization, and its activities are prohibited on the territory of the Russian Federation

<i>Tatiana L. Deich</i> China in Africa in the conditions of the emerging multipolarity	219
<i>Daria O. Martynova</i> China and the states of the Korean Peninsula: the difficulties of mutual understanding in the changing world	227
<i>Sergey V. Uyanaev</i> China's Domestic and Foreign Policy in the Current Official Documents of the PRC	246
<i>Andrey S. Davydov</i> Russia-China-USA inside a new World Order	259
<i>Larisa I. Zhivora</i> China's Belt and Road Initiative in Southeast Asia	275

YOUNG SCIENTISTS' TRIBUNE

<i>Kirill E. Galkin, Maxim D. Syromyatnikov, Dmitry S. Nikitin, Vladimir P. Rumyantsev</i> The role of traditional African institutions in the post-conflict settlement in Rwanda	293
<i>Ana Michel Gotie</i> The problem of Ensuring the Right of a Foreign Element to a Fair Trial in View of the Modern Realities of Linguistic and Legal Support in Courts and other Bodies of the Russian Federation	301
<i>Aleksey Y. Soroka</i> Migration issues in Italy and Libya relations: the history aspect	310

<i>NOTICE TO THE AUTHORS</i>	321

Карпович Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор,
проректор по научной работе, заведующий кафедрой стратегической
коммуникации и государственного управления,
Дипломатическая академия МИД России,
iamp@dipacademy.ru

Смагина Любовь Александровна,
старший научный сотрудник ИАМП,
Дипломатическая академия МИД России,
dipacademy@yahoo.com

Oleg G. Karpovich,
Doctor of Sciences (Law), Doctor of Sciences (Political Science),
Professor, Vice-Rector for Research,
Head of the Department of Strategic Communication and Public Administration,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry.
iamp@dipacademy.ru
Lyubov A. Smagina,
Senior Research Fellow, Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign
Affairs, Moscow
dipacademy@yahoo.com

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПАРАДИГМЫ
ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПОЛИТИКЕ ГУМАНИТАРНОГО
ВЛИЯНИЯ: УРОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ РОССИИ
INTERNATIONAL EXPERIENCE IN USING THE PARADIGM OF
TRADITIONAL VALUES IN THE POLICY OF HUMANITARIAN
INFLUENCE: LESSONS AND PROSPECTS FOR RUSSIA**

Аннотация: на современном этапе развития человечества тема традиционных ценностей и их столкновение с миром глобализации становится ключевой и проявляется в фундаментальном противоречии между традиционными ценностями, которые абсолютны в своих базовых принципах, поскольку их идеологической основой являются универсальные образцы социокультурного и государственного устройства мира, и нетрадиционными ценностями. Нравственные ценности традиционных обществ испытывают сегодня серьезное трансформационное воздействие не только глобальных

факторов, но и процессов межгосударственного и межкультурного взаимодействия. Это продиктовано главным образом усиливающейся и углубляющейся взаимозависимостью большинства современных обществ и культур и детерминирует протекание двух одновременных процессов. С одной стороны, наблюдается культурный конфликт между двумя типами цивилизационного развития (культурными парадигмами) – либеральным, находящимся в состоянии тоталитарной мутации (атлантический альянс во главе с США) и нелиберальным, религиозно-традиционалистским (страны БРИКС, ЕАЭС, ШОС и др.), а с другой – уход от традиционных ценностей в сторону умеренной позиции, то есть разумного сочетания традиций и инноваций. К сожалению, несмотря на исторически сложившиеся особые традиционные ценности как основы защиты и укрепления суверенитета страны, обеспечения единства ее многоконфессионального и многонационального общества, противоречия между культурными парадигмами коснулись и России. В условиях кризисных геополитических потрясений очевидна трансформация традиционных ценностей как под воздействием глобализационных политико-экономических и культурно-духовных факторов, так и внутривосточных. В этой связи вопрос преодоления подобных кризисов с минимальными негативными последствиями выдвигает на первый план проблему поддержания традиционных ценностей и внедрения их в модель гуманитарного влияния во внешней политике.

Ключевые слова: традиционные ценности, нетрадиционные ценности, глобализация, культурные парадигмы, гуманитарное влияние, идейно-ценностные и идентификационные конструкты.

Abstract: at the present stage of human development, the topic of traditional values and their collision with the world of globalization is key and is manifested in the fundamental contradiction between traditional values, which are absolute in their basic principles, since their ideological basis is universal patterns of the socio-cultural and state structure of the world, and non-traditional values. The moral values of traditional societies today are experiencing serious transformational influence not

only from global factors, but also from processes of interstate and intercivilizational interaction. This is dictated mainly by the increasing and deepening interdependence of most modern societies and cultures and determines the occurrence of two simultaneous processes. On the one hand, there is a cultural conflict between two types of civilizational development (cultural paradigms) - liberal, in a state of totalitarian mutation (the Atlantic Alliance led by the United States) and illiberal, religious-traditionalist (BRICS countries, EAEU, SCO, etc.), and on the other hand, a departure from traditional values towards a moderate position, that is, a reasonable combination of traditions and innovations. Unfortunately, despite the historically established special traditional values as the basis for protecting and strengthening the country's sovereignty, ensuring the unity of its multi-confessional and multi-ethnic society, contradictions between cultural paradigms also affected Russia. In the context of crisis geopolitical upheavals, the transformation of traditional values is obvious, both under the influence of globalization political-economic, cultural-spiritual factors, and within the country. In this regard, the issue of overcoming such crises with minimal negative consequences brings to the fore the problem of maintaining traditional values and introducing them into the model of humanitarian influence in foreign policy.

Key words: traditional values, non-traditional values, globalization, cultural paradigms, humanitarian influence, ideological, value and identification constructs.

В настоящее время отстаивание и продвижение традиционных духовно-нравственных ценностей, как на внутривнутриполитическом треке, так и в рамках международных отношений, является актуальной проблемой в политической жизни России, поскольку исторически традиционные ценности служили одной из основ развития российской государственности.

Значимость традиционных ценностей и культуры для современной России неоднократно подчеркивал Президент Российской Федерации В.В. Путин. В ноябре 2022 года был обнародован Указ об «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных

российских духовно-нравственных ценностей» [1]. В ряде своих выступлений В.В. Путин акцентировал внимание на том, что современное российское общество испытывает «явный дефицит духовных скреп: милосердия, сочувствия, сострадания друг другу, поддержки и взаимопомощи – дефицит того, что во все времена исторически делало нас крепче, сильнее, чем мы всегда гордились». Он призывал общественность «всецело поддержать институты, которые являются носителями традиционных ценностей и исторически доказали свою способность передавать их из поколения в поколение» [2]. К таким традиционным институтам можно в полной мере отнести семью, религию, национальную культуру и пр., которые в прошлом, настоящем и будущем являлись и являются инструментами укрепления и обеспечения стабильности российского общества.

«Ценности традиционные – подчеркивает Глава РПЦ Патриарх Кирилл – это те, что создаются традицией, и те, которые традицией сохраняются. И это не одно и то же. К ценностям, которые создаются традицией, относятся национальная культура, фольклор, обряды, обычаи, которые возникают в недрах народной жизни под влиянием множества факторов, начиная с мировоззренческих, включая опыт человека и кончая влияниями внешней среды, такими как ландшафт, климат и др. Эти ценности обретают статус ценностей именно потому, что они включаются в традицию. Традиция придает им смысл и значение, в первую очередь для следующих поколений» [3].

Вызовы и веяния нового времени отражены и в законодательной системе РФ, законодательных инициативах и актах. Так, в проекте «Основ государственной культурной политики РФ» (2015) государственная культурная политика понимается как основа «важнейшей общественной миссии культуры», которая заключается в передаче «новым поколениям свода нравственных, моральных, этических ценностей, составляющих основу национальной самобытности...» [4]. Это предполагает «создание и развитие системы воспитания и просвещения граждан на основе традиционных для России нравственных ценностей, гражданской ответственности и патриотизма

посредством освоения исторического и культурного наследия России, мировой культуры, развития творческих способностей личности, способностей к эстетическому восприятию мира, приобщения к различным видам культурной деятельности» [5].

В целом для нашей страны в условиях углубления цивилизационных противоречий понимание традиционных нравственных ценностей в контексте государственной культурной политики раскрывается через синтез выработанных человечеством достижений мировой культуры и общих для всех мировых религий норм и требований, обеспечивающих полноценную жизнь общества и уникальность культуры и ценностей России.

В международных отношениях, в частности в международном праве, не сложилось однозначного понимания традиционных ценностей. Не существует на данный момент какого-либо признанного (хотя бы большинством государств) международно-правового акта, в котором бы излагалась согласованная трактовка или расшифровка данного понятия. Отсутствие такого общепринятого понимания традиционных ценностей – серьезная «лакуна» и «недоработка» прежнего этапа международных отношений. Она создает пока невосполнимую серую зону в парадигме межгосударственной гуманитарной политики, призванной в том числе продвигать ценностные категории, рассматриваемые как приоритетные для тех или иных стран.

Есть несколько подходов к пониманию традиционных ценностей и их роли на мировой арене, а именно: культурологический, исторический, социологический, аксиологический, институциональный, структурно-функциональный и др. Все они рассматривают данную проблему через призму своих концептуальных оснований. С точки зрения культурологического подхода традиционные ценности – это значимый цивилизационный ресурс и основание развития общества, проявляющиеся в конкретных культурных формах, образах, процессах и явлениях, например в моделях поведения и общения, фундаментальных стереотипах и установках, обычаях и ритуалах, восприятию внутреннего и внешнего мира, культурной идентичности и

менталитета. Соответственно, в рамках исторического подхода традиционные ценности представляются прежде всего с точки зрения логики и динамики исторического развития конкретного общества, а значит, обусловлены историей развития человечества в целом и конкретными историческими периодами развития государств. Формирование культуры и ценностей рассматривается как процесс естественного дополнения и обогащения ценностей одной культуры ценностями культур разных народов по мере их взаимодействия. В результате данного процесса очевидна выработка уникальной и универсальной культуры для конкретного народа.

На уровне общественных отношений культура и традиционные ценности рассматриваются социологическим подходом. Они приобретают качественно иную коннотацию и интериоризацию, поскольку обусловлены особенностями межинституционального и межгруппового взаимодействия, общественных норм и правил. Таким образом, в социологическом подходе традиционные ценности понимаются как инструмент, определяющий специфику и динамику конструирования общественных отношений, и как механизм, регулирующий и обеспечивающий формирование ценностных оснований общества.

В условиях глобальных трансформаций использование какого-то одного подхода к пониманию традиционных ценностей и моделей гуманитарного влияния не представляется возможным. Все подходы в той или иной степени связываются воедино и вписываются в полипарадигмальный подход, который возможно использовать в формировании национальных ценностей и модели гуманитарного влияния в сфере внешней политики.

В этой связи уместно учитывать базовые основания данного подхода в стратегии трансформации ценностей и разработке модели гуманитарного влияния, а именно:

— целостность и эмерджентность системы идейно-ценностных установок и представлений невозможны без учета взаимодействия базовых компонентов и связей между ними;

- связанность и интегративность конкретной идейно-ценностной системы ярко проявляются по отношению к внешнему миру;
- взаимообмен и взаимопроникновение классических и современных политических, культурных, духовно-нравственных и других ценностей сегодня – инструмент интеграционной политики цивилизации и отдельных обществ;
- универсальная внутренняя взаимообусловленность и взаимосвязь исторических, социальных, культурных и религиозных факторов и процессов детерминируют межцивилизационное общение и взаимодействие;
- ценностные изменения, обусловленные конкретными идейными (идеологическими), психологическими, профессиональными и иными факторами на личностном уровне, корректируют и обновляют целеориентационные основания общественных отношений и межкультурной коммуникации.

Все это приводит к следующим фундаментальным трансформационным проявлениям в системе традиционных нравственных ценностей:

- усилению противоречивости и волатильности ключевых идейно-ценностных и идентификационных конструкторов;
- консьюмеризации идейно-ценностных оснований принимаемых в обществе решений и действий;
- идеологической и культурной реконцептуализации и деструктуризации;
- переводу межцивилизационных и межкультурных противоречий и конфликтов в латентную форму с применением цифрового инструментария.

Соответственно, с учетом этих разновекторных подходов отмеченное выше отсутствие общепринятого на международном уровне понятия традиционных ценностей не означает, конечно, что на практике не может не складываться де-факто парадигмы внешней государственной политики, направленной на усиление гуманитарного влияния в мире той или иной страны или группы стран. За предшествующие десятилетия сложился определенный международный опыт различных стран по формированию

такой де-факто парадигмы, не опирающийся на согласованный в международных рамках понятийный инструментарий.

Эта де-факто складывавшаяся парадигма получила довольно обстоятельное освещение в российской экспертной литературе, прежде всего в том, что касается гуманитарной национальной или групповой политики стран Запада. Основываясь на успехах социально-экономического развития этой группы государств и приоритетных достижениях НТР, она была нацелена в первую очередь на продвижение в мировое общественное сознание западных национальных культурно-этических ценностных категорий – на предмет превращения их во всеобщие признанные. Наступательная гуманитарная политика Запада сформировала довольно широкий набор форм и методов ее реализации, будь то глобальная «сеть» Голливуда или созданных во многих странах западных культурных центров. Надо признать, что эта политика оказалась достаточно эффективной. Во всяком случае, как Россия, так и государства Глобального Юга, пусть и не абсорбируя тотально эти ценностные установки, воспринимали их как своего рода культурно-этические ориентиры.

Глобальная ситуация начала радикально меняться на рубеже 2000-х годов, когда страны Запада взяли осознанный курс на введение нового неолиберального стандарта своей международной гуманитарной стратегии, связанной во многом с акцентированием и продвижением темы ЛГБТ. Неолиберальный стандарт означал полную деформацию прежней гуманитарной политики Запада, когда прошлые, во многом национально окрашенные, культурно-этические ориентиры были оттеснены на задний план новыми мировоззренческими приоритетами ЛГБТ-темы.

В настоящее время имплементация традиционных нравственных ценностей протекает в тяжелых трансформационных условиях противостояния с западными ценностями, которые на протяжении десятилетий являлись эталоном подражания для цивилизации, проповедуя демократию, свободу личности, гендерную политику, культурную

интеграцию, гуманизм, плюрализм и т. д. Однако сегодня некоторые ценности подменяются другими и теряют свою функциональную привлекательность в глазах общественности. К примеру, с целью трансформации понимания половой принадлежности семья и брак как ценности стали реализовываться в США через программы продвижения прав ЛГБТ, что в конечном счете повлияло на позиции других государств в данном вопросе. Речь идет о принятии нормативных актов, направленных на защиту и продвижение прав и интересов сексуальных меньшинств и трансгендерства, по всему миру под эгидой администраций президентов США Барака Обамы и Джо Байдена. При этом несогласные с таким подходом граждане, ученые, журналисты, артисты, религиозные и общественные деятели, политики подвергались и подвергаются в настоящее время колоссальному давлению и дискриминации, доходящими в некоторых случаях до так называемой «культуры отмены». Идет откровенный зажим свободы слова.

Неприятие этого неолиберального стандарта значительным числом стран, с одной стороны, подтолкнуло их в сторону формирования собственного понятийного инструментария традиционных ценностей и, с другой стороны, продемонстрировало полную невозможность создания на текущем историческом этапе согласованного глобального формата межгосударственной гуманитарной политики.

В такой ситуации Россия, рассматривающая традиционные ценности как один из основополагающих маркеров цивилизационной и национальной идентичности, является лидером в группе государств, в котором нарративы традиционных ценностей находят свое отражение в нормативных правовых актах.

И если в западном мире мы можем наблюдать процесс вымарывания традиционных ценностей не только из общественного сознания, но и из различных документов, то в России прослеживается обратная тенденция, которая наиболее отчетливо заметна на примере поправок в Конституцию

Российской Федерации, поставивших впервые под высшую правовую защиту понятие традиционных ценностей, института брака и семьи.

В контексте концептуального оформления национальной шкалы традиционных ценностных понятий, которые подлежат защите и продвижению, подход России близок к подходу Китая, несмотря на то что данная шкала юридически в КНР не оформлена. Традиционные ценности и гуманитарное влияние Китая на мировой арене, как и раньше, опираются на традиции и многовековую историю. Однако сегодня наблюдается умеренная их трансформация, результатом которой стала новая концепция «сообщества единой судьбы человечества», которую озвучил в марте 2013 года председатель КНР Си Цзиньпин во время выступления с докладом в Московском государственном институте международных отношений. В дальнейшем идея «формирования человеческого сообщества единой судьбы» была включена в Устав Коммунистической партии Китая на 19-м Всекитайском съезде КПК в 2017 году и закреплена в поправках Конституции КНР в 2018 году.

Сегодня концепция «человеческого сообщества единой судьбы» определяет вектор развития внешней политики Китая. Китай твердо выступает за мирное сосуществование и постоянное расширение дружественного сотрудничества с разными странами. Примером служит гуманитарная помощь другим странам, предоставленная Китаем в условиях пандемии.

Концепция, предлагаемая Китаем, находит все более широкую поддержку и одобрение на мировой арене. Она была вписана в резолюции Комиссии социального развития ООН, Совета Безопасности ООН и Совета по правам человека ООН в 2017 году, что свидетельствует о вкладе Китая в глобальное управление [6].

Концепт традиционных ценностей во внешней политике используется как инструмент «мягкой силы», способствующий налаживанию конструктивного и взаимовыгодного сотрудничества, в том числе с консервативными, прагматично настроенными политическими силами и

политиками Запада. На практике «мягкая сила» стала эффективным механизмом противодействия попыткам санкционного давления и изоляции нашей страны, сдерживания нашего развития, позволяя отстаивать национальные интересы в борьбе с идеологическим и политическим глобализмом, однополярным миром, отрицающим национальные интересы и политический суверенитет государств.

В силу приоритета традиционных ценностных оснований политика «мягкой силы» усиливает открытость и взаимообусловленность современных государств и обществ, актуализирует внешнеполитическое влияние на национальные специфики стран. Это предполагает формирование доверительных отношений между странами в сфере внешней политики. Однако сегодня проблема доверия остается открытой.

В подобной ситуации ценностно-идеологический подход России к международной обстановке трансформируется сообразно тому, что транслирует Запад, в частности США. Используя инструмент «мягкой силы» и соблюдая традиционные ценности, Россия пытается маневрировать и находить партнеров, например, в лице Китая, Индии, ЮАР и других стран.

Необходимость защиты и отстаивания традиционных ценностей во всем мире, о которых в некоторых странах стали забывать, с точки зрения Президента России, и вымарывание из общественно-политического дискурса консервативных идей стран христианского (католического) Запада, идеологически близких российским традиционным ценностям, диктуют разработку новой стратегии внешней гуманитарной политики.

Вектор национальных интересов и безопасности страны, стратегия внешней политики с учетом исторического опыта, культурных особенностей как нашей страны, так и Европы и Азии, были представлены в Концепции внешней политики Российской Федерации [7], утвержденной 31 марта 2023 года Президентом В.В. Путиным. Основная идея Концепции заключалась в проведении самостоятельной и многовекторной внешней политики, продиктованной ее национальными интересами. В документе были

определены базовые паттерны внешней политики – миролюбивость, открытость, предсказуемость, последовательность, прагматичность, уважение общепризнанных принципов и норм международного права, равноправие в международном сотрудничестве.

В настоящее время имплементация традиционных нравственных ценностей осуществляется по нескольким направлениям:

— законодательному: в рамках политической стратегии продвижения традиционных нравственных ценностей приняты нормативно-правовые акты («О защите чувств верующих» [8], «О запрете ЛГБТ пропаганды» [9], «О запрете смены пола» [10] и т.д.);

— духовно-нравственному: проведена информационная кампания, направленная на минимизацию аборт. Активно используется патриотическая тема в контексте санкционного давления на Россию и проведения СВО, направленная на противостояние с коллективным Западом (являющимся проводником неолиберальной ценностной парадигмы и пропагандистом феминизма, ЛГБТ, «трансгуманизма» и др.);

— информационно-коммуникативному: с нового учебного года во всех российских школах будут внедрены переработанные учебники по истории, а в вузах появится новая дисциплина – «Основы российской государственности». Все это нацелено на воспитание патриотизма и укоренение традиционных ценностей, таких как единая суверенная страна, сплоченное общество, справедливое государство, любящая семья, активный человек, патриот-созидатель и т.д.

Национальная стратегия внешней политики России и модель ее гуманитарного влияния на другие страны в полной мере проявляются во взаимоотношениях с другими странами в рамках концепции «мягкой силы». Подобные взаимоотношения выстраиваются путем организации международных мероприятий и формирования международных организаций. Примером является группа БРИКС, которая, несмотря на то что представляет собой экономическое объединение, обеспокоена иными проблемами

(международными, политическими, транспортными и т. д.), что не устраивает США. Так, в августе 2023 года в Йоханнесбурге (ЮАР) прошел 15-й саммит БРИКС. На нем в интерактивном режиме выступил Президент В.В. Путин, поднявший вопрос кризиса на Украине [11]. Президент подчеркнул роль БРИКС в процессе урегулирования конфликта мирными средствами, в формировании справедливого миропорядка. Он подчеркнул, что «пятерка» – основные участники БРИКС – утвердилась на глобальной арене как структура, формирующая многополярный миропорядок, основанный на международном праве при соблюдении базовых принципов Устава ООН, и в этом заключается перспектива данной структуры.

Продвигая модель «мягкой силы», учитывающей культурно-цивилизационное многообразие современного мира, Россия создает условия для каждой страны – участницы БРИКС высказать свою позицию по обсуждаемым проблемам, внести предложения в развитие взаимоотношений друг с другом и иными странами. Так, в рамках саммита были открыто высказаны смелые позиции по определенным проблемам. Например, президент Бразилии Луис Инасиу Лула да Силва, затрагивая конфликт на Украине, подчеркнул функциональную ограниченность Совета Безопасности ООН, что было бы невозможно в других условиях. В целом российская модель «мягкой силы» способствует укреплению взаимоотношений и взаимодействия с партнерами и странами, желающими вступить в БРИКС.

В настоящее время Россия обладает опытом гуманитарного влияния на международной арене. Главным игроком, обеспечивающим координацию всей международной активности, является Министерство иностранных дел РФ. Подведомственные министерству департаменты (по многостороннему гуманитарному сотрудничеству и культурным связям, вопросам гуманитарной политики, по гуманитарному сотрудничеству и правам человека, по работе с соотечественниками за рубежом, по связям с субъектами Федерации, парламентом и общественными объединениями) реализуют основные концепты гуманитарного влияния. Например, модель гуманитарного влияния

– «мягкая сила» – в полной мере отражается в функционально-структурной деятельности Россотрудничества, которая ведется по разным направлениям – от продвижения российской культуры и образования до побратимства, работы с соотечественниками, молодежью и неправительственными организациями. Масштаб деятельности данной организации сегодня охватывает 74 страны.

В процессе гуманитарного влияния во внешней политике также участвует Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Данная структура развивает научную дипломатию, формирует при посольствах собственную сеть атташе по науке, совместно с Россотрудничеством отвечает за вопросы распределения студентов по вузам в рамках ежегодно растущей правительственной квоты на бесплатное обучение в России.

В масштабной работе государства в сфере гуманитарного влияния во внешней политике значимую роль играет и Министерство просвещения Российской Федерации. В функционал данного ведомства входят продвижение русского языка, поддержка школьного образования за рубежом. Вместе с Россотрудничеством министерство формирует книжный фонд путем закупки учебников по отдельным направлениям, в чем помогает Минцифры России, организует курсы повышения квалификации преподавателей, строит школы. К примеру, за 2022 год в Таджикистане было открыто 5 школ на основе российских образовательных стандартов [12].

По линии Минэкономразвития координируются международное сотрудничество субъектов Российской Федерации, деятельность межправительственных комиссий с другими странами, туризм и интеграционные механизмы. Министерство культуры в рамках реализации модели гуманитарного влияния на международной арене проводит различные мероприятия: гастроли, дни культуры, перекрестные годы, фестивали российского кино, выставки, оказывает поддержку русских театров за рубежом и т.д. При этом министерство кредитует и обеспечивает российские

взносы в международные организации и многосторонние проекты в сфере содействия международному развитию.

Все вышесказанное возможно только в рамках соблюдения ценностных ориентаций на фоне их масштабной и многоаспектной трансформации. Традиционные ценности испытывают серьезное воздействие глобальных рисков и угроз, эксплицируемых как на уровне международного сообщества, так и на уровне отдельных государств, хотя в рамках отдельных обществ, например России и Китая, заметны тенденции сохранения этнонационального и культурного разнообразия в противовес распространению атрибутики глобализации и либеральной демократии.

В современной России наблюдаются два процесса – трансформация традиционных ценностей и сохранение особого русского ментального кода, основу которого составляют такие российские ценности, как патриотизм, жертвенность, гражданственность, следование высоким духовно-нравственным идеалам, создание крепкой семьи и др. Трансформация традиционных ценностей обусловлена, во-первых, изменениями во внутренней логике и динамике построения системной архитектуры, во-вторых, изменениями внешней среды. Процесс формирования мировоззрения российских граждан проходит в рамках единого социокультурного пространства и национально-государственной идентичности, укрепления общегражданского единства, межпоколенческой преемственности. Все это находит уникальное и самобытное выражение в культурно-историческом и духовно-нравственном развитии многонациональной российской нации.

В настоящее время, учитывая проведение специальной военной операции на Украине, крайне важно развитие инструментов «мягкой силы». Российская Федерация, ведущая «битву добра со злом» в лице коллективного Запада, просто не может игнорировать «поля ментальной войны», на которых ее успехи в других странах пока скромны.

Российская гуманитарная политика должна дать достойный ответ на этот вызов, учитывая амбиции России как одного из влиятельных центров

многополярного мира. «Мягкая сила» имеет возможность и должна стать инструментом и ресурсом для наращивания политической капитализации страны. При этом у российской «мягкой силы» имеется большой потенциал, который можно реализовать при наличии четкого целеполагания и конкретных действий.

Список источников и литературы

1. Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 09.11.2022.

2. Владимир Путин огласил ежегодное Послание Президента Федеральному Собранию. URL: <https://rg.ru/2012/12/12/stenogramma-poln.html>

3. Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XXI Международных Рождественских чтений. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2746897.html>

4. Проект Указа Президента РФ «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808». (по состоянию на 14.01.2021 г.) (подготовлен Минкультуры России, ID проекта 01/03/12-20/00112082).

5. Электронный ресурс: <http://www.kremlin.ru/events/councils/21027>

6. Блог Чжэн Цзелань. Китайская традиционная культура в концепции «Сообщества единой судьбы человечества». URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/zhengjielan/kitayskaya-traditsionnaya-kultura-v-kontseptsii-soobshchestva-edinoj-s/>

7. Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 31.03.2023.

8. Постановление ГД ФС РФ от 25.09.2012 № 849-6 ГД «О Заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации "О защите религиозных чувств граждан Российской Федерации"» «Собрание законодательства РФ», 01.10.2012, № 40, ст. 5409.

9. Статья 6.21. Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.08.2023).

10. Статья 45.1. Запрет смены пола человека. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

11. Заседание лидеров БРИКС в расширенном составе.

12. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72089>

13. Открытие русских школ в Таджикистане.

14. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69244>

15. *Карпович О.Г., Манойло А.В.* Политика многополярности: новые вызовы и угрозы. Монография. (2-е издание, с изменениями и дополнениями) Москва, 2020.

16. *Карпович О.Г., Смагина Л.А.* Концепция традиционных духовно-нравственных ценностей в международных отношениях: российский подход // *Международная жизнь.* 2023. № 1. С. 54-65.

Мустафабейли Али Митхадович,
кандидат исторических наук, заместитель директора,
Институт актуальных международных проблем,
Дипломатическая академия МИД России,
e-mail: gulara1972@gmail.com

Ali M. Mustafabeyli,
Ph.D. (History), Deputy Director of the Institute of
Contemporary International Studies,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
e-mail: gulara1972@gmail.com

**НЕПРИЗНАННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ТАЛИБОВ³
РЕШАЕТ СВОИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ
THE UNRECOGNIZED TALIBAN GOVERNMENT
IS SOLVING ITS FOREIGN POLICY TASKS**

Аннотация: Движение «Талибан» (ДТ), придя к власти, неоднократно заявляло о намерении установить и развивать дипломатические и экономические связи со всеми странами, включая США, делая акцент на соседних государствах, заверяло в недопущении преступных действий террористических группировок в Афганистане и с его территории, призывало международное сообщество признать новое правительство в Кабуле.

Однако там, где интересы не сходятся, талибы проявляют решительность и бескомпромиссность в отстаивании своих выгод.

Ключевые слова: Движение «Талибан», дипломатические и экономические связи, террористические группировки, новое правительство в Кабуле, соседние государства, международное сообщество.

Abstract: the Taliban movement, having come to power, has repeatedly declared its intention to establish and develop diplomatic and economic ties with all countries, including the United States, with an emphasis on neighboring states, assured of the prevention of criminal actions by terrorist groups in Afghanistan and from its territory, and called on the international community to recognize the new

---

³Организация признана террористической, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

government in Kabul. Where, however, interests do not converge, the Taliban are decisive and uncompromising in defending their benefits.

Key words: Taliban movement, diplomatic and economic ties, terrorist groups, new government in Kabul, neighboring states, international community.

Через полгода после свержения проамериканского правительства А. Гани и изгнания США из Афганистана по инициативе эмира провозглашенного талибами Исламского Эмирата Афганистан (ИЭА) Хайбатуллы Ахундзада, поддержанной духовенством, был созван Совет улемов. Древняя традиция афганцев была использована с целью внутренней легитимизации правительства талибов, его власти. Главные идеи, содержащиеся в обращении эмира, касаются построения «чистого исламского государства», действующего на основе шариата. Любые навязываемые отклонения не подлежат каким бы то ни было обсуждениям. Компромиссов не может быть.

В то же время, по словам лидера, у ИЭА нет никакой злой воли по отношению к соседним государствам, которым талибы желают только добра, безопасности и мира [24]. Представители правительства талибов со времени прихода к власти неоднократно заявляли о намерении наладить отношения, установить и развивать дипломатические и экономические связи со всеми странами, включая США. Говорили о готовности принимать гуманитарную помощь, не сопряженную с какими-либо условиями, заверяли о недопущении преступных действий террористических группировок в Афганистане и с его территории, призывали международное сообщество признать новую власть в Кабуле [35]. Узбекистан и Туркменистан с удовлетворением восприняли декларируемое талибским правительством желание перейти от войны к созидательной деятельности совместно с зарубежными и в первую очередь соседними государствами. Последовали взаимные визиты сторон. Афганцы посетили Ташкент. В ходе состоявшихся переговоров были затронуты наиболее важные аспекты взаимодействия. На Узбекистан приходится свыше

половины афганского импорта электроэнергии, остальную часть обеспечивают Туркменистан, Таджикистан и Пакистан. С растущей нагрузкой работает афгано-узбекский пограничный транзитный комплекс Термез-Хайратон, через который ИЭА импортирует продовольствие, нефтепродукты и медикаменты, получает гуманитарные грузы. Узбекская сторона проводит реконструкцию аэропорта города Мазари-Шариф, расположенного в 70 км от афгано-узбекской границы. В обоих направлениях восстановлены авиарейсы Кабул – Ташкент.

Переговоры делегаций Исламского Эмирата и Туркменистана прошли в афганском городе Герат, находящемся недалеко от афгано-туркменской границы, и были посвящены в основном сооружению газопровода ТАПИ (Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия). Туркменская часть этой артерии уже построена и подведена к границе с Афганистаном [14]. В июле 2023 года Пакистан и Туркменистан подписали в Исламабаде совместный план реализации проекта, предусматривающий завершение в кратчайшие сроки разработки технико-экономического обоснования ТАПИ и ускорение строительных работ, а также создание высшего координационного совета в целях постоянного мониторинга и согласования соответствующей деятельности [23].

Исламский Эмират выразил благодарность Казахстану в связи с его активностью на афганском направлении. Астана после прихода к власти Движение «Талибан» (ДТ) неоднократно направляла в Афганистан свои делегации. Президент Казахстана К.-Ж. Токаев, касаясь связей с ДТ, заявил, что его страна открыта для контактов с новыми властями Афганистана, в том числе для решения гуманитарных проблем. Президент отметил, что все события, происходящие в Афганистане, являются внутренним делом, в которое мировое сообщество не должно вмешиваться.

По словам министра торговли и интеграции С.М. Жумангарина, в 2022 году товарооборот между двумя странами составил 1 млрд долларов. Около 60% потребляемой афганцами муки экспортируют казахстанские

производители. Республика поставляет в Афганистан продовольствие, природный газ и сталь. В свою очередь ИЭА продает казахстанским партнерам виноград, свежие и сухие фрукты, картофель.

По мнению казахстанских экспертов, Исламский Эмират в настоящее время не представляет террористической угрозы. Нынешнее пуштунское правительство больше погружено во внутренние проблемы [11].

Правительство талибов весьма благосклонно отнеслось к инициативам Кыргызстана по налаживанию диалога, оказанию Афганистану гуманитарной помощи [18]. Талибами была выражена готовность к укреплению политических и экономических связей с Бишкеком, принятию мер по блокированию вмешательства афганских таджиков в киргизско-таджикскую конфронтацию [19]. Афганцы, в свою очередь, обратились с просьбой к Кыргызстану о содействии в экспорте их сельскохозяйственной продукции на российский рынок [33].

Заверения Кабула о дружбе с соседями по ряду позиций вступают в противоречие с реальными действиями Исламского Эмирата. Там, где интересы сталкиваются, талибы проявляют решительность и бескомпромиссность. В частности, реализация проекта сооружения канала Куш-Тепа в провинции Балх на границе с Туркменистаном может крайне осложнить ситуацию с водопользованием во всей Центральной Азии. Канал строится афганской Национальной компанией развития. Его протяженность должна составить 285 км, ширина – 100 м, глубина – 8,5 м. Вода будет поступать из Амударьи. Оценочная стоимость проекта – 684 млн долларов. Как утверждают талибы, сооружение ведется за счет государственных средств. На строительные работы привлечено 6 тыс. человек. Представители талибских властей неоднократно заявляли о намерении во что бы то ни стало завершить реализацию проекта. Проблема соседей заключается в том, что формально не существует ни международных норм, ни региональных договоренностей, препятствующих этому. В марте 2023 года высокая делегация Узбекистана провела переговоры в Кабуле по Куш-Тепа. Хотя

стороны всячески подчеркивали эффективность состоявшегося контакта, а узбеки выразили готовность к техническому участию в проекте, информация о каких-либо решениях отсутствует [32].

Наибольшую проблему представляют противоречия талибов с Таджикистаном. Президент Э. Рахмон, отказываясь от общения с ИЭА, заявляет с высоких трибун 76-й сессии ГА ООН, саммита стран Центральной Азии и Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива о необходимости проведения демократических выборов, формирования в Кабуле инклюзивного правительства с участием представителей всех этнополитических и социальных групп, обеспечения прав и свобод граждан, особенно женщин [8]. Поскольку в странах Персидского залива такого рода инклюзивные правительства отсутствуют, а права женщин и девушек практически не соблюдаются, заявление Э. Рахмона было неуместным и вызвало особое раздражение талибов. Талибы сочли позицию таджиков вмешательством во внутренние дела Афганистана и стали угрожать Душанбе неким противодействием.

Таджикское руководство не доверяет талибским властям, опасается проникновения их людей либо боевиков различных экстремистских группировок в Таджикистан, другие соседние страны для распространения радикального ислама, организации террористических акций. Рахмон на этом фоне позиционирует себя как защитника всех таджиков, включая афганских, объединенных в борющемся с режимом ИЭА «Фронте национального сопротивления Афганистана» во главе с Ахмадом Масудом⁴.

Спецслужбами России, а также союзных стран, установлено, что талибские власти перебрасывают в провинции, граничащие с Таджикистаном и другими соседними государствами, свои подразделения и группы пакистанских талибов. Начальник Объединенного штаба Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) генерал-полковник

---

⁴ Сын Ахмадшаха Масуда – лидера «Исламского общества Афганистана» (группировки, воевавшей с советскими войсками и армией просоветского правительства Народно-демократической партии Афганистана, позже «Северного альянса», противодействовавшего талибам).

А.А. Сидоров в этой связи заявил, что «...в Афганистане действуют 20 тысяч боевиков различных террористических организаций, среди которых самая многочисленная «Вилаят Хорасан» (филиал Исламского государства) – 6,5 тысяч, Аль-Каида, Исламское движение Узбекистана и другие». По его словам, многочисленная группировка сосредоточена на афгано-таджикской границе. А.А. Сидоров заверил, что ОДКБ будет защищать Таджикистан.

На встрече с участниками консультаций по Афганистану Президент В.В. Путин подчеркнул, что для России «...всегда было важно, а сегодня важно вдвойне, чтобы на наших южных границах не возникали точки напряжения» [29].

Евросоюз ожидаемо опубликовал противоположные высказывания. Спецпосланник ЕС по Афганистану Томас Никлассон в интервью афганскому агентству «ArianaNews» дал высокую оценку готовности ИЭА поддерживать диалог с международным сообществом и бороться с «Исламским государством»⁵ [22].

В начале июля 2023 года вслед за сообщениями об афгано-пакистанских договоренностях относительно переброски пакистанских талибов к границам Таджикистана и других стран Центральной Азии в Исламабаде состоялись переговоры между министром обороны Таджикистана Ш. Мирзо и его пакистанским коллегой Х.М. Асифом. Стороны признали наличие общих угроз, исходящих из Афганистана, и необходимость с ними бороться [28].

После захвата ДТ власти пакистанцы рассчитывали усилить свое влияние в Афганистане и регионе, имея в виду многолетнее финансовое и другое спонсорство ДТ, всестороннюю помощь в подготовке, организации и ведении боевых действий. Однако даже пакистанские стратеги не учли свободолюбие пуштунов. Добившись независимости, они стали принимать самостоятельные решения. В связи с попытками Исламабада оказать давление на Кабул напряжение между двумя странами в 2022–2023 годах стало

---

⁵ 5 Организация признана террористической, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

нарастать, приводя к вооруженным стычкам на границе. Камнем преткновения являлось требование пакистанцев к Кабулу отказаться от предоставления территории и оказания поддержки пакистанским талибам, с которыми Исламабад продолжает воевать. Ответ Исламского Эмирата всегда был негативным и сопровождался предложением добиваться мира путем диалога [3].

В то же время в ходе прошедшего в Кабуле в феврале 2023 года визита представительной пакистанской делегации во главе с министром обороны Х. Асифом стороны договорились избегать вооруженной конфронтации и преодолевать возникающие противоречия мирным путем. Были обсуждены также проблемы, связанные с военной оппозицией в Афганистане, беженцами, а также пути наращивания торгово-экономического сотрудничества [31]. В 2022 году товарооборот между двумя странами составил 213 млн долларов.

30 июля 2023 года в Пакистане террорист-смертник осуществил взрыв на съезде партии «Собрание исламских богословов», входящей в правящую коалицию. Погибли по меньшей мере 45 человек, 150 получили ранение. Ни одна из оппозиционных экстремистских организаций не объявила о своей причастности. Не исключено, что очередное преступление вновь осложнит отношения талибов с Исламабадом, хотя Кабул незамедлительно осудил террористическую акцию [6].

Между теократическим Исламским Эмиратом Афганистан и Исламской Республикой Иран нет ничего общего. Талибскую власть составляют сунниты-пуштуны – убежденные радикалы, не допускающие нарушения своей диктатуры, к тому же абсолютной, в связи с отсутствием какого-либо законодательства. Государственная система персоязычного шиитского Ирана содержит элементы демократии: президент и парламент, избираемые общенародным тайным голосованием, правда, контролируемым неким исламско-государственным институтом – Наблюдательным советом; некоторые демократические свободы в строгих рамках, в том числе касающиеся прав женщин (доступность образования, допустимость участия в

общественных и государственных делах). Об исламской власти в Иране можно судить как об инклюзивной с учетом того, что верховным лидером государства является этнический азербайджанец, в правительстве и на местах государственные должности, с установленными ограничениями, занимают азербайджанцы, в меньшей степени курды, представители других национальностей, хотя высшим руководством страны настойчиво проводится политика их ассимиляции.

Иранцы всегда были сторонниками афганских таджиков и персоязычных шиитов-хазарейцев, стремились влиять на них. Их группировкам, боровшимся в 80-х годах прошлого столетия против правительства Народно-демократической партии Афганистана и советских войск, оказывалась всесторонняя помощь. Беженцы-таджики и хазарейцы принимались в Иране практически без ограничений (проблема афганских беженцев не решена до сих пор). В 90-х годах Исламская Республика активно поддерживала таджикский «Северный альянс», воевавший против талибов. В этой связи талибы воспринимали иранцев как врагов. В 1998 году при взятии Мазари-Шариф (город на севере Афганистана) они ворвались в иранское консульство, захватили весь дипломатический персонал (по разным сведениям, 8 или 11 дипломатов) и корреспондента агентства IRNA Махмуда Сареми. Позже все они были казнены. Впоследствии в 2015 году иранским режиссером Абдолхассаном Барзиде был снят художественный фильм «Мазар-Шариф», а 8 августа в Иране объявлен Национальным днем журналистов в память о погибшем М. Сареми. Агентство IRNA в сообщении от 11 августа 2022 года проинформировало о требовании Тегерана к правительству талибов, высказанном министром иностранных дел Х.А. Абдоллахианом, расследовать преступную акцию 1998 года [9]. Реакции талибских властей так и не последовало.

Со свержением власти талибов в 2001 году и началом американской агрессии Тегеран стал им помогать в противоборстве с общим врагом – США.

Однако напряженность между двумя теократиями сохраняется. Пограничные стычки происходили в 2021, 2022 годах. В 2023 году произошло серьезное пограничное столкновение с применением тяжелых вооружений. Вскоре конфликт был урегулирован [2].

Иранцы опасаются продолжения конфронтации, отмечают отсутствие в Кабуле договороспособного правительства. Опасность для Ирана представляет и вероятное распространение идеологии радикального ислама. Талибы предполагают возможность установления связей Тегерана по различным каналам с таджиками и хазарейцами, в том числе с вооруженной оппозицией, в первую очередь с «Фронтом национального сопротивления Афганистана» во главе с Ахмадом Масудом.

И все же и афганцы, и иранцы отдают себе отчет в том, что цементирующим фактором двусторонних отношений является экономическое взаимодействие, тем более что оно приносит прибыль. В частности, Афганистан подписал с Ираном соглашение о закупке 350 тысяч тонн нефти, создан совместный комитет по межправительственным контрактам, касающимся строительства нефтепроводов, нефтеперерабатывающих заводов. Об этом сообщает министерство финансов правительства талибов [37].

Неназванная афганская частная компания инвестирует 50 млн долларов в строительство портовой инфраструктуры на иранском Каспии. На этот счет подписан меморандум о взаимопонимании, предусматривающий сооружение трех причалов морского порта в свободной экономической зоне «Энзели» [34].

Правительство талибов, представители российского и иранского бизнеса, а также пакистанские специалисты заключили меморандум о намерениях стоимостью в 1 млрд долларов на строительство в афганской провинции Саманган угольной тепловой электростанции, модернизацию газопровода в Герате, добычу полезных ископаемых, сооружение автомагистрали Кабул – Милак (населенный пункт в Иране на границе с Афганистаном) и станции водоочистки, реконструкцию тоннеля «Саланг» [30].

В Иране состоялась церемония открытия трансграничной железной дороги, связавшей город Хаф с афганским Гератом. Такое же мероприятие прошло по другую сторону границы. По первоначальным оценкам, логистическая мощность дороги составляет 6 млн тонн товаров в год. Тем не менее иранский посол в Кабуле выразил сожаление, что пока по маршруту курсируют только учебные поезда [16].

Товарооборот между Афганистаном и Ираном в 2022 году достиг 2 млрд долларов. Основными товарами, экспортируемыми Ираном в Афганистан, являются продукты питания, нефтепродукты, строительные материалы. Афганистан поставляет в Исламскую Республику свежие фрукты и сухофрукты, лекарственные растения, полезные ископаемые [1].

Что будет дальше с афгано-иранскими отношениями, трудно предсказать, особенно с учетом участившихся контактов талибов с американцами, обладающими, как известно, обширным опытом разжигания конфликтов вокруг имеющихся проблем.

Турки, стремившиеся при «афганской демократии» играть одну из центральных ролей в урегулировании ее проблем, сначала получили от талибов строгое замечание, граничившее с угрозой. Анкаре, которая по просьбе американцев выразила готовность оставить в Афганистане некоторые подразделения своих войск для охраны кабульского аэропорта, новая власть категорически заявила, что не потерпит присутствия на своей территории чьих бы то ни было военных сил. Турция приняла во внимание строгий нрав талибов и совместно с Катаром предложила свои технические услуги для управления аэропортами Афганистана, включая кабульский. Афганцы, заинтересованные в развитии широкого торгово-экономического сотрудничества с Турцией, имеющей большой опыт работы в Афганистане (к 2021 году в стране функционировало 300 турецких компаний [38]), сначала рассматривали турецко-катарскую инициативу в положительном плане. О перезапуске двустороннего взаимодействия шла речь на состоявшейся в

Анталье встрече министра иностранных дел талибов А. Моттаки и главы внешнеполитического ведомства Турции М. Чавушоглу [10].

Однако позднее талибские власти приняли решение о передаче трех главных аэропортов Афганистана – кабульского, кандагарского и гератского – в управление Объединенных Арабских Эмиратов. Возможно, изменение позиции Кабула было связано с тем, что в Турции укрываются А. Достум и М. Мохаккик – узбекский и хазарейский лидеры антиталибовского лагеря. Так или иначе, в ответ по указанию президента Р. Эрдогана в феврале 2023 года состав дипломатической миссии в Кабуле сокращается, ослабевают и двусторонние связи.

Главными партнерами талибов в арабском сообществе были, как известно, Королевство Саудовская Аравия (КСА), Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) и Катар. ДТ захватив власть в Афганистане и взяв на себя ответственность за страну, рассчитывало на политическую и особенно экономическую поддержку арабов. Однако саудовцы не проявили особого рвения в укреплении дружбы и сотрудничества с Исламским Эмиратом, религиозный радикализм которого явно не импонирует саудовским правителям, не делают они этого и сейчас. Наследный принц и лидер КСА Мухаммед ибн Салман решил, что его страна должна отказаться от экспорта идеологии и переключиться на исламскую дипломатию, сфокусированную на торгово-экономическом сотрудничестве с передовыми государствами. В этой связи финансовая помощь талибам ощутимо сократилась. Как бы в ответ талибы, придя к власти, заявили, что не приемлют ваххабизм, для которого нет и не будет места в Афганистане [26]. Демонстрируя дистанцию от Саудовской Аравии и самостоятельность, талибские власти объявили один из основных мусульманских праздников Ид-аль-Фитр (праздник разговения) на день раньше саудовцев, что не приходит в голову ни одному мусульманину, в том числе афганцу [25]. Все эти жесты не означают, что талибы утратили потребность в общении с влиятельной мусульманской державой, хранительницей главных исламских святынь. Саудовские власти, со своей

стороны, внимательно отслеживают развитие обстановки в Исламском Эмирате, поддерживают связи со всеми противоборствующими группировками внутри талибского лагеря.

Катар остается площадкой для наиболее важных контактов талибов. Здесь прошли переговоры с представителями 16 европейских стран, Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) и, наконец, США. Состоялся и двусторонний диалог между министром обороны талибского правительства М. Моджахедом и заместителем премьер-министра, министром иностранных дел Катара М. Ат-Тани. Афганец выразил уверенность в продолжении плодотворного взаимовыгодного сотрудничества между двумя странами. Глава МИД Катара подчеркнул важность реализации национальных интересов Афганистана, обеспечения законного права афганцев на безопасность и процветание [17].

Побывав в Дохе, М. Моджахед отправился в ОАЭ. В преддверии контакта министерство обороны талибов опубликовало информацию о том, что целью визита является развитие связей с ССАГПЗ, особенно с ОАЭ, и встреча с афганцами, обосновавшимися в Эмиратах. Турне афганца в Доху и Абу-Даби было спланировано таким образом неслучайно. Талибы старались показать сбалансированность своей политики в отношении арабских друзей, сотрудничеству с которыми придается важное значение. И все-таки предпочтение в экономической сфере пока отдается Эмиратам, являющимся финансовым центром и хабом в регионе и за его пределами.

В столице ОАЭ М. Моджахед был принят на самом высоком уровне. В ходе беседы с эмиром шейхом Мухаммедом бен Заидом аль-Нахайяном были обсуждены не только различные аспекты двусторонних связей, но и ситуация в регионе, ее влияние на международные дела. Параллельно состоялась встреча и с прибывшим из Нью-Йорка спецпредставителем США по Афганистану Т. Уэстом. Общаясь с афганскими бизнесменами, М. Моджахед призвал их вернуться на родину, убеждая, что в Афганистане для инвестиционной деятельности созданы благоприятные условия.

Примечательно, что министр обороны, входящий в умеренное крыло талибской элиты (противостоящее радикальному кандагарскому), заявил, что будет добиваться участия в политике и экономике представителей всех этнических групп страны [7].

Индия проявляла значительную активность на афганском направлении при правительствах Х. Карзая и А. Гани, шедших по пути американской демократии, провалившейся в Афганистане и не только. Афгано-индийское партнерство охватывало, по существу, все сферы: политическую, экономическую, гуманитарную, военную. Объем индийских инициатив составлял 2 млрд долларов. Теперь, когда во главе афганского государства оказались талибы, изгнавшие американцев, индийцы приостановили свою благотворительную и другую деятельность, посчитав необходимым разобраться в сложившейся обстановке и политике новой власти. Правители в Кабуле ассоциировались с Пакистаном, террористическими группировками, действующими на его территории. На таком фоне талибы настойчиво выражали доброжелательство, обещали гарантировать безопасность работы индийского посольства, государственных организаций и коммерческих компаний в случае их возвращения в Афганистан для реализации прежних проектов и осуществления новых.

Нью-Дели постепенно пересматривает свою позицию, обращая внимание на активность на афганском поле и вокруг него региональных акторов и мировых держав, возобновляет работу посольства, направив в Кабул «техническую команду» для оказания консульских услуг, координации гуманитарной помощи и перезапуска имеющихся проектов развития. Выстраивается диалог с талибским правительством. В июне 2022 года по инициативе афганской стороны состоялся первый визит в Кабул индийской делегации во главе с руководителем регионального отдела МИД Индии Дж.П. Сингхой. Индия принимает участие в различных международных форумах по проблемам Афганистана, оказывает гуманитарную помощь. В 2022 году она составила 27 млн долларов [13].

Исторически независимый Афганистан при всех властях тянулся к независимой Индии. Афганская элита, включая военную, получала образование в Индии. Индийская культура близка афганцам. Сегодняшние талибские власти заинтересованы в партнерстве с Индией, которая, не выдвигая никаких условий, готова продолжать гуманитарную помощь и развивать экономическое сотрудничество, хотя Нью-Дели вместе с ведущими мировыми державами требует соблюдения прав человека, формирования инклюзивного правительства и иного правительства не признает. Как и в прежние времена Кабул рассматривает Индию в качестве противовеса Пакистану.

Для Китая талибы стараются создать самые благоприятные условия, в первую очередь обеспечивают безопасность. Китайцы по своему обыкновению занимаются делом. Многосторонний формат, как всегда, их не устраивает. Первое, что видят иностранцы, выехав из кабульского аэропорта, – рекламный щит «Чайна-таун». Торговый центр предлагает кабульцам незамысловатую мебель, электрические и простые велосипеды (самое востребованное для афганцев транспортное средство), светильники, кухонные принадлежности, стиральный порошок, дешевые украшения, посуду и одежду [21]. Однако талибские власти ожидают реализации крупных, в том числе инвестиционных, проектов: полномасштабной эксплуатации крупнейшего в мире меднорудного месторождения Айнак, добычи нефти в соответствии с контрактом, подписанным с китайской компанией XinjiangCentralAsiaPetroleumandGas [15], строительства дорог и электростанций, капиталовложений в разработку месторождений полезных ископаемых и др.

Связи талибов с Китаем были установлены до того, как они стали управлять страной. Китай был обеспокоен присутствием на территории Афганистана уйгурской экстремистской организации «Исламское движение Восточного Туркестана». Тема не исчерпана и сейчас, хотя, реагируя на

обращения Пекина, талибы передислоцировали формирования уйгуров из провинции Бадахшан вглубь страны, подальше от китайской границы.

Работавшие в Афганистане при правительствах Х. Карзая и А. Гани европейские коммерческие компании, всякого рода «демократические» и иные неправительственные организации, посольства спешно покинули страну, завоеванную талибами. Настаивая на соблюдении прав человека, требуя создания инклюзивного правительства, европейцы одновременно устанавливали с ними связи. На этот счет было принято специальное решение глав МИД стран ЕС по итогам их внеочередной видеовстречи, состоявшейся 17 августа 2021 года, то есть через два дня после захвата талибами Кабула. Верховный представитель ЕС по иностранным делам Ж. Боррель разъяснил смысл европейской позиции, которая заключалась в недопущении гуманитарного, а за ним и миграционного кризисов. Есть и другая задача, о которой также заявил Ж. Боррель: ЕС, тесно взаимодействуя с США, не должен позволить России и Китаю взять под контроль ситуацию в Афганистане и стать спонсорами Кабула [4].

Талибы, не обращая внимания на хитросплетения отношений Брюсселя с Москвой и Пекином, стремятся восстановить и развивать связи с европейцами. Глава МИД А. Муттаки в ходе очередной встречи со спецпосланником ЕС по Афганистану Т. Никлассоном призвал страны Евросоюза возобновить работу дипломатических представительств в Афганистане [12]. Между тем контакты уже налажены со многими иностранными дипломатами, главами различных организаций и компаний. Особое внимание уделяется странам НАТО. В частности, Норвегия в январе 2022 года предоставила площадку для встречи афганской делегации во главе с министром иностранных дел А. Муттаки со спецпредставителями по Афганистану из Норвегии, Германии, Великобритании, Франции, Италии, США и Евросоюза. Талибы были удовлетворены тем, что в ходе переговоров большое внимание было уделено размораживанию активов Центрального

банка Афганистана, а также гуманитарным и социальным проблемам страны [36].

Талибы, со своей стороны, дали согласие на возобновление деятельности Миссии ООН по содействию Афганистану. ЕС более или менее регулярно оказывает афганцам гуманитарную помощь. Экономическая помощь размером в 1 млрд евро заблокирована. Вопрос о ее предоставлении будет решаться, когда талибские власти начнут соблюдать права человека [5]. Нет сомнений в том, что европейцы больше всего опасаются нового миграционного потока.

Талибы торжествовали победу, захватив власть и вынудив американцев неорганизованно бежать из страны, дискредитировав себя на долгие годы. Тем не менее война закончилась, талибские лидеры не могли не понимать важность оживления отношений с Вашингтоном, объявившим жесткий санкционный режим и заблокировавшим 7 млрд активов Центрального банка Афганистана под предлогом нарушения подписанного мирного соглашения. Двусторонние рабочие контакты на различных площадках происходили регулярно, однако видимые результаты отсутствовали. В июле 2022 года в Кабуле ударом американского беспилотника был ликвидирован один из лидеров «Аль-Каиды»⁶ аз-Завахири. Акция была совершена через несколько дней после талибо-американской встречи в Ташкенте на полях Международной конференции по Афганистану. Никакой протестной реакции со стороны талибов в связи с налетом на территорию их страны не последовало. Вашингтон постарался убедить мировое сообщество в том, что может себе позволить любые действия в Афганистане, хотя и провалил двадцатилетнюю военную кампанию в этой стране. Некоторые эксперты заговорили о том, что талибы якобы попытались продать аз-Завахири за снятие санкций и размораживание активов Центробанка [20]. Трудно в это поверить, но если такая попытка и была предпринята, то она не удалась.

---

⁶ 6 Организация признана террористической, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

Санкции, хотя и в колониальном формате, но все-таки несколько смягчились. Сначала американской администрацией рассматривались претензии семей погибших 11 сентября 2001 года на половину замороженных афганских средств, в то время как афганцы, как известно, никакого отношения к террористической акции в США не имели. Позже президент Дж. Байден принял решение о создании в Швейцарии Фонда афганского народа, средства которого (вновь 3,5 млрд долларов), находящиеся вне доступа для талибов, будут расходоваться на преодоление экономического и гуманитарного кризиса в Афганистане [39]. Кроме того, Министерство финансов США разрешило американскому правительству, неправительственным и некоторым международным организациям проводить финансовые операции и сделки с талибскими властями с целью осуществления экспорта и реэкспорта продуктов питания, лекарств и медицинского оборудования [27]. Талибо-американские переговоры уже на официальном уровне, как было объявлено афганцами, состоялись в Дохе в августе 2023 года. Талибы выразили удовлетворение итогами диалога, в ходе которого обсуждались меры укрепления доверия и безопасности, тема освобождения задержанных граждан США. Американская сторона не ушла от весьма подробного разговора о проблемах, волнующих афганцев, – снятие санкций и размораживание активов афганского Центрального банка. В дискуссии приняли участие представители Центрального банка и Министерства финансов Афганистана. Не осталась в стороне, разумеется, и демократическая тематика: права человека, образование девочек, трудоустройство женщин и др. Опубликованная информация, конечно, не передает содержания состоявшегося контакта. Вместе с тем можно предположить с большой долей вероятности, что речь шла и о сдерживании афганцев в отношении сотрудничества с Россией, Китаем и Ираном. Американцы, скорее всего, уделили внимание разъяснению ситуации на Украине и вокруг нее, своей позиции по Китаю и Ирану. Талибы, естественно, хорошо знакомы с провокационными поведками США, их двуличием и ненадежностью. Тем не

менее американцы нужны афганцам, по крайней мере, на данном этапе. Американцам Афганистан нужен прежде всего для организации антироссийской и антикитайской деятельности в регионе.

Настроить талибов против России, признавшей их задолго до окончания войны реальной политической силой, способной прийти к власти, очень непросто. Дальнейшие шаги Москвы укрепляли доверие к ней и дружественное отношение уже победившего движения «Талибан». С энтузиазмом им воспринималось участие в московском формате консультаций, экономическом форуме в Санкт-Петербурге. Москвой принято правильное решение о проведении в конце сентября 2023 года очередного московского формата в Татарстане. Новая власть в Кабуле, несомненно, с удовлетворением отмечала призывы Москвы к Вашингтону не только отказаться от санкционного режима, вернуть заблокированные афганские деньги, но и заняться восстановлением страны, разрушенной США за 20 лет военной кампании.

В то же время следует использовать все средства для наблюдения за поведением афганцев, Запада в первую очередь США, и обстановкой в стране. На предстоящих форумах по Афганистану необходимо обращать внимание талибов на чрезвычайную важность преодоления внутренних распрей и создания конституции и, соответственно, законодательства, без которых маловероятно формирование правительства, обеспечивающего права всех народов Афганистана, прежде всего таджиков. В этой связи справедливым является высказывание специального посланника Президента России по Афганистану З.Н. Кабулова, отметившего, что талибы пока не научились управлять страной [29].

Как известно, пуштуны, образовавшие государство и управлявшие им в течение всей истории, за редким исключением, никогда добровольно не делились властью⁷.

---

⁷С апреля по ноябрь 1929 года афганский трон был захвачен самозванным таджикским лидером Х. Калакани. С 1992 по 1996 год пост президента страны занимал таджик Б. Раббани.

Список источников и литературы

1. Афганистан попросил у Ирана расширения торгового обмена // ИА Красная Весна. 14 марта 2023 г. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/a877e73b> (дата обращения: 15.06.2023).

2. Афганистан: два г. под властью талибов // Совершенно секретно. 12 июня 2023 г. URL: <https://www.sovsekretno.ru/articles/politika/afganistan-dva-goda-pod-vlastyu-talibov120623/> (дата обращения: 18.06.2023).

3. Афганские власти отказались помогать Пакистану в подавлении исламистов // ИА Красная Весна. 23 июля 2023 г. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/c4da18b2> (дата обращения: 19.07.2023).

4. Боррель: ЕС не должен позволить России и Китаю взять контроль над ситуацией в Афганистане // ТАСС. 19 августа 2021 г. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12167663> (дата обращения: 25.08.2023).

5. В ЕК заявили, что ЕС заморозил экономическую помощь Афганистану в €1 млрд на семь лет // ТАСС. 21 августа 2021 г. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12186603> (дата обращения: 01.09.2023).

6. В Пакистане заявили о причастности ИГ к теракту с 45 погибшими // ТАСС. 31 июля 2023 г. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18409963> (дата обращения: 08.08.2023).

7. Визит министра обороны Талибана в ОАЭ: чего добиваются Талибан? // Анкарский центр исследований кризисных ситуаций и политики. 13 декабря 2022 г. URL: <https://www.ankasam.org/визит-министра-обороны-талибана-в-оаэ/?lang=ru> (дата обращения: 06.03.2023).

8. Выступление Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона на первом Саммите государств Центральной Азии и арабских стран Залива // Правительство Республики Таджикистан – Национальное информационное агентство Таджикистана «Ховар». 19 июля 2023 г. URL:

<https://khover.tj/rus/2023/07/vystuplenie-prezidenta-respubliki-tadzhikistan-emomali-rahmona-na-pervom-sammite-gosudarstv-tsentralnoj-azii-i-arabskih-stran-zaliva/> (дата обращения: 06.08.2023).

9. Глава МИД Ирана потребовал от Кабула ответить за убийство дипломатов // ИА Красная Весна. 11 августа 2022 г. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/b0895d4a> (дата обращения: 06.08.2023).

10. Главы МИД «Талибана» и Турции обсудили расширение отношений между странами // News.myseldon.com. 14 марта 2022 г. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/268529045> (дата обращения: 26.04.2023).

11. Диалог необходим: почему Казахстан развивает экономическое сотрудничество с талибами // Zakon.kz. 26 апреля 2023 г. URL: <https://www.zakon.kz/stati/6391698-dialog-neobkhodim-pochemu-kazakhstan-razvivaet-ekonomicheskoe-sotrudnichestvo-s-talibami.html> (дата обращения: 11.07.2023).

12. Евросоюз намерен возобновить деятельность дипмиссии в Афганистане // Регнум. 24 октября 2021 г. URL: <https://regnum.ru/news/3406056> (дата обращения: 11.07.2023).

13. *Захаров А.И.* Индия возвращается в Афганистан? // India Analytics. URL: <https://indiaanalytics.ru/india-vozvrashaetsya-v-afghanistan/> (дата обращения: 29.08.2023).

14. Здравствуй, «Талибан» – говорят в Тошкенте и Ашгабате // Военное обозрение. 27 декабря 2021 г. URL: <https://topwar.ru/190463-zdravstvuj-taliban-govorjat-v-toshkente-i-ashgabate.html> (дата обращения: 17.08.2023).

15. Инвестиции составят 150 млн долл в г., через три г. эта сумма увеличится до 540 млн. Талибы будут получать 15% дохода // Пока западные компании бегут из Афганистана, их место занимают китайские // ЦентрАзия. 13 июня 2023 г. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1686563880> (дата обращения: 11.07.2023).

16. Иран и Афганистан запустили первую трансграничную железную дорогу // Dzen.ru (блог Sputnik Таджикистан). 12 июля 2023 г. URL: <https://dzen.ru/a/ZK5q7F6ieVWwlrxi> (дата обращения: 12.07.2023).

17. Катар не выпускает афганское досье: новая встреча с талибами // EurAsiaDaily. 8 июля 2022 г. URL: <https://easaily.com/ru/news/2022/07/08/katar-ne-vypuskaet-afganskoe-dose-novaya-vstrecha-s-talibami> (дата обращения: 21.07.2023).

18. Киргизия станет 1-й страной официально признавшей Афганский талибский эмират? // Центр Азия. 24 сентября 2021 г. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1632474060> (дата обращения: 21.06.2023).

19. Кыргызстан договаривается с талибами... // Белый парус. 1 ноября 2022 г. URL: <https://paruskg.info/novosti/198601-Кыргызстан-договаривается-с-талибами.html> (дата обращения: 11.11.2022).

20. Ликвидация на миллиарды долларов? // Фергана Медиа. 4 августа 2022 г. URL: <https://fergana.media/articles/127215/> (дата обращения: 10.05.2023)

21. Нефть, террор и Чайна-таун. Китайские бизнесмены осваивают Афганистан. Как они помогают талибам восстанавливать страну // Лента.ру. 4 июня 2023 г. URL: https://lenta.ru/articles/2023/06/04/afg_chi/ (дата обращения: 11.07.2023).

22. «Они стараются»: спецпосланник ЕС по Афганистану оценил усилия талибов по борьбе с ИГ// EurAsia Daily. 6 марта 2023 г. URL: <https://easaily.com/ru/news/2023/03/06/oni-starayutsya-spesposlannik-es-po-afganistanu-ocenil-usiliya-talibov-po-borbe-s-ig>(дата обращения: 07.07.2023).

23. Пакистан и Туркмения подписали план реализации строительства газопровода ТАПИ // ТАСС. 9 июня 2023 г. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17970585> (дата обращения: 21.08.2023).

24. Послание муллы Хейбатуллы Ахундзаде к собранию мулл // Анкарский центр исследований кризисных ситуаций и политики. 15 июля 2022 г. URL: <https://www.ankasam.org/послание-муллы-хейбатуллы-ахундзаде/?lang=ru>(дата обращения: 15.07.2023).

25. Почему талибы отпраздновали Ид аль-Фитр раньше, чем Саудовская Аравия? // Регнум. 5 мая 2022 г. URL: <https://regnum.ru/news/3583432> (дата обращения: 11.07.2023).

26. Саудовская Аравия оставила Афганистан без поддержки // Pravda.ru. 18 октября 2021 г. URL: <https://www.pravda.ru/world/1650094-afghanistan/> (дата обращения: 11.11.2023).

27. США разрешили финансовые операции с «Талибаном» для гуманитарных нужд // Известия. 24 сентября 2021 г. URL: <https://iz.ru/1226602/2021-09-24/ssha-razreshili-finansovye-operacii-s-talibanom-dlia-gumanitarnykh-nuzhd> (дата обращения: 07.08.2023).

28. «Талибан» у границ: встреча глав Минобороны Таджикистана и Пакистана // Sputnik Таджикистан. 5 июля 2023 г. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20230705/tajikistan-pakistan-1058090948.html> (дата обращения: 11.07.2023).

29. «Талибану» не повезло // Коммерсант. 15 февраля 2023 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5826951> (дата обращения: 19.02.2023).

30. Талибы заключили меморандум с российскими компаниями // Islam Today. 3 марта 2023 г. URL: <https://islam-today.ru/novosti/2023/03/03/taliby-zaklucili-memorandum-s-rossijskimi-kompaniami/> (дата обращения: 12.04.2023).

31. Талибы и Пакистан договорились решать споры полюбовно // ИА IslamNews. 24 февраля 2023 г. URL: <https://islamnews.ru/2023/2/24/taliby-i-pakistan-dogovorilis-reshat-spory-polyubovno> (дата обращения: 12.08.2023).

32. Талибы могут оставить Центральную Азию без воды // EurasiaDaily. 27 марта 2023 г. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2023/03/27/taliby-mogut-ostavit-centralnuyu-aziyu-bez-vody> (дата обращения: 18.04.2023).

33. Талибы попросили Киргизию содействовать в экспорте агропродукции на российский рынок // Afganistan.ru. 13 марта 2022 г. URL: <https://afghanistan.ru/doc/148483.html> (дата обращения: 11.07.2023).

34. Талибы рвутся на Каспий: Иран и Афганистан подписали договор об инвестициях // Sputnik Таджикистан. 10 июля 2023 г. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20230710/taliby-iran-afghanistan-1058173582.html> (дата обращения: 10.07.2023).

35. Талибы хотят дружбы со всеми странами, включая США, заявил их представитель // РИА Новости. 19 августа 2021 г. URL: <https://ria.ru/20210819/taliby-1746389252.html> (дата обращения: 30.08.2023).

36. Талибы заходят в Европу с севера // Коммерсант. 23 января 2022 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5180792> (дата обращения: 01.05.2023).

37. Талибы закупают в Иране 350 тысяч тонн нефти // Интерфакс. 23 июля 2022 г. URL: <https://www.interfax.ru/world/853560> (дата обращения: 13.05.2023).

38. Турция и «Талибан»: первая ласточка и новая реальность // Haqqin.az. 28 августа 2021 г. URL: <https://haqqin.az/comics/218960> (дата обращения: 11.07.2023).

39. U.S. Establishes Trust With \$3.5 Billion in Frozen Afghan Central Bank Funds // NY Times. 14 сентября 2022. URL: <https://www.nytimes.com/2022/09/14/us/politics/afghanistan-central-bank-switzerland.html> (дата обращения: 21.02.2023).

Тимакова Ольга Александровна,
кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и
политической философии,
Дипломатическая академия МИД России,
o.timakova@dipacademy.ru

Olga A. Timakova,
Ph.D. (Political Science), Associate Professor of the Department of Political
Theory and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign
Affairs of the Russian Federation,
o.timakova@dipacademy.ru

**ПРОЕКТЫ РАСШИРЕНИЯ ЕВРОСОЮЗА: НАЦИОНАЛЬНЫЕ И
НАДНАЦИОНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ
EU ENLARGEMENT PROGRAMS: NATIONAL AND SUPRA-
NATIONAL APPROACHES**

Аннотация: расширение ЕС – основной инструмент внешней политики интеграционной группировки, который используется для обеспечения сохранения сфер влияния в соседних регионах. «Усталость от расширения», преобладающая в национальном дискурсе государств Западной Европы, остается определяющим нарративом европейской политики расширения. Однако на национальном и наднациональном уровне появляются новые проекты интеграции стран-кандидатов в европейское пространство.

Ключевые слова: Европейский союз, расширение, Турция, Германия, Франция, Западные Балканы.

Abstract: EU enlargement is the main foreign policy instrument of the integration group, which is used to ensure the preservation of spheres of influence in neighboring regions. “Enlargement fatigue,” which dominates the national discourse of Western European states, remains the defining narrative of European enlargement policy. However, new projects for the integration of candidate countries into the European space are emerging at the national and supranational level.

Keywords: European Union, enlargement, Türkiye, Germany, France, Western Balkans.

Европейский союз (ЕС) позиционирует себя как «всеохватывающий» интеграционный проект. Идея его расширения была одним из основных принципов ЕС с момента создания. Пространственные границы Евросоюза не зафиксированы, что расширяет геополитический потенциал объединения.

Более того, расширение ЕС придает импульс развитию интеграционного объединения и обеспечению стабильности, а также это главный внешнеполитический инструмент Союза.

С течением времени оно становилось все более сложным, превратившись из политики почти без правил и условий в 1960-х годах в политику с очень сложной процедурой и огромным набором подробных критериев в 2020-х годах, которым должны соответствовать кандидаты. Основанием для рассмотрения возможности начала процедуры вступления в Европейский союз остается удовлетворение кандидатом Копенгагенских критериев [7].

Дискуссии о расширении Европейского союза получили новое развитие в 2022 году после выступлений Э. Макрона [28] и президента Европейского совета Ш. Мишеля [34]. Они в большей степени поднимали вопросы о будущем европейского пространства, форматах расширения, возможностях принятия новых членов и потенциальных новых проектах европейской политической интеграции как альтернативах традиционному членству.

К 2023 году Европейский союз официально предоставил статус кандидата в члены Молдове и Украине, расширив список ожидающих вступления до семи государств, в дополнение к Албании, Северной Македонии, Сербии, Турции и Черногории. Потенциальными кандидатами в члены остаются еще три государства – Босния и Герцеговина, Грузия и Косово.

Значительные различия между интересами государств «старой» и «новой» Европы, а также институциональными интересами ЕС превращают

перспективу расширения в основной инструмент внешней политики в соседних регионах и реализации национальных стратегических интересов.

Новый дискурс о расширении

После вступления Хорватии в Евросоюз в 2013 году страны-члены последовательно продлевали мораторий на дальнейшее расширение. Причину этого можно найти еще в пятой волне расширения. Решение о принятии десяти новых членов в Европейский союз одновременно в 2004 году являлось политически обусловленным. Страны-члены пришли к заключению о невозможности затягивать процедуру вступления и сильной дифференциации стран-кандидатов в связи с опасением, что государства Центральной и Восточной Европы могут пересмотреть приоритеты собственной внешней политики в случае получения отказа. Это было не первое такое расширение Евросоюза. Европейское экономическое сообщество в 1990 году немедленно интегрировало Германскую Демократическую Республику без каких-либо условий, что было исключительно политическим актом, несмотря на все возможные негативные последствия, которые можно было легко предвидеть в то время.

В первом десятилетии XXI века количество стран-членов увеличилось почти в два раза, что оказало негативное влияние на развитие интеграционного проекта и его способности к стрессоустойчивости в условиях развернувшихся кризисов. В связи с несоответствием новых стран-членов показателям социально-экономического развития, Европейский союз оказался не в состоянии эффективно справиться с последствиями политического кризиса после провала принятия конституции ЕС и сложной процедуры ратификации нового основополагающего договора ЕС, экономического и финансового кризисов еврозоны 2008 года. Вследствие этого интеграционный процесс на пространстве Европы вошел в системный кризис, который был официально зафиксирован на юбилейном саммите ЕС в 2017 году.

Понятие «усталость от расширения» стало повсеместно использоваться в дискурсе Европейского союза начиная с 2005 года. Усиливающееся

присутствие «новых» государств Европы в политическом и социально-экономическом процессах Евросоюза и череда последовательных кризисов не могли не быть расценены как взаимосвязанные. «Усталость от расширения» ЕС, по мнению экспертов, стала основным препятствием для дальнейшей интеграции Европейского союза и непреодолимым барьером для стран, которые стремятся стать членами Союза [35; 12]. С этой же причиной связывают мораторий на принятие новых членов в состав интеграционного объединения на пять лет в 2014 году [32], а затем в 2019 году [37].

В профессиональном дискурсе освещались проблемы расширения ЕС, в негативном ключе воспринимались политические процессы в новых государствах-членах. Наиболее распространенное обвинение, выдвигавшееся в период после 2007 года, заключалось в том, что ни одна из стран не подготовилась должным образом к членству при вступлении и что страны, присоединившись к Союзу, потеряли мотивацию к решению фундаментальных проблем государственного управления и повышения стрессоустойчивости. Неоднозначно оцениваемый в Европе опыт присоединения Болгарии и Румынии, которые являются самыми развитыми государствами Балканского региона, сложности в продвижении реформ европеизации в этих странах и изменения в политике национальных правительств экстраполируют потенциально неэффективную интеграцию остальных стран Балканского полуострова. Даже «механизмы сотрудничества и проверки», созданные ЕС для обеспечения того, чтобы Болгария и Румыния продолжали устранять сохраняющиеся недостатки верховенства права после присоединения к ЕС, имели ограниченный успех.

Опасения стран ЕС о неподготовленном расширении были суммированы экспертами следующим образом: принятие новых членов рискует сделать институты ЕС еще более медленными и громоздкими, а государства-члены получают больше возможностей отложить или наложить вето на решения, требующие единогласия; другой набор проблем связан с опытом националистической политики Венгрии и Польши, с ограниченными

инструментами, которые в настоящее время есть у Союза для противодействия этому.

Вступление новых государств в Европейский союз требует их значительной экономической поддержки в последующий период. Эту проблему впервые можно обнаружить в период подачи заявки Грецией на вступление в сообщество в 1970-х годах, когда Европейская комиссия указала на дисбалансы и общую слабость экономики страны-кандидата. Тем не менее Европейский совет положительно ответил на запрос Греции, не приняв во внимание рекомендации Еврокомиссии и сославшись на вполне обоснованные политические причины. Финансовая помощь со стороны ЕС рассматривалась как необходимый и достаточный инструмент, чтобы поддержать страны в переходный период после вступления. Однако экономический кризис еврозоны демонстрирует, что такой политический подход в большинстве случаев не эффективен.

Несмотря на их относительно небольшой формальный вес, новые члены за счет права вето могут оказывать реальное влияние там, где позволяют правила, потенциально создавая коалиции другими странами ЕС. Можно ожидать, что они будут тяготеть к Вишеградской группе, Австрии, Хорватии и Словении. Изменится и внутренняя, и внешняя география Союза.

В случае расширения ЕС в центре внимания также окажется внутренняя миграция в условиях свободы движения лиц на общем рынке. С учетом большой разницы в экономическом развитии между ЕС и странами-кандидатами есть основания полагать, что расширение приведет к крупномасштабной миграции в более богатые государства-члены. В некоторых из этих стран широко распространены антииммиграционные настроения, вызванные влиянием правых антииммиграционных партий. Отношение к государствам-кандидатам со значительным количеством мусульманского населения у них еще более настороженное. Ради внутренней стабильности Евросоюз, указывают они, больше не может допустить

присоединения новых институционально слабых, в частности бывших коммунистических, государств [29; 27].

Как считают аналитики, присоединение западно-балканских государств увеличит «южную повестку» в политике ЕС [22]. Более того, расширение ЕС не улучшит среду безопасности, повысив стрессоустойчивость и стабильность региона. Часто недооцениваемые геополитические последствия расширения лишь увеличат число вызовов, с которыми сталкивается Евросоюз.

Также обращается внимание, что налицо столкновение интересов политической элиты Европейского союза и основных государств-членов и, как результат, кризис политического лидерства ЕС [32]. О. Буторина уточняет, что ценностный конфликт существует между «старой» и «новой» Европой, что становится системной угрозой Европейскому союзу. Вступление в ЕС не создает большую однородность среди его членов. Межнациональные стереотипы и предрассудки все чаще проявляются в дискурсе стран-членов. В пример можно привести конфликты, касающиеся «тайных тюрем ЦРУ на территории нескольких восточноевропейских стран и кризис зоны евро вследствие неготовности, в первую очередь, южно-европейских стран-членов ЕС играть по установленным Брюсселем формальным и неформальным правилам» [1].

Показательно, что согласно опросам общественного мнения, проведенным в 2005 и 2008 годах, кризисные тенденции Евросоюза не увязываются с расширением. Специальный опрос Евробарометра в 2005 году показал, что только 6% голландских и лишь 3% французских избирателей назвали расширение в качестве причины для отклонения Конституционного договора. Опрос ирландских избирателей, проведенный в июне 2008 года, аналогичным образом поставил вопрос о расширении в самый конец тем, вызывающих беспокойство у избирателей [36].

Хотя «усталость от расширения» часто полностью отождествляют с текущим периодом трансформации ЕС, не преувеличением будет сказать, что аналогичные дискуссии и кризисы происходили на протяжении всей истории

развития Союза. Франция дважды отклоняла заявку Великобритании на членство в 1960-х годах. Де Голля, в частности, беспокоила не только геополитическая реконфигурация, связанная с вступлением Великобритании в сообщество, но и угроза самого процесса европейской интеграции в результате расширения первоначального клуба шести [35]. Аналогичным образом в 1977 году Франсуа Миттеран недвусмысленно выразил свое несогласие с идеей членства Греции и Испании.

Страны-члены и евроинституты предлагают новые инициативы, которые позволили бы преодолеть «усталость от расширения». Большие геополитические трансформации на европейском пространстве также усилили необходимость большего контроля политики стран – кандидатов в ЕС, но четкой программы действий и политической воли для решительных шагов не последовало. В то время как некоторые наблюдатели выступают за сохранение нынешней программы расширения и методологии вступления [38], другие предлагают меры, отличные от политики расширения. Предложение Франции о «Европейском политическом сообществе» и аналогичный проект Шарля Мишеля о «Европейском геополитическом сообществе», представленные в 2022 году [23], – это инициативы, которые должны стать альтернативой процесса расширения. Европейское политическое сообщество многими странами Европы рассматривалось как площадка для более тесной интеграции заинтересованных государств с ЕС без необходимости согласовывать консенсусное решение между странами-членами о традиционной интеграции и без дополнительных обязательств со стороны Союза [19].

Более оптимистично настроенные государства ЕС пытаются развивать подход отказа от бинарного варианта «вход–выход» в пользу поэтапной интеграции. Таким образом должен быть преодолен застой в нынешней ситуации, когда процесс вступления государств Западных Балкан находится под вопросом и одновременно к вступлению призываются государства «Восточного партнерства» [13]. Бывший премьер-министр Италии высказал идею Европейской конфедерации, которая бы включала не только страны –

члены ЕС, но и кандидатов [17]. Руководство Австрии также представило свое видение будущей политики расширения и соседства Европейского союза, предложив создать промежуточный этап до полноправного членства, который был обозначен как «европейское подготовительное пространство» (Vorbereitungsraum) [9].

Эксперты брюссельского аналитического центра подготовили собственное предложение новой политики расширения – программу «Шаблон поэтапного вступления в ЕС» [14]. Из четырех предлагаемых этапов этапы I и II будут проводиться до присоединения. На этапе III после присоединения государство будет подвергаться лишь нескольким временным ограничениям, среди которых самое существенное – это непредоставление новому члену права вето в Европейском совете. Этап IV – это полное традиционное членство. Уточняется, что процесс интеграции в институциональные структуры ЕС и увеличение финансирования со стороны Брюсселя будут находиться в прямой пропорциональной зависимости от эффективности адаптации государств-кандидатов к общему законодательству ЕС.

Наиболее резонансным предложением стало заявление президента Франции Э. Макрона об «обновленном подходе к процессу вступления» посредством «поэтапного присоединения», опубликованное в неофициальном документе в издании Politico в 2019 году [24]. Еврокомиссия взяла на себя обязательство разработать план трансформации программы вступления в Союз. В контексте наложенного Францией вето на дальнейшее расширение и общая неудовлетворенность Франции политикой расширения становится очевидно, что задача Еврокомиссии заключалась в сглаживании напряженности в отношениях со странами-кандидатами.

ЕК представила в феврале 2020 года план действий «Совершенствование процесса вступления – заслуживающая доверия перспектива ЕС для Западных Балкан» [15], как заявляется, для более динамичного, предсказуемого и заслуживающего доверия процесса с более сильным политическим управлением.

Большинство предложений, зафиксированных в документе, не ново – существующая структура ассоциации/вступления уже позволяла реализовать их на практике [21]. Например, сделан акцент на взаимозависимости между так называемыми базисами для переговоров (верховенство закона, демократические институты, региональное сотрудничество и т.д.) и возможностью закрытия любой из переговорных глав. Такое правило действует уже несколько лет. Однако таким образом прямо признается нетехнический характер переговоров о вступлении: «пришло время выдвинуть на первый план политический характер процесса и обеспечить более сильное руководство и участие на высоком уровне со стороны государств-членов» [15].

Также хотя Комиссия и призывает к усиленной политической координации в рамках процесса присоединения и более частым встречам на высшем и высоком уровнях, тем не менее не предлагает каких-либо форматов диалога.

Значительным нововведением стало включение «принципа обратимости», согласно которому прогресс страны в процессе присоединения по-прежнему согласуется консенсусно, вопрос о возможном прекращении процесса будет решаться с помощью упрощенной процедуры, а именно обратного квалифицированного большинства [15]. Таким образом, Комиссия облегчает блокирование процесса расширения, тем самым удовлетворяя скептически настроенные государства-члены.

ЕК в своем документе в некоторых положениях высказывает мнение, отличное от предложений Э. Макрона. Во-первых, Комиссия стремится сохранить «перспективу расширения», не только поддерживая полноправное членство в качестве финального пункта, но и настаивая на продолжении переговоров о присоединении со странами, которые уже начали их в существующих рамках. Возможно оговориться, что изменение таких рамок для уже реализуемых переговоров должно быть одобрено единогласно в Европейском совете, что в нынешних условиях чрезвычайно

труднодостижимо, а очередной тупик в процессе расширения нанесет серьезный ущерб имиджу Европейского союза в странах-кандидатах.

Во-вторых, разделяя переговорный процесс на главы, Комиссия размыкает предложение Э. Макрона о «поэтапном вступлении», которое предусматривает точную последовательность шагов присоединения и участие страны-кандидата в определенных программах и политике ЕС при прохождении определенного этапа еще до полного вступления.

Сама идея Э. Макрона в документе Комиссии получила следующее воплощение: упоминается возможность «поэтапного подключения к отдельным политикам ЕС, рынку ЕС и программам ЕС» [15] для стран, достигших согласованных приоритетов. Еврокомиссия уточняет, что для стран-кандидатов возможен свободный обмен личными данными пользователей и отключение роуминга [6]. Но участие в данном случае становится наградой или поощрением, а основной процесс интеграции остается неизменным. В то время как по программе реформирования процедуры вступления в ЕС, предложенной Э. Макроном, становилось бы возможным заблокировать страну-кандидата на неопределенный срок между статусом ассоциированного и полноправного членства.

В условиях, когда многие государства-члены не желают нарушать сложившийся консенсус, а другие выступают за создание альтернативных форматов интеграции, даже если задача Комиссии состояла в том, чтобы придать новый импульс политике расширения, в результате лишь еще более широко проявилась «усталость от расширения», а инструмент ее преодоления не был найден.

Адаптация государств ко вступлению

Ежегодный отчет Еврокомиссии о расширении 2022 года [4] демонстрирует две основные тенденции. Первая – неизменность позиций таких стран «старой» Европы в их негативном отношении к дальнейшему расширению Евросоюза без значительных реформ евроинститутов, добиться

консенсуса по которым в ближайшей перспективе также не представляется возможным.

Франция открыто проводит программу противодействия расширению, что находит отражение во многих официальных заявлениях Э. Макрона. Например, проекты «поэтапного членства» [24] и концепция укрепления «суверенной автономии» [37].

Более того, другие государства-члены, например Нидерланды и Дания, полагают, что расширение все еще несет в себе риски для ЕС. Еще летом 2022 года в Выводах по итогам саммита Европейского совета подчеркивается, что темпы расширения зависят не только от прогресса кандидатов, но и от «способности ЕС принять новых членов» [18] или так называемого интеграционного потенциала. Само это отражает озабоченность стран – членов ЕС потенциальными пагубными последствиями расширения для функционирования институтов ЕС и будущей интеграции в целом [11].

В своем недавнем выступлении в Праге канцлер Германии Олаф Шольц указал на три конкретные реформы: распространение права голоса квалифицированным большинством на такие области, как внешняя политика и налоговая политика; изменение распределения мест в Европарламенте исходя из численности населения стран-членов; реформирование Комиссии, чтобы обеспечить ее эффективное функционирование даже при наличии большего числа представителей государств-членов [33]. Для многих из этих реформ требуется изменение основополагающих договоров ЕС.

Второе – это констатация Комиссией неготовности стран-кандидатов выполнять обязательства по реформам. Ежегодные отчеты о расширении, которые готовит Еврокомиссия указывают на не удовлетворяющий Брюссель прогресс в государствах-кандидатах [3].

Европейский совет не установил четкие даты интеграционных процедур для Молдовы и Украины [18]. Поэтому на сегодняшний день из четырех вероятных векторов перспективного расширения реальным и неизбежным

остается балканский, как и те проблемы, с которыми столкнется ЕС в процессе интеграции присоединяющихся государств.

Согласно документам Еврокомиссии, Черногория и Сербия уже несколько лет остаются единственными двумя странами с реальной среднесрочной перспективой присоединения к Союзу к 2025 году.

Черногория – наиболее успешный потенциальный новый член ЕС – «умеренно готова справиться с конкурентным давлением и рыночными силами в ЕС», нуждается в дальнейшем реформировании своей судебной системы и имеет лишь «некоторый уровень подготовки» в борьбе с коррупцией.

Оценка ситуации в Сербии более негативная. По данным Комиссии, Белград предпринял шаги для повышения независимости судебной власти, приняв конституционные поправки, которые теперь необходимо реализовать. Но темпы реформ замедлились, приверженность правительства стремлению к членству в ЕС вызывает сомнения у чиновников Евросоюза. Европейские эксперты объясняют такую позицию Еврокомиссии тем, что президент А. Вучич стремится к более тесным отношениям с Китаем и Россией, Сербия не подписала санкции ЕС в отношении России [30].

В отличие от Сербии, Албания и Северная Македония, как указано в отчете Комиссии, однозначно привержены делу обеспечения членства в ЕС. Обе стороны добились определенного прогресса в проведении судебных реформ, но им еще предстоит сделать больше в этой области и в борьбе с коррупцией. Чтобы продвинуться в переговорах, Северной Македонии все еще необходимо принять поправку к конституции, признающую болгар официальным меньшинством, но, нужно признать, на данный момент правительство не имеет для этого достаточной поддержки в парламенте.

Одновременно ЕК в обтекаемой формулировке также указывает, что потенциальные кандидаты в члены могут получить новый статус при удовлетворении определенных условий [25]. Сложно ожидать, что Босния и Герцеговина, Грузия и Косово получат согласие на начало переговоров о

вступлении в ближайшей перспективе. Как указывает Еврокомиссия, Боснии потребуется много усилий, чтобы выполнить условия ЕС, не в последнюю очередь потому, что страну по-прежнему раздирают внутренние разногласия. Комиссия критически высказывается по прогрессу выполнения критериев присоединения, что выражается в ряде негативных соображений по различным политическим, экономическим, институциональным и социальным вопросам [32].

Что касается Грузии, Комиссия признает, что она выстроила «базис для достижения стрессоустойчивых институтов, гарантирующих демократию, верховенство закона, права человека, уважение и защиту меньшинств». Однако прогрессу препятствуют политическая поляризация и прекращенная сделка между правительством и оппозицией, заключенная при посредничестве президента Европейского совета Шарля Мишеля в апреле 2021 года.

Косово меньше всех в данном случае может рассчитывать на переговоры о членстве, поскольку его заявка не может быть даже рассмотрена, пока все страны ЕС не признают его суверенной страной. Маловероятно, что они сделают это до того, как Косово не нормализует свои отношения с Сербией, не говоря уже об особенностях национальных интересов этих стран-членов, которые препятствуют такому решению [30].

Подход Европейской комиссии к странам-кандидатам и потенциальным кандидатам экспертное сообщество этих стран характеризует как «краткосрочное и формализованное» и не демонстрирующее «ни видения, ни движущей силы, которые сделали возможным расширение на восток в 90-х – начале 2000-х гг.» [8]. Отношения между ЕС и двумя преференциальными зонами, находящимися на периферии Союза – регионом «Восточного партнерства» и регионом Балканского полуострова, – развивались с учетом особенностей стратегий и интересов ЕС. Еще в 1995 году на саммите в Каннах Европейский совет объявил, что южная политика ЕС, в фокус которой входят также отношения со странами Балканского полуострова, должна стать

аналогом политики открытости по примеру политики ЕС в отношении стран Центральной и Восточной Европы.

Однако Европейский союз все больше переходит к нарративу сохранения сфер влияния ЕС в регионе исходя из геополитических интересов [26]. Сравнивая положения и заявления стратегий расширения ЕС 2015 и 2018 годов, становится виден переход от концепции продвижения «нормативной силы» ЕС и ценностей европейской интеграции к приоритетной важности защиты позиций и интересов Евросоюза на Западных Балканах [5]. В документе 2015 года целью расширения ЕС были заявлены «инвестиции в мир, безопасность и стабильность в Европе» [16]. В 2018 году поясняется, что перспектива присоединения региона «соответствует собственным политическим интересам, интересам безопасности и экономики Союза. Это геостратегическая инвестиция в стабильную, сильную и единую Европу, основанную на общих ценностях» [5]. Расширение ЕС описывается как «инвестиция в безопасность, экономический рост и влияние ЕС, а также в его способность защищать своих граждан» [5]. Стратегическая задача сохранения сфер влияния на Западных Балканах обозначена в документе Еврокомиссии 2020 года, где настаивается на важности борьбы со «злонамеренным влиянием третьих стран» в регионе [15]. Й. Хан, Европейский комиссар по политике соседства и расширению до 2019 года, написал в своем Твиттере в 2018 году, что «расширение ЕС – это не альтруистический проект, но отвечающий жизненно важным геополитическим интересам [ЕС]» [20]. Он добавил, что ЕС должен действовать более настойчиво, чтобы его не воспринимали как «денежный мешок».

Методология расширения ЕС формализовала подход, не оставляющий пространства для какой-либо гибкости, игнорирующий потребности конкретной страны-кандидата. И хотя эти критерии определяли масштаб трансформации и давали ориентир странам, окончательное суждение об их выполнении зависело исключительно от ЕС.

Темпы расширения зависят не только от того, соответствуют ли страны-кандидаты техническим условиям членства, но от позиции государств-членов, которые должны единогласно одобрить каждую заявку о присоединении. Как замечает А.И. Тэвдой-Бурмули, окончательная стратегия расширения ЕС пусть всегда носит формально консолидированный характер, заинтересованность государств-членов в реализации каждого конкретного вектора расширения, безусловно, неодинакова [2].

Отсюда появляется возможность отсрочить переговорный процесс, реализуя национальные интересы и выводя на повестку дня двусторонние споры, не связанные с вступлением в ЕС. Такая политика стран-членов ранее считалась экстраординарной и неуместной, сейчас она стала обыденной [10]. Например, морские территориальные требования Словении к Хорватии, разрешение которых не позволило Загребу присоединиться к Евросоюзу в одну волну с Болгарией и Румынией, уже были стандартной практикой.

На данный момент Греция, Болгария и Хорватия выдвигают претензии к странами-кандидатами, вынося их на повестку дня переговоров о вступлении. Обращает на себя внимание предложение изменения границ между балканскими странами. В 2018 и 2019 годах Сербия и Косово при посредничестве администрации Д. Трампа ставили вопрос обмена территориями. По мнению экспертов, Брюссель был готов поддержать это решение, если бы оно позволило нормализовать отношения Косово и Сербии. Но некоторые государства-члены, особенно Германия, считали, что изменение границ станет опасным прецедентом, поскольку он может дать импульс идеям разделения Боснии и Герцеговины и Северной Македонии по этническому признаку [31].

Новый виток эти дискуссии получили весной 2021 года, когда в неофициальном документе, предположительно автором которого является премьер-министр Словении Янез Янша, был озвучен призыв к масштабным изменениям границ на Балканах, включая раздел Боснии и Герцеговины и Косово между их соседями [30].

Процесс расширения все больше переходит из собственно внутреннего, рационального и нормативного процесса развития интеграционного объединения в интересах всего Союза в сторону открытой политизации и решения насущных проблем внешней политики стран-членов. Противоречия в двусторонних отношениях между государствами Западных Балкан и их соседями – членами ЕС сложны и уходят корнями глубоко в историю региона, в частности в последствия насильственного распада Югославии. Вряд ли они могут быть решены усилиями одних только политических элит государств-кандидатов и тем более через постоянные уступки Евросоюзу.

Список источников и литературы

1. *Буторина О.* Кризис в зоне евро: ошибки или закономерность // Современная Европа. 2012. №2.
2. *Тэвдой-Бурмули А.И.* «Велосипедист на болоте»: уроки и перспективы расширения ЕС в XXIв. //Вестник МГИМО-Университета. 2013. №4(31). С. 106-112.
3. 2022 Communication on EU Enlargement Policy // *European Commission*.12.10.2022 // URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/2022-communication-eu-enlargement-policy_en
4. 2022 Enlargement package: European Commission assesses reforms in the Western Balkans and Turkiye and recommends candidate status for Bosnia and Herzegovina // *European Commission*.12.10.2022 // URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/%20en/ip_22_6082
5. A credible enlargement perspective for and enhanced EU engagement with the Western Balkans // *European Commission*.06.02.2018 // URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/communication-credible-enlargement-perspective-western-balkans_en.pdf
6. A more credible, dynamic, predictable and political EU accession process – Commission lays out its proposals // *European Commission*.05.02.2020 // URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_20_181

7. Accession criteria // *EUR-Lex* // URL: <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/glossary/accession-criteria-copenhagen-criteria.html>
8. *Anastasakis O.* From Fatigue to Insignificance: Eurozone Crisis and Enlargement // ELIAMEP. 2012.
9. Austrian Chancellor calls for intermediate EU membership for Ukraine // Reuters. 05.06.2022 // URL: <https://www.reuters.com/world/europe/austrian-chancellor-calls-intermediate-eu-membership-ukraine-2022-06-05/>
10. *Balfour R., Stratulat C.* The Enlargement of the European Union // EPC Discussion Paper, Brussels. 10.12.2012 // URL: http://www.epc.eu/documents/uploads/pub_3176_enlargement_of_the_eu.pdf
11. *Boerzel T., Schimmelfennig F., Dimitrova A.* European Union enlargement and integration capacity: concepts, findings and policy implications // *Journal of European Public Policy*, 2017. Vol. 24. №2. PP. 157-176. DOI: 10.1080/13501763.2016.1265576
12. *Elbasani A.* European Integration and Transformation in the Western Balkans. Europeanization or Business as Usual? London and New York: Routledge. 2013.
13. *Emerson M., Blockmans S.* The New Agenda for the EU's Enlargement and Neighbourhood Policies // CEPS Policy Insight. № 2022-20. June 2022 // URL: <https://www.ceps.eu/ceps-publications/the-new-agenda-for-the-eus-enlargement-and-neighbourhood-policies/>
14. *Emerson M., Lazarevic M., Blockmans S., Subotic S.* A Template for Staged Accession to the EU // CEPS. 01.10.2021 // URL: <https://www.ceps.eu/ceps-publications/a-template-for-staged-accession-to-the-eu/>
15. Enhancing the accession process – A credible EU perspective for the Western Balkans // *European Commission*. 2020. February 5 // URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/system/files/2020-02/enlargement-methodology_en.pdf

16. EU Enlargement Strategy // *European Commission*. 10.11.2015 // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52015DC0611&from=EN>
17. Europe of the Seven Unions // Groupe d'études géopolitiques. 09.05.2022 // URL: <https://geopolitique.eu/en/2022/05/09/the-europe-of-the-seven-unions/>
18. European Council meeting (23 and 24 June 2022) – Conclusions // *European Commission*. 24.06.2022 // URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/57442/2022-06-2324-euco-conclusions-en.pdf>
19. *Grant Ch.* Macron is serious about the 'European political community' // CER. Insight. 01.08.2022 // URL: <https://www.cer.eu/insights/macron-serious-about-european-political-community>
20. *Hahn J.* // Twitter. 20.04.2018 // URL: <https://twitter.com/JHahnEU/status/987331705114693632>
21. *Kovačević M.* The Enlargement Policy of the European Union in Search for Reform // *Political Review*, 2020. №2. PP. 133-150. DOI: <https://doi.org/10.22182/pr.6422020.6>.
22. *Lippert B.* The EU after Brexit: Renewed Debate about Enlargement and Deepening // *SWP Comment*. №12. February 2021. URL: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2021C12/>
23. Michel proposes a reform of enlargement and a European Geopolitical Community // *European Western Balkans*. 18.05.2022 // URL: <https://europeanwesternbalkans.com/2022/05/18/michel-proposes-a-reform-of-enlargement-and-a-european-geopolitical-community/>
24. Non-paper: Reforming the European Union accession process // *Politico*. 2019 // URL: <https://www.politico.eu/wp-content/uploads/2019/11/Enlargement-nonpaper.pdf>
25. Opinion on Georgia's application for membership of the European Union // *European Commission*. 16.06.2022 // URL: <https://neighbourhood->

enlargement.ec.europa.eu/opinion-georgias-application-membership-european-union_en

26. Petrovic M., Tzifakis N. A geopolitical turn to EU enlargement, or another postponement? An introduction // *Journal of Contemporary European Studies*, 2021. Vol. 29. №2. PP.157-168. DOI: 10.1080/14782804.2021.1891028

27. Post-Enlargement Stress // *The Economist*, 8 November 2007 // URL: <https://www.economist.com/europe/2007/11/08/post-enlargement-stress>

28. Results of the French Presidency of the Council of the European Union // *French Presidency of the Council of the European Union*. 09.05.2022 // URL: <https://wayback.archive-it.org/12090/20221120120217/https://presidence-francaise.consilium.europa.eu/en/news/speech-by-emmanuel-macron-at-the-closing-ceremony-of-the-conference-on-the-future-of-europe/>

29. Romania, Bulgaria and the European Union: We're Off on a European Odyssey // *The Economist*, 28 September 2006 // URL: <https://www.economist.com/europe/2006/09/28/were-off-on-a-european-odyssey>;

30. Scazzieri L. Can EU enlargement gain momentum? // *CER insight*. 03.11.2022 // URL: <https://www.cer.org.uk/insights/can-eu-enlargement-gain-momentum>

31. Scazzieri L. Reviving European policy towards the Western Balkans // *CER*. 15.12.2021 // URL: <https://www.cer.eu/publications/archive/policy-brief/2021/reviving-european-policy-towards-western-balkans>

32. Sekulic T. *The European Union and the Paradox of Enlargement. The Complex Accession of the Western Balkans*. Cham: Palgrave Macmillan. 2020.

33. Speech by Federal Chancellor Olaf Scholz at the Charles University in Prague on Monday, 29 August 2022 // *The Federal Government*. 29.08.2022 // URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-en/news/scholz-speech-prague-charles-university-2080752>

34. Speech by President Charles Michel at the plenary session of the European Economic and Social Committee // *European Council. Council of the European Union*. 18.05.2022 // URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press->

releases/2022/05/18/discours-du-president-charles-michel-lors-de-la-session-pleniere-du-comite-economique-et-social-europeen/

35. *Szolucha A.* The EU and Enlargement Fatigue: Why Has the European Union Not Been Able to Counter Enlargement Fatigue? // *Journal of Contemporary European Research*, 2010. 6(1). pp. 1–16

36. The Crisis of EU Enlargement // LSE Ideas. Special Report. November 2013 // URL: <https://www.lse.ac.uk/ideas/publications/reports/eu-enlargement>

37. The Priorities of the French Presidency of the Council of the European Union // *French Presidency of The Council of The European Union*. 2022 // URL: <https://presidence-francaise.consilium.europa.eu/en/the-priorities-of-the-french-presidency-of-the-council-of-the-european-union-francais-facile>

38. Urgent Call for Action: Appeal of the participants of the conference ‘(Mis)Perceptions of the European Union in the Western Balkans // *European Movement Serbia*. 2022 // URL: <https://www.emins.org/en/urgent-call-for-action-appeal-of-the-participants-of-the-conference-misperceptions-of-the-european-union-in-the-western-balkans/>

Ногмов Анзор Муаедович,
кандидат политических наук,
karlos07@list.ru

Ивочкина Анна Сергеевна,
аспирант,

Дипломатическая академия МИД России,
petukhova-anna@mail.ru

Anzor M. Nogmov,

Ph.D. of Political Science,
karlos07@list.ru

Anna S. Ivochkina,

Postgraduate student of the Diplomatic Academy
of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
petukhova-anna@mail.ru

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЙ В КАЗАХСТАНЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
GEOPOLITICAL ASPECTS OF INTERETHNIC RELATIONS IN
KAZAKHSTAN AT THE PRESENT STAGE**

Аннотация: в информационном пространстве Казахстана и вне его участились случаи вбросов, дискредитирующие политику властей страны и проживающих в ней граждан разных национальностей. Статья посвящена анализу состояния межэтнических отношений в Казахстане. Сделан вывод о том, что сообщения о наличии розни являются попыткой западных акторов дестабилизировать внутривнутриполитическую обстановку в стране. Сформулированы рекомендации по языковой, межнациональной и межрелигиозной политике с учетом роста количества релокантов.

Ключевые слова: межэтнические отношения, приграничные регионы, миграционная политика, сопредельные государства, Казахстан, Российская Федерация, релоканты.

Abstracts: recently, cases of stuffing discrediting the policy of the country's authorities and citizens of different nationalities living in it have become more frequent in the information space of Kazakhstan and beyond. The article is devoted to the analysis of the state of interethnic relations in Kazakhstan. It is concluded that reports of discord are an attempt by Western actors to destabilize the internal

political situation in the country. Recommendations on linguistic, interethnic and interreligious policy are formulated, taking into account the growing number of relocators.

Keywords: interethnic relations, border regions, migration policy, neighboring states, Kazakhstan, Russian Federation, relocants.

Российская Федерация имеет достаточно протяженную линию государственной границы, один из самых больших ее участков – с Республикой Казахстан, с которой соседствуют 5 из 9 федеральных округов и входящие в них 13 регионов. Приграничное положение российских регионов влияет на качественные показатели миграционной обстановки. В приграничных областях наибольший процент приезжих из соседнего государства, а также из стран Кавказского и Центрально-Азиатского регионов.

Казахстан – многонациональное государство. По данным переписи населения 2021 года, в Казахстане, помимо казахов, которые являются титульной нацией, проживают представители 130 других национальностей. При этом казахи составляют большую часть населения (70,4%), за ними следуют русские – 15,5%, доля других этносов существенно ниже. По данным Бюро национальной статистики на начало 2022 года, в Казахстане проживали 3,4 млн русских, что составляет порядка 18% населения страны, а граждан славянских национальностей – около 19,5%.

Сотрудничество России и Казахстана в сфере миграционной политики имеет свои особенности по ряду причин: между двумя странами установлен особый пограничный режим, что значительно упрощает въезд граждан в обе страны. Однако данный режим добавляет и свои сложности: близость Казахстана к Афганистану и другим странам Центрально-Азиатского региона, Китаю и Индии увеличивают потоки иностранных граждан, в том числе следующих нелегально и транзитом [10].

В своей статье заведующая сектором Национального исследовательского института мировой экономики и международных

отношений им. Е.М. Примакова РАН, доктор политических наук Д. Малышева констатирует: «Россия и Казахстан традиционно воспринимают друг друга как приоритетных партнеров и важных стратегических союзников. Оба государства играют значимую роль в деятельности таких действующих на пространстве постсоветской Евразии международных организаций, как СНГ, ОДКБ, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), ШОС. Неразрывно объединены Россия и Казахстан по линии безопасности» [12].

Для России Казахстан, имеющий общую протяженную сухопутную границу в 7 598,8 км, обладает высокой международно-политической, экономической, цивилизационно-культурной значимостью на азиатском направлении и открывает беспрепятственный доступ России в азиатскую часть бывшего Советского Союза и «дальнюю» Азию. Через Казахстан пролегают важные для России транспортно-логистические пути, успешно развивается приграничное сотрудничество [15].

Однако в 2014 году российско-казахстанское взаимодействие стало подвергаться испытаниям, которые были связаны с опасениями, что Россия будет действовать по крымскому сценарию в отношении земель в северных областях Казахстана. Решающим моментом стал казахстанский кризис 2022 года, во время которого Россия доказала верность своим союзническим обязательствам.

Тем не менее 24 февраля 2022 года перед Казахстаном встал вопрос: поддерживать внешнеполитический курс с Россией или отстраниться от нее. Опасаясь быть наказанным Западом за уклонение от наложенных на Россию экономических и политических санкций, Казахстан публично объявил об отказе признавать независимость новых республик в составе России, исключил отправку своих военнослужащих в зону СВО, а также свернул ряд ранее заключенных с Россией экономических и торговых соглашений. В то же время казахстанские компании сохранили свое участие в проектах, на которые не распространялись западные санкции.

Россия следует политике невмешательства во внутренние дела Казахстана, что обусловлено опасениями манипулирования в Казахстане американскими националистическими кругами по сценарию, апробированному в Прибалтике и на Украине. «Жертвой подобной авантюры может стать достаточно многочисленное по центральноазиатским меркам русское население Казахстана, чего ни его власти, ни Россия допустить не хотят» [12].

В 2022 году специальная военная операция и мобилизация спровоцировали один из самых массовых в современной истории страны отъездов россиян за рубеж [16]. После начала СВО наблюдалось увеличение количества граждан, выезжающих на территорию Казахстана [17]. В 2022–2024 годах зафиксировано несколько волн эмиграции. Уезжали не только люди, передислоцировались целые компании. Многие выбрали страны Центральной Азии, в том числе Казахстан [21]. Зачастую выбор связан с безвизовым режимом, удобной языковой средой, развитыми цифровыми коммуникациями и относительно недорогой жизнью. Не стоит сбрасывать со счетов и восточное гостеприимство казахстанцев. Россиянам помогает и унификация многих правил в рамках ЕАЭС: им проще здесь работать из-за сходства законов [6].

Отъезд россиян и релокация компаний из России из-за специальной военной операции на Украине стимулируют экономики стран Центральной Азии. Как следует из прогноза ЕБРР, суммарный рост экономики Казахстана в 2024 году прогнозируется на уровне 3,9% [4].

В июле 2022 года президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев поручил правительству создать благоприятные условия для релокации иностранных компаний, которые приняли решение уйти из России [19].

Заместитель министра иностранных дел Казахстана Алмас Айдаров подчеркнул, что власти страны ведут «большую работу» по релокации таких компаний в Казахстан. Всего они пригласили в страну 401 компанию, объявившую об уходе с российского рынка. 25 российских компаний,

принявших решение уйти из России, уже к середине 2023 года переехали в Казахстан [5].

Казахстан, который может выйти на первое место среди постсоветских государств по ВВП на душу населения, становится все более привлекательным для мигрантов, поэтому в казахстанском обществе может возникнуть запрос на ограничительные меры.

Примечательно, что 26 января 2023 года вступило в силу постановление правительства Казахстана, которое должно покончить с так называемым визараном⁸ [16]. До сих пор этот механизм позволял продлевать 90-дневный легальный срок пребывания в Казахстане без оснований вроде работы или учебы за счет выезда из страны и повторного въезда. Многие сделали вывод, что казахстанские власти ужесточают миграционную политику. Но для такого вывода пока нет оснований, однако можно говорить, что миграционный вопрос переходит в актуальную политическую повестку [20].

Об однозначном ужесточении не идет речь хотя бы потому, что уже через неделю после постановления о прекращении визарана были приняты новые правила выдачи разрешений на временное пребывание (РВП), которое обычно связано с рабочими или образовательными целями. По прежним правилам они выдавались не более чем на год, однако теперь смогут выдаваться на срок до трех лет. Притом получить РВП на практике несложно – это хорошая альтернатива визарану.

Количество новых видов на жительство (ВНЖ), которые выдаются на 10 лет, в 2022 году (21 328) во много раз превысило показатель прошлого года, что показывает готовность официальных властей сохранять в стране мигрантов, по крайней мере наиболее платежеспособных из них.

Если что-то и можно считать новым решением, то это целенаправленное поощрение притока мигрантов из России. Хотя официальная Астана могла отнестись к происходящему как к рутинному выполнению договоренностей в

---

⁸Визаран (от англ. visarun) – это процесс пересечения границы страны с соседним государством туда–обратно, чтобы обнулить разрешенный срок безвизового пребывания в стране.

рамках ЕАЭС, в конце сентября 2022 года президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев поручил правительству рассматривать прием мигрантов как «гуманитарный и политический вопрос» и оказать им помощь, генеральная прокуратура в конце сентября напомнила об ответственности за разжигание национальной розни, что актуально для мигрантов, а МВД заявило о том, что не будет выдавать уклоняющихся от мобилизации, если они не совершили уголовное правонарушение. Это словесные интервенции, которые как будто лишь повторяли положения действующего законодательства, но на практике помогали принять решение о въезде тем, кто либо не знал законов Казахстана, либо сомневался в готовности страны их применять.

Казахстанские банки, опасаясь санкций со стороны Запада, ужесточили правила получения платежных карт для россиян. Теперь в финучреждениях стали требовать справку с места работы и вид на жительство. Эксперты объясняют, что бесконтрольная выдача карт может привести к тому, что банки окажутся с заблокированными счетами [9], поэтому банки обязаны проверять иностранцев, которым они открывают счета. Клиент может находиться и в международном розыске. К тому же контролировать денежные потоки необходимо, чтобы избежать вывода капитала за рубеж. При этом иностранцев, желающих открыть платежные карты в Казахстане, становится все больше [6].

Приток мигрантов вызывает у части казахстанских граждан недовольство и опасения, прежде всего из-за конкуренции на рынке труда и на рынке недвижимости. С декабря 2021 по ноябрь 2022 года аренда жилья в Алма-Ате, по данным Бюро национальной статистики, подорожала примерно на 76% при общей инфляции в 20% [2], и это не в последнюю очередь связано с мигрантами. Владельцы квартир, разумеется, от этого выиграли, а вот арендаторы пополнили ряды недовольных.

Также непременно стоит обратить внимание на то, что на современном этапе в Казахстане националистически настроенные политические круги высказывают свои опасения, что переехавшие россияне принесут с собой

идеологию Русского мира, дадут предлог России для «защиты соотечественников» или изменят языковой баланс и затруднят распространение в Казахстане казахского языка. При росте количества мигрантов эти недовольства и опасения, вероятно, будут проявляться сильнее [11]. Следует признать, что в информационном поле Казахстана не раз появлялись сообщения о том, что якобы отдельные граждане страны и даже депутаты парламента призывали отказаться от русского языка и даже запустили петицию по поводу данного вопроса, однако действительности они не соответствуют.

Вместе с тем в Казахстане националисты организовывали так называемые языковые патрули. Во время проверок активисты во главе с автором инициативы Куатом Ахметовым заходили в магазины и госучреждения, где заставляли русских говорить на казахском языке. Акции состоялись во многих крупных городах, в том числе в столице Нур-Султане, а также Алма-Ате, Караганде, Павлодаре, Уральске и других. Все рейды националисты записывают и выкладывают на YouTube-канале «TilMaydani онлайн партиясы». Казахстанские чиновники называют подобные рейды недопустимыми, обещают, что правоохранные органы дадут им оценку.

Первый заместитель главы администрации президента Казахстана Даурен Абаев осудил акцию националистов. «Такие прецеденты недопустимы и возмутительны. Поэтому правоохранные органы дадут справедливую правовую оценку. В нашей стране подобные вещи жестко пресекаются вне зависимости от того, кто подвергся дискриминации, по какому поводу: казахи, русские или представители других этносов» [1]. По словам Д. Абаева, большинство граждан осуждают такие проявления пещерного национализма.

В МИД России поддержали официальную позицию Казахстана. В заявлении ведомства сказано: «Действия лиц, стоящих за информационным вбросом о так называемых языковых патрулях, не останутся без реакции казахстанских властей и правоохранных органов». При этом МВД России запретило на 50 лет въезд в страну организатору акций Куату

Ахметову. Отмечается, что решение принято в связи с высказываниями, «разжигающими межнациональную рознь» и выражающими «пренебрежительное отношение к русскому языку» [12].

Эксперты по-разному оценивают появление языковых патрулей. Профессор НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник МГИМО Андрей Казанцев объясняет: «Демографическая ситуация в Казахстане меняется, поэтому и власть, и оппозиционные группы всё больше ориентируются именно на казахскую часть общества, неизбежно возрастает роль казахского языка. При этом обвальное вытеснение русского языка не будет. Правительство страны смягчает происходящие процессы, хорошо знают русский язык многие этнические казахи» [7]. Он советует российским официальным лицам осторожно реагировать на инциденты в Казахстане. Он считает: «Часто рост национализма вызывают резкие высказывания российских деятелей. В частности, бурно обсуждались высказывания депутата Госдумы Вячеслава Никонова, который называл территории Казахстана подарком России. Поэтому реагировать лучше осторожно. Можно напомнить, что сам Казахстан объявил о строительстве гражданской нации, включающей в себя и этнические меньшинства. Кроме того, следует укреплять гуманитарные связи с Казахстаном, чтобы поддерживать там феномен двуязычия» [7].

Заведующий отделом Средней Азии Института стран СНГ Андрей Грозин говорит, что появление языковых рейдов было предсказуемо. Аналитик подчеркивает: «Мы и раньше наблюдали такие тенденции. Какие-то люди уже приходили в магазины, бросали мелочью в русских продавцов. Сейчас просто этому стали уделять больше внимания. Все-таки пример Украины показал, к чему приводит бытовой национализм. Я бы еще добавил, что активисты часто имеют сомнительную репутацию, не исключая, что кто-то ими руководит извне» [7].

Весной 2021 года сообщалось, что правительство собирается постепенно отказаться от школьного обучения на русском языке. Якобы все школьники к

2023 году будут учиться на казахском. Позже министерство образования опровергло эти утверждения. Будоражат общественное сознание и некоторые трактовки истории. Так, в июне 2021 года госкомиссия по реабилитации жертв политических репрессий поставила вопрос о реабилитации граждан Казахской ССР, воевавших на стороне Гитлера в рядах Туркестанского легиона. Депутат парламента Берик Абдыгалиулы заявил: «Всех, кто пострадал в царское время, при коммунистической власти, нужно считать жертвами» [16].

Директор Института региональных проблем Дмитрий Журавлев говорит, что в молодых странах национализм часто овладевает массами. «Многим кажется, что чем больше национализма в обществе, тем больше суверенитета у страны. Первому президенту Казахстана Нурсултану Назарбаеву легче было противостоять таким настроениям. Все-таки он был советским руководителем, его наднациональная позиция казалась естественной. Действующему главе государства приходится тяжелее, от него ждут четкой позиции, а определить ее сложно». Журавлев добавляет, что пока инциденты в Казахстане носят бытовой характер, а потому не затрагивают межгосударственные отношения.

В информационном пространстве Казахстана и вне его участились случаи вбросов, дискредитирующих политику властей страны и проживающих в ней граждан разных национальностей [8]. Чаще всего сомнению подвергаются дружественные отношения казахов и этнических русских, однако факты говорят об обратном: русский был и остается одним из государственных языков в Казахстане, для русскоязычного населения доступны школы и другие социальные службы, а свобода вероисповедания защищена законом.

Эксперты также полагают, что сообщения о наличии розни – лишь попытка поссорить народы, которым нечего между собой делить и незачем. В Казахстане, как и в любом другом государстве, конфликты между гражданами страны разной национальности случаются, но чаще всего речь идет о ссорах на социально-бытовой почве, где вопрос этноса не имеет значения. Политолог,

политический обозреватель радиостанции «Говорит Москва» Александр Асафов уверен, что если конфликты и есть, то они носят единичный характер и раздуваются до несоразмерных масштабов в СМИ с конкретными целями [18].

Официальным государственным языком является казахский, у русского языка равный статус в качестве языка межнационального и делового общения, а английский считается языком успешной интеграции в мировую экономику. Статус официального русского языка закреплен и Конституцией Республики Казахстан (РК) [15]. Председатель ОЮЛ «Ассоциации русских, славянских и казачьих организаций», экс-министр по ЧС Владимир Божко, выступая на расширенном заседании республиканского Совета Ассамблеи народа Казахстана по обсуждению послания главы государства, отметил, что президент Касым-Жомарт Токаев дал четкую позицию государства по вопросу изучения в школах казахского и русского языков [18].

Этнические русские есть и в высших эшелонах власти Казахстана. Такая практика сложилась еще со времен советского периода, когда в республиках СССР соблюдалось незыблемое правило: если руководитель имеет титульную национальность, то его заместитель в обязательном порядке должен быть русской национальности и наоборот [14]. К примеру, в правительстве премьер-министра Казахстана Олжаса Бектенова первым заместителем главы является Роман Скляр, заместителем министра иностранных дел Казахстана Мурата Нуртлеу – Роман Василенко и т.д.

Есть этнические русские и в парламенте РК, где также сохраняется правило паритета. Так, председателем Сената парламента РК является Маулен Ашимбаев, а его заместителем – Ольга Перепечина, много этнических русских и среди депутатов. Есть основания полагать, что сохранение паритета в должностях и присутствие этнических русских будет и в обновленном Мажилисе парламента РК.

Присутствуют этнические русские и в органах власти на местных уровнях. К примеру, должность главы Зырянского района ВКО занимает

Анатолий Ракульцев, а аким Аккольского района Акмолинской области – Юрий Курушин, и это не единичные примеры.

Что касается веры, то закон «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях» от 11 января 2022 года сохраняет право каждого человека на свободу убеждений, гарантирует равноправие граждан независимо от их вероисповедания, признает культурную и историческую ценность религий, сочетающихся с духовным наследием народов Казахстана.

Таким образом, ни казахи, ни коренные русские, ни приехавшие в страну иммигранты и намеревающиеся остаться релоканты не заинтересованы в разного рода конфликтах или разжигании межнациональной и межконфессиональной розни между народами России и Казахстана. Однако не исключено, что проявление попыток внести раскол между казахами и русскими, стремление к дестабилизации ситуации в Казахстане имеют общие первопричины, которые в конечном счете кроются вовсе не в этнических, а скорее в геополитических факторах.

Список источников и литературы

1. Абаев: Говорить об ущемлении русского языка в Казахстане несправедливо // Новости Казахстана, 12.08.2021. Режим доступа: <https://www.nur.kz/society/1926904-abaev-govorit-ob-uschemlenii-russkogo-yazyka-v-kazahstane-nespravedlivo/> (дата обращения: 03.12.2023).
2. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан // https://stat.gov.kz/ru/news/izmenenie-tsen-na-rynke-zhilya-v-oktyabre-2022-goda/?sphrase_id=283994 (дата обращения: 13.12.2023).
3. Джусупова Г. Российские релоканты рассказали, какие льготы они получают в Казахстане // https://baigenews.kz/rossiyskie-relokanty-rasskazali-kakie-lgoty-oni-poluchayut-v-kazahstane_157786/ (дата обращения: 15.12.2023).
4. ЕБРР спрогнозировал рост экономик стран Центральной Азии на 5% из-за переезда россиян // <https://www.forbes.ru/biznes/489404-ebrr->

sprognoziroval-rost-ekonomik-stran-central-noj-azii-na-5-iz-za-pereezda-rossian
(дата обращения: 12.12.2023).

5. *Загвоздкина К.* МИД Казахстана рассказал о релокации в страну 25 ушедших из России компаний // Журнал Форбс, 29.05.2023
<https://www.forbes.ru/biznes/490038-mid-kazahstana-rasskazal-o-relokacii-v-stranu-25-usedsih-iz-rossii-kompanij> (дата обращения: 13.12.2023).

6. Казахстанские банки ужесточили правила выдачи карт россиянам // <https://www.nur.kz/society/1970866-kazahstanskie-banki-uzhestochili-pravila-vydachi-kart-rossiyanam/> (дата обращения: 13.12.2023).

7. *Кармазин И.* Тилмайдани: кто и зачем организовал в Казахстане языковые патрули // Известия Режим доступа: <https://iz.ru/1206995/igor-karmazin/til-maidani-kto-i-zachem-organizoval-v-kazakhstan-iazykovye-patruli>
(дата обращения: 20.12.2023).

8. *Карпович О.Г.* Информационная война против России в условиях осуществления специальной военной операции // Вестник Академии военных наук. 2022. № 2 (79). С. 10-13.

9. *Карпович О.Г., Карпов Б.Н., Ногмова А.Ш.* Развитие цифровой экономики Казахстана // Проблемы постсоветского пространства. 2020. Т. 7. № 4. С. 485-494.

10. *Карпович О.Г., Манойло А.В.* Политика многополярности: новые вызовы и угрозы. Монография. (2-е издание, с изменениями и дополнениями) Москва, 2020.

11. *Мальшева Д.Б.* Казахстан: внешнеполитические дилеммы // <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2864> (дата обращения: 15.12.2023).

12. МВД России приняты решения о неразрешении въезда в Российскую Федерацию сроком на 50 лет двум иностранным гражданам // Официальный сайт МВД РФ, 12 Августа 2021
<https://мвд.рф/news/item/25448034/>

13. *Новиков В.* Законы привлекательности: почему может поменяться миграционная политика Казахстана // <https://www.forbes.ru/mneniya/484128->

zakony-privlekatel-nosti-pocemu-mozet-pomenat-sa-migracionnaa-politika-kazahstana (дата обращения: 13.12.2023).

14. *Ногмов А.М., Шангараев Р.Н.* Роль региональных интеграционных объединений в обеспечении стабильности и безопасности в странах Центральной Азии // *Дипломатическая служба*. 2018. № 3. С. 48-54.

15. *Ногмова А.Ш.* Политико-правовая основа приграничного сотрудничества Российской Федерации и Республики Казахстан // *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. 2019. № 4 (22). С. 114-124.

16. Память о жертвах политических репрессий должна объединить наш народ – Берик Абдыгалиулы // *Международное информационное агентство Казинформ*, 31.05.2021 https://www.inform.kz/ru/pamyat-o-zhertvah-politicheskikh-repressiy-dolzha-ob-edinit-nash-narod-berik-abdygaliuly_a3794623 (дата обращения: 16.12.2023).

17. Приток трудовых мигрантов в Россию вырос в I квартале в 1,6 раза // *Ведомости*, 10.05.2023 <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2023/05/10/974291-pritok-trudovih-migrantov-v-rossiyu-viros> (дата обращения: 16.12.2023).

18. *Романов Д.* Русские в Казахстане: почему межнациональная рознь в республике – фейк // *Газета*, 23.02.2023 <https://www.gazeta.ru/social/2023/02/23/16299649.shtml> (дата обращения: 13.12.2023).

19. Токаев поручил создать условия для релокации ушедших из России компаний в Казахстан // *Журнал Форбс*, 14.07.2022 <https://www.forbes.ru/biznes/471523-tokaev-porucil-sozdat-uslovia-dla-relokacii-usedsij-iz-rossii-kompanij-v-kazahstan>

20. *Шангараев Р.Н., Гришкина А.В.* Деглобализация и дедолларизация национальной платежной системы Российской Федерации // *Дипломатическая академия МИД России, Москва, 2023.*

21. Memorandum of Understanding with Rostrud, 04.02.2022 // URL:
http://moscow.iom.int/russian/Legislation/CIS_LabourMigration_ru.pdf (дата
обращения: 13.12.2023).

Табаринцева-Романова Ксения Михайловна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и истории международных отношений,
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
kseniaromanova@urfu.ru

Ksenia M. Tabarintseva-Romanova,
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations,
Ural Federal University named after the first President of Russia,
kseniaromanova@urfu.ru

**«КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ» КАК ИНСТРУМЕНТ «ОСТРОЙ СИЛЫ»
“CANCEL CULTURE” AS A TOOL OF “SHARP POWER”**

Аннотация: в статье рассматривается феномен «острой силы» как гибридной формы «мягкой силы». Анализируются наиболее частотные определения в научном дискурсе «культуры отмены». Делается вывод о том, что «культуру отмены» можно рассматривать как инструмент «острой силы», которая на данном этапе развития геополитической ситуации используется также демократическими западными странами.

Ключевые слова: «мягкая сила», «острая сила», международные отношения, дипломатия, культурная дипломатия, «культура отмены», Россия, Италия.

Abstract: the article deals with the phenomenon of “sharp power” as a hybrid form of “soft power”. The most frequent definitions in the scientific discourse of “cancel culture” are analyzed. It is concluded that the “cancel culture” can be regarded as an instrument of “sharp power”, which at this stage of the development of the geopolitical situation is also used by democratic Western countries.

Keywords: “soft power”, “sharp power”, international relations, diplomacy, cultural diplomacy, “cancel culture”, Russia, Italy.

Концепция «острой силы» была озвучена в 2017 году Национальным фондом демократии (Ned)⁹, некоммерческим фондом США, который в своем отчете «Sharp Power» написал о растущем авторитарном влиянии таких государств, как Россия и Китай, об их продвижении «тихой», но эффективной пропагандистской работы за рубежом с целью увеличения своего влияния. Далее Дж. Най обозначил «острую силу» как «обманное использование информации во враждебных целях». По сути из его статьи «напрашивается» вывод о том, что использование «мягкой силы» недемократическими, по мнению западных стран, государствами является скорее «острой», а не «мягкой силой» [13]. К. Уокер и Дж. Людвиг признают, что «применение "острой силы"» на первый взгляд соответствует проекции «мягкосилового» влияния» [15]. Однако, как пишут российские исследователи А.О. Наумов и М.В. Белоусова, критически анализируя понятие «острой силы» в современном дискурсе: «Российские исследователи выходят за пределы западного мейнстрима и указывают не только на гибридный характер понятия, но и на его конъюнктурное толкование». Авторы статьи приходят к выводу, что изучаемый феномен есть своего рода универсальное явление, «которое служит для описания деструктивных практик с применением ресурсов "мягкой силы"» [3, с. 1]. Это позволяет рассматривать «культуру отмены» как один из инструментов «острой силы» – гибридной формы «мягкой силы».

В зарубежных и российских научных исследованиях нет единой интерпретации «культуры отмены». Она может изучаться как «способ социальной саморегуляции или же как механизм политического давления и навязывания» [6, с. 98]. Кандидат культурологии Е.А. Мусалитина делает вывод о том, что «несмотря на разные аспекты, затрагиваемые в научных работах, все они основаны на понимании культуры отмены как гибридной войны коллективного запада против российского социума» [2]. В целом, как подчеркивает российский исследователь О.Ф. Семенова, «культура отмены как новая дискурсивная практика имеет тематико-семиотическую доминанту

---

⁹Организация США, признанная Генеральной прокуратурой РФ нежелательной в 2015 году.

в форме деструктивной критики» [14, с. 1]. Действительно, на практике мы наблюдаем попытку «зачеркнуть» целый пласт национальной культуры, внесшей неоспоримый вклад в мировую культуру. Естественно, нельзя отменить культуру одномоментно, но сама идея об этом провоцирует и мультиплицирует появление фейковых новостей, фальсификацию истории, агрессивную пропаганду собственных ценностей, противоречащих ценностям государства-оппонента – все те инструменты «острой силы», о которых говорили вышеупомянутые американские эксперты, «обвиняя» в использовании такого инструментария совсем другие страны.

Для более глубокого понимания феномена «культуры отмены» необходимо кратко рассмотреть историю возникновения изучаемого явления. Данный социально-политический термин возник в США и Европе. Впервые был употреблен в 2016 году как обозначение массового прекращения поддержки со стороны общественных деятелей или знаменитостей, совершивших поступки, которые сегодня не принимаются обществом. Такая практика «отмены» или массового позора часто встречается на платформах социальных сетей и поддерживается как инструмент для прекращения оскорбительного и вредного поведения. В социальных сетях «отменить кого-то» стало высказыванием, означающим «убрать лайки», «отписаться» или «лишить кого-то поддержки». В 2019 году австралийский словарь Macquarie назвал “cancel culture” словом года, определив его как «отношение в сообществе, которое требует или определяет отказ от поддержки персоналии», т.е. определенная форма остракизма или бойкота человека, который, например, выражал расистские взгляды или обвинялся в сексуальных домогательствах [8]. Сходное определение дает итальянский словарь Treccani: «обвинительное отношение, обычно выражаемое через социальные сети, по отношению к общественным деятелям или компаниям, которые сказали или сделали что-то оскорбительное или политически некорректное и поэтому лишены поддержки и симпатии» [9]. Постепенно толкование феномена расширилось до инкорпорирования в термин-поле также и стремления

отказаться от прошлого, характеризующегося анахроничными ценностями и идеалами для нашего времени, особенно патриархальной культурой и расовой ненавистью.

Один из самых известных примеров «культуры отмены» связан со смертью Джорджа Флойда в мае 2020 года. Сторонники протестного движения BlackLivesMatter совершили «акты стирания культуры», убрав памятники и статуи, символизирующие колониализм, а именно преимущественно объекты культуры, изображающие У. Черчилля и Колумба. Критика данного феномена, из ее самых ранних концептуальных формализаций, восходит к письму, опубликованному в июле 2020 года в журнале Harper's Magazine: 150 интеллектуалов (включая Маргарет Этвуд, Салмана Рушди, Ноама Хомского) обеспокоены тенденцией «стирать» работы и мнения, прошлые и настоящие, которые считаются политически некорректными, морально или интеллектуально неприемлемыми, только потому, что они выражают ценности, противоречащие правам меньшинств, гендерному равенству, равенству, взаимному уважению. По мнению авторов письма, «культура отмены» будет представлять собой отказ от диалога с памятью, который часто неудобен, неспособность понять контексты и, несмотря ни на что, ограничение свободы выражения мнений [7].

В российской практике этим термином стали активно оперировать при описании сложившейся после февраля 2022 года ситуации в области культуры. Стоит вспомнить и о попытках «изъять» культурные ценности РФ. Так, по данным различных СМИ, весной 2022 года ряд выставок с участием произведений искусств из российских фондов культуры оказался под угрозой остаться за пределами России. В начале апреля финская таможня задержала на пограничном пункте с РФ «Ваалимаа» российские произведения искусства на сумму более 46 млн долларов. Арестованными оказались скульптуры, антиквариат и картины, которые везли обратно в Россию после двух выставок в Италии [4]. К счастью, как сообщил специальный представитель президента по международному культурному сотрудничеству М. Швыдкой, все

экспонаты из государственного музейного фонда России вернулись в страну. Он отметил, что за границей остались только работы из санкционного списка Евросоюза, принадлежащие частным лицам [5].

Публичные деятели, эксперты и научные исследователи попытались с помощью этого понятия, с одной стороны, описать различные провокационные истории, связанные с попытками «оставить» у себя российские культурные объекты и «очернить»/«откреститься» от русского вклада в мировую культуру. С другой стороны, это стало своего рода реакцией и попыткой защитить российскую культуру от «вторжения» западных ценностей, чуждых российским традициям. С этой точки зрения, проведенное исследование ВЦИОМ, посвященное российскому синдрому отмены содержит богатый эмпирический материал, касающийся всевозможных примеров отмены российской культуры.

Как отмечают исследователи П.Г. Былевский и Е.П. Цацкина, феномен «культура отмены» обладает признаками «агрессивного продвижения имитационной общественностью ценностей альтернативных меньшинств путем деструкции традиционных ценностей, дискредитации их знаковых носителей [1, с. 167]. Из механизма социального давления «культура отмены» превращается в политический инструмент. Как пишет Ф. Рашид, научный сотрудник Центра исследований в области безопасности, стратегии и политики Лахорского университета, «культура отмены – это новое явление глобальной политики, которое вытеснило традиционные методы остракизма с помощью массовой цифровой культуры, которая безразлична к социальному контексту и может использоваться отдельными лицами, правительствами и корпорациями» [11].

В качестве иллюстрации можно привести следующие примеры. Театр Ла Скала аннулировал контракты с дирижером В. Гергиевым. Организаторы выставки «Русская душа» в музее кино в Турине пригласили только тех россиян, которые высказались против политики В.В. Путина. Фестиваль европейской фотографии в Реджо-Эмилии отменил выставку «Ледяные

тропы» и все мероприятия, посвященные России. Были отменены лекции известного итальянского профессора П. Нори по романам Достоевского в миланском университете Бикокка. В Генуе был отменен Международный фестиваль русской музыки и литературы, который должен был состояться в ознаменование 200-летия со дня рождения Достоевского и т.п. Однако среди итальянских политиков есть те, кто выступает против «культуры отмены». Так, бывший председатель комитета по иностранным делам сената, президент Института Италии БРИКС В. Петрочелли опубликовал открытое письмо, осуждающее сжигание русских книг на Украине (март 2023 года): «Эта ужасная практика, которую мы сегодня называем Cancel Culture, драматически напоминает нам об ужасном периоде в нашей истории, когда через четыре месяца после прихода к власти Адольфа Гитлера, 10 мая 1933 г. в Берлине и других немецких городах произошло *bücherverbrennungen*, сожжение книг» [10]. Неаполитанская консерватория организовала концерт российских и украинских артистов. Президент Итальянской Республики С.Маттарелла высказался по случаю премьеры в Ла Скала оперы «Борис Годунов» и в связи с отказом в участии С. Полунину (декабрь 2022 года): «Великая русская культура не может быть стерта, независимо от войн, которые ведут ее лидеры» [12].

Таким образом, «культура отмены» становится инструментом политического действия как на внутригосударственном, так и на международном уровнях. Он предполагает не трансляцию основополагающих ценностей, на чем базировалась «мягкая сила», а фактически борьбу с ними – культурой, исторической памятью. Это, в свою очередь, может привести к своего рода культурной сегрегации и подстраиванию под «сиюминутные» интересы определенных социальных групп, пренебрегая, по существу, цивилизационными основами и тысячелетней историей многих стран.

Потенциально «культура отмены» провоцирует раскол в обществе: есть те, кто фанатично «выполняет» рекомендации по отказу, но в то же время есть те, кто осознает невозможность полного отречения от «неудобной» в данный

момент культуры. Все более четко прорисовываются двойные стандарты: для одних государств культура становится ресурсом и инструментом «мягкой силы», для других – ресурсом и инструментом «острой силы». «Изобретатель» терминологии научно-политического дискурса становится обладателем «силы».

Относительно положительным эффектом «культуры отмены» становится естественная реакция на запрет – «возвращение» к собственной культуре (например, «дипломатия наследия») и ее защита вовне (что делает актуальным вопрос о культурной безопасности).

Список источников и литературы

1. Былевский П. Г., Цацкина Е. П. Феноменологический анализ явления «культура отмены» // Вестник Моск. гос. лингв. ун-та. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2 (857). С. 162–169. DOI 10.52070/2542-2197_2022_2_857_162

2. Мусалитина Е. А. Повышение акцептации российской культуры в условиях эскалации культуры отмены URL: https://www.uzknastu.ru/files/pdf/66/Мусалитина%20Е_%20А.pdf (дата обращения: 30.06.2023).

3. Наумов А. О., Белоусова М. В. «Острая сила»: критический анализ в современном научном дискурсе // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 4. С. 48–65. DOI.org/10.17506/18179568_2022_19_4_48

4. Отмены русской культуры стало недостаточно. Пришло время ее грабежа URL: <https://ria.ru/20220405/iskusstvo-1781810320.html> (дата обращения: 30.06.2023).

5. Швыдкой сообщил о возвращении всех экспонатов музейного фонда России URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/07/2022/62d318279a794775a41d9802> (дата обращения: 30.06.2023).

6. *Энтина Е. Г.* От «отменённой России» к стране-цивилизации // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. №. 5. С. 98–108.
7. A Letter on Justice and Open Debate URL: <https://harpers.org/a-letter-on-justice-and-open-debate/>(датаобращения: 30.06.2023).
8. Cancel culture is the Macquarie Dictionary's word of the year for 2019 URL: <https://www.smh.com.au/culture/books/cancel-culture-is-the-macquarie-dictionary-s-word-of-the-year-for-2019-20191202-p53fzy.html> (датаобращения: 30.06.2023).
9. Cancel culture URL: [https://www.treccani.it/vocabolario/cancel-culture_\(Neologismi\)](https://www.treccani.it/vocabolario/cancel-culture_(Neologismi)) (датаобращения: 30.06.2023).
10. Contro la Cancel Culture della lingua russa. Lettera aperta di Petrocelli (IBI) ai ministri Tajani e Sangiuliano URL: https://www.lantidiplomatico.it/dettnews-contro_la_cancel_culture_della_lingua_russa_lettera_aperta_di_petrocelli_ibi_ai_ministri_tajani_e_sangiuliano/39130_48912/(датаобращения: 10.07.2023).
11. Faizan Rashid Cancel Culture: A Powerful New Phenomenon in Global Politics URL: <https://strafasia.com/cancel-culture-a-powerful-new-phenomenon-in-global-politics/> (датаобращения: 10.07.2023).
12. La cancellazione della cultura russa risorge come Fenice. Cancellando anche le parole di Mattarella https://www.huffingtonpost.it/cultura/2022/12/28/news/la_cancellazione_della_cultura_russa-10982235/(датаобращения: 10.07.2023).
13. *Nye J.* How sharp power threatens soft power. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/howsharp-power-threatens-soft-power> (дата обращения: 30.06.2023).
14. *Semenova O.F.* Cancel culture — the speech behavior of modern society // Review of Business and Economics Studies. 2023. № 11(1). P.13-18. DOI: 10.26794/2308-944X-2023-11-1-13-18

15. *Walker Ch., Ludwig J.* The meaning of sharp power. How authoritarian states project influence. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power> (дата обращения: 30.06.2023).

Волков Артем Петрович,
соискатель,
Дипломатическая академия МИД России,
t3mavolkov@yandex.ru
Artyom P. Volkov,
Postgraduate student,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
t3mavolkov@yandex.ru

**МНОГОПОЛЯРНОСТЬ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ
ГРУППЫ БРИКС
MULTIPOLARITY AS A POLITICAL IMPERATIVE FOR THE
BRICS GROUP**

Аннотация: в статье раскрываются актуальные аспекты позиционирования многополярности как ключевого концепта и императива внешней политики России в контексте международной интеграции страны в рамках группы БРИКС. С позиций основных подходов к пониманию природы трансформации современного международного порядка рассмотрены основные черты возрастающего влияния государств Глобального Юга и политического Востока в современном мире. Выявлены истоки доминирования концепции многополярности как императива интеграции государств БРИКС. Исследуются возможные внутренние противоречия внутри группы БРИКС, делается вывод о наличии основных параметров противостояния с государствами коллективного Запада.

Ключевые слова: многополярность, мировой порядок, холодная война, политический Запад, БРИКС.

Abstract: the article reveals the actual aspects of positioning multipolarity as a key concept and imperative of Russia's foreign policy in the context of the country's international integration within the BRICS group. From the standpoint of the main approaches to understanding the nature of the transformation of the modern international order, the main features of the increasing influence of the states of the Global South and the political East in the modern world are considered. The origins of the dominance of the concept of multipolarity as an imperative for the integration

of the BRICS states are revealed. Possible internal contradictions within the BRICS group are considered, and the conclusion is made that there are basic parameters of confrontation with the states of the collective West.

Keywords: multipolarity, world order, cold War, political West, BRICS.

Многополярность следует признать одной из наиболее востребованных концепций в современной политической науке. Традиционно ее используют для описания эволюции современной системы международных отношений, двигающейся от моноцентричной к полицентричной модели. Концепция миропорядка (мирового порядка, международного порядка) является одной из ключевых для анализа вопросов развития геополитической ситуации в современном мире и разработки надлежащей модели военной политики любого государства. На самом общем уровне понимания мировой порядок предполагает определенный уровень регулярности, предсказуемости и стабильности отношений между государствами как ключевыми акторами международных отношений. По мере масштабирования мировой политической системы в границы данных отношений вовлекается все большее количество субъектов, включая международные неправительственные организации и учреждения.

Концепция международного порядка

Хотя некоторые исследователи склонны полагать, что единого международного порядка не существует и что мировой порядок варьируется в зависимости от проблемных областей и конкретных отношений, определенная степень предсказуемости и стабильности, вероятно, является необходимым условием для любой его модели. На коммуникативную черту миропорядка указывает профессор Гарвардского университет С. Кокс, подчеркивая, что мировой порядок может быть определен как «наличие правил и договоренностей, которые позволяют субъектам защищать свои интересы», и рассматривает систему как упорядоченную «в той мере, в какой эти правила и договоренности соблюдаются» [9, с. 5].

Различение отдельных видов порядка, существующих в рамках отношений между государствами в глобальном масштабе, предполагает, что мировой порядок означает отказ государств от части своего суверенитета, международный – его сохранение в качестве главного принципа, а глобальный – его практически полное устранение. В отличие от мирового, международный порядок относится к взаимоотношениям государств, сохраняющим свой суверенитет [5, с. 135].

В политической науке международных отношений распространено мнение, что не все модели миропорядка обязательно должны содержать формальные институты или кодифицированные правила отношений между государствами. Одним из наиболее распространенных проявлений слабого международного порядка является система баланса сил. Такие системы не требуют четкого соглашения о принципах, правилах и институтах. Вместо этого порядок в форме баланса сил между великими державами возникает как непреднамеренное следствие сотрудничества государств, стремящихся к преобладающей, а не сбалансированной власти [11, с. 170].

В изучении феномена мирового порядка произошел ренессанс, отчасти обусловленный широким спектром системных событий и потрясений. В Большой российской энциклопедии дается многовариантное толкование слова 'трансформация' (от латинского *transformatio* – превращение, преобразование), в том числе международно-правового содержания [3, с. 522]. Однако в этом универсальном издании нет определения «геополитической трансформации мирового порядка».

В целом под определением «геополитическая трансформация мирового порядка» следует понимать трансформации, которые носят глобальный характер и затрагивают интересы всего человечества во всех сферах жизни – политике, экономике, культуре, духовном мире. Это более сложная, универсальная категория по сравнению с таким процессом, как трансформация системы международных отношений. Изменения и перемены в мировой внешней политике носят динамичный, прогрессивный характер.

Мировая геополитическая модель как состояние внешней активности, обеспечивающее незыблемость необходимых для него, жизненно важных и общих для всех целей сообщества государств, также характеризуется изменениями и трансформациями. Однако они характеризуются масштабностью, цикличностью и многомерностью. В контексте перестройки мирового порядка сталкиваются не национально-государственные интересы отдельных стран, а различные противоборствующие силы и системы, включая всевозможные блоки, союзы государств, которые зачастую отстаивают прямо противоположные позиции.

Конфронтация данных субъектов мировой политики, а подчас и прямое военное столкновение актуализируют необходимость рассмотрения системы угроз внутренней военной безопасности российского государства, анализ которой невозможен без учета актуальных тенденций трансформации современного мирового порядка. Вместо традиционного захвата территорий при помощи военной силы, «принуждению к миру» при помощи бомбардировок и разрушения военного и экономического потенциала противника пришли новые методики, основанные на усилении роли невоенных факторов, в основной спектр которых входит разрушение социальных и экономических основ другого государства, среды его обитания, культурных и духовных ценностей, общественного уклада и политического режима [7, с. 65]. Как представляется, в текущий момент трансформация мирового порядка осуществляется под воздействием нескольких факторов, анализ которых необходим для понимания угроз внутренней военной безопасности.

Во-первых, современный миропорядок трансформируется в условиях постсоветского (постсоциалистического) периода мировой истории. Процесс дезинтеграции СССР и социалистического блока имеет далеко идущие последствия, в значительной степени продолжающие оказывать дестабилизирующее влияние на политическую стабильность государств на постсоветском пространстве и в Восточной Европе. Во-вторых, это

модификация средств политического влияния, сопряженная с научно-технологическими достижениями последних десятилетий. В частности, к ним можно отнести современные технологии принудительного демонтажа политических режимов, представляющие несомненную угрозу для политической стабильности в целом ряде государств. В-третьих, это формирующиеся в современном глобальном пространстве новые центры политической и военной силы, бросающие вызов однополярному миропорядку и создающие предпосылки для многополярной (полицентрической) системы международных отношений.

Россия и Запад в современной системе международных отношений

Структурный обзор отношений России и Запада за последние три десятилетия может быть полезен для прояснения этой мрачной картины. Одной из ключевых особенностей однополярного миропорядка после окончания холодной войны было стремление к единообразию в сфере экономических, политических систем и ценностей. Это особенно верно в случае Европы, где подход к унификации политического устройства континента был основан на расширении орбиты политического влияния, ориентированной на Брюссель (столица Европейского союза). Россия, со своей стороны, начала период после окончания холодной войны с попытки присоединиться к Западу, хотя и только на условиях, которые она считала приемлемыми. В таких обстоятельствах отношения России и Запада естественным образом испортились, поскольку ни одна из сторон не смогла трансформироваться в соответствии с ожиданиями другой: Россия все чаще стала рассматриваться как экзистенциальная угроза для однополярного миропорядка.

Многополярность представляет собой международно-политическую модель, при которой ни одна держава не может доминировать в глобальной политике и где власть распределена между несколькими полюсами силы. Таким образом, многополярность по своей сути является динамичным процессом, указывающим на перемены в международных делах. Первые годы

после окончания холодной войны характеризовались утверждением однополярного мироустройства, но к началу XXI века это уступило место более сложной многополярной конфигурации. В рамках более масштабного сдвига были восстановлены элементы биполярности, но уже не американо-советской, а китайско-американской. Полюс силы формируется тогда, когда одно государство накапливает непропорционально большую долю ресурсов и возможностей, сопровождающихся размером населения и территории, ресурсной обеспеченностью, экономическим потенциалом, военной мощью, политической стабильностью и компетентностью.

Международная политика движется к состоянию крайне неравномерной многополярности. Послевоенная международная система ООН испытывает беспрецедентное напряжение. Она остается основой для нормативного и институционального ведения международных дел и международного права, однако ее эффективность и даже легитимность все чаще ставятся под сомнение. По мере того, как однополярная модель ослабевала, отличительной чертой эпохи после холодной войны было сохранение нормативной и организационной силы коллективного Запада. В организационном плане это означало сохранение, а затем и расширение НАТО, наряду с углублением и укрупнением Европейского союза.

Баланс сил в международной политике, несомненно, меняется. Это касается не только относительного экономического снижения вклада политического Запада в мировой ВВП, сопровождающегося пропорциональным увеличением доли Азиатско-Тихоокеанского региона. Это влечет за собой создание альтернативной институциональной и финансовой архитектуры, чтобы преодолеть угрозу санкций, введенных США, и превращение доллара в оружие экономической войны.

Концепция многополярности является лейтмотивом внешней политики Москвы с тех пор, как Россия стала независимым государством, хотя и с разной степенью интенсивности. На первом этапе, когда доминировали либеральные и атлантистские взгляды министра иностранных дел

А.В. Козырева, это едва ли имело значение, хотя даже тогда защита воспринимаемых Россией национальных интересов великой державы далеко не игнорировалась. Однако только когда его сменил Е. Примаков в январе 1996 года, многополярность (обычно переводимая как «полицентризм») стала доминирующей концепцией. Это стало сигналом, что Россия будет преследовать свои собственные национальные интересы, хотя и не обязательно в конфронтационной манере.

Это был противоречивый период сотрудничества, особенно с вступлением России в Совет Европы и сотрудничеством с Европейским союзом. Но в то же время существовала конфронтация по поводу постоянно вызывающего беспокойство вопроса о расширении НАТО. Е. Примаков представлял старый советский внешнеполитический истеблишмент и на этой основе выдвинул идею создания блока Россия – Индия – Китай (РИК), предшественника БРИКС и того, что сейчас становится политическим Востоком. Приход к власти В.В. Путина первоначально сопровождался оригинальными предложениями о вступлении России в НАТО, но его предложения были отвергнуты. Вместо этого российские опасения должны были быть смягчены созданием Совета Россия – НАТО в 2002 году. Акцент был сделан на деидеологизированных прагматичных отношениях с коллективным Западом.

Активизация планов евразийской экономической интеграции сигнализировала о том, что институты политического Запада больше не будут доминировать на континенте. Возглавляемая Москвой Организация Договора о сотрудничестве в области безопасности (ОДКБ) предложила альтернативу НАТО, хотя и на гораздо более низком уровне интеграции.

БРИКС как новый центр силы многополярного мира

Претендентом на статус центра силы в этом многополярном прогнозе может выступить структура БРИКС. Истоки формирования межгосударственного объединения БРИКС однозначно свидетельствуют об экономическом характере данной интеграции. Авторство аббревиатуры БРИК,

первоначально охватывающей только Китай, Россию, Индию и Бразилию, принадлежит эксперту Goldman Sachs Дж. О'Ниллу, который в своей статье объединил данным термином четыре интенсивно развивающиеся экономики, которым в будущем, по его мнению, будет принадлежать существенная доля в мировом валовом продукте [10].

В основе отсутствия сильного внешнеполитического сближения БРИКС лежит их политическая и идеологическая неоднородность, которая часто создает конфликты между ведущими государствами группы. От внутренних политических и экономических систем до культурных и религиозных традиций, каждое государство БРИКС является отдельным образованием, что резко противоречит однородным политическим и экономическим системам, ценностям и историческим траекториям послевоенных стран Западной Европы и Северной Америки. Все западные страны, возглавляемые США, являются функциональными демократиями с рыночной экономикой. Они разделяют почти одинаковые социальные и политические ценности и в основном координируют свою внешнюю политику таким образом, чтобы отражать эти ценности [6].

Однако БРИКС представляет совершенно иную картину. После пограничной войны 1962 года Китай и Индия постепенно нарастили взаимное недоверие, которое сохраняется до сих пор [4, с. 149]. До краха советской коммунистической системы в 1991 году Китай и Россия были историческими соперниками, хотя общая оппозиция доминированию США в последние годы значительно сблизила их. Старое геополитическое соперничество между Китаем и Индией продолжает приобретать новые измерения. Индия, несмотря на то что является членом БРИКС, поддерживает политику США «разворота Азии» и сотрудничает в военном отношении с США, Японией и Австралией для сдерживания китайского влияния в Индийском океане и западной части Тихого океана. Аналогичным образом Китай поддерживает Пакистан в противовес доминированию Индии в Южной Азии и выступает против заявки Индии на постоянное членство в Совете Безопасности ООН. Россия занимает

нейтральную позицию в отношении реформ Совета Безопасности, поскольку она придерживается политики безразличия, ставя заявку Индии или других государств-претендентов на членство в БРИКС в зависимость от поддержки более чем двумя третями государств – членов ООН.

БРИКС также не выглядит как единый экономический блок, по крайней мере, с точки зрения внутренних экономических ориентаций и производственных структур. Китай позиционирует себя как рыночный социализм с высокой степенью государственного контроля над экономикой. Индия, Бразилия и Южная Африка в настоящее время придерживаются принципов либеральной рыночной экономики, в то время как российская экономика, как и экономика Китая, в лучшем случае представляет собой смешанную экономику – ни рыночную, ни полностью контролируруемую государством. Огромные различия также характеризуют производственные структуры государств БРИКС. Китай за последние годы превратился в мировую экономическую державу, увеличив объем промышленного производства с 3% до 25% [8, с. 29]. Экономика Индии в большей степени ориентирована на сферу услуг. Экономики Бразилии, России и Южной Африки в значительной степени зависят от сырьевых товаров. Основными статьями экспорта Бразилии являются соевые бобы, железная руда и сырая нефть. Южная Африка сильно зависит от продаж золота, алмазов и платины на мировых экспортных рынках. Основные доходы России поступают от экспорта сырой нефти, природного газа, металлов и минералов.

Важно отметить, что среди государств БРИКС только Китай является крупной промышленной державой, в то время как Индия поддерживает себя за счет сектора услуг. Экономическое положение Бразилии, России и Южной Африки очень подвержено колебаниям на мировых товарных рынках, что делает группу БРИКС экономически менее устойчивой по сравнению с высокоиндустриальной группой G7. Другой проблемой, вызывающей серьезную озабоченность БРИКС, становится экономическое доминирование Китая в группе. Геополитическая напряженность между Китаем и Индией

может часто всплывать на поверхность, препятствуя эффективному экономическому и дипломатическому сотрудничеству БРИКС в целях создания общего фронта против США в предстоящие годы. Действительно, Индия отказалась присоединиться к гигантской экономической инициативе Китая «Один пояс, один путь» под предлогом того, что инициатива включала китайско-пакистанский экономический коридор, который Китай рассматривает как часть проекта. Фактической причиной было нежелание Индии содействовать расширению геополитического влияния Китая в Евразии и в районе Индийского океана, что Нью-Дели рассматривает как политику Китая по окружению Индии [2, с. 65].

Россия и Китай, два ведущих государства – члена БРИКС, уже несколько лет находятся под жесткими санкциями США. ЕС ввел санкции против российского энергетического сектора, оружейных компаний и банковской системы, чтобы изменить курс действий России в Украине. Аналогичным образом Китай часто подвергался санкциям США за якобы содействие ядерным и ракетным программам Северной Кореи, а также программам Ирана.

В настоящее время группа БРИКС не имеет видения нового мирового порядка и не приближается к его разработке. Вышеупомянутая политическая, экономическая, идеологическая и стратегическая разнородность группы препятствует выработке коллективного видения будущего мирового порядка. Концепция нового мирового порядка в том виде, в каком она развивалась исторически, имеет разные значения и коннотации, но как минимум это означает появление нового полюса власти и нового набора идей для определения базового характера формирующегося порядка, отношений между его составными частями (государствами) и рамки для решения политических, социальных и экономических проблем. Возглавляемый США послевоенный либеральный мировой порядок, который ведет свое происхождение от поствестфальского европейского порядка XVII века, стремился определить порядок, развивая ряд важных столпов, включая международные отношения,

ориентированные на государства, государственный суверенитет, систему баланса сил для поддержания мира [1, с. 646].

Гораздо более сложными задачами для группы БРИКС являются создание нового или реконструкция существующего мирового порядка, защита своих интересов и должное признание интересов других государств. Китай, Индия и Россия составляют ядро БРИКС, но вряд ли есть какое-либо сходство или точка соприкосновения в их идеях и видениях мирового порядка после США. Китайцы исторически рассматривали мир как иерархический порядок, в котором культурно более высокий и цивилизованный Китай находится на вершине.

Азиатский соперник Китая, Индия, после обретения независимости в 1947 году в большей степени соблюдает основные принципы поствестфальского европейского, а затем и возглавляемого США мирового порядка. Индия поддерживает ценности демократии и прав человека и участвует в возглавляемом США порядке влияния на правила игры для продвижения своих национальных интересов. В индийских идеях международных отношений главной заботой было выживание государств в условиях скрытой враждебности, где устранение соперничающих держав и территориальная экспансия очень могущественного короля имели наибольшее значение. С 1962 года главными источниками враждебности для Индии были Китай и его южноазиатский союзник – Пакистан. Индия присоединилась к группе БРИКС для продвижения своих экономических интересов, скорее всего, не для того, чтобы примириться с идеями китайской версии мирового порядка. Этот момент станет намного яснее по мере развития событий в рамках китайской инициативы «Один пояс, один путь», которую Индия предпочла не поддерживать.

В условиях неравномерной многополярности средние державы все больше утверждают свое влияние. Это было очевидно на ряде многосторонних форумов, включая АСЕАН+, БРИКС+, ШОС, Организацию африканского единства, Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство и G20,

что наиболее важно в глобальном масштабе. Россия продолжает выстраивать отношения со своими партнерами на политическом Востоке, в частности с Индией, Вьетнамом и Индонезией, одновременно укрепляя свои отношения с традиционными партнерами, такими как Куба и Венесуэла. Глобальный Юг, как и во времена первой холодной войны, стал ареной соперничества между США и Китаем, причем Россия стремится укрепить свое влияние в Африке и Латинской Америке. Россия формирует военное присутствие в Мали, Центральноафриканской Республике и т.д. Россия все чаще позиционирует себя как антиколониальную державу, чья роль конгениальна прежней позиции Советского Союза при поддержке движений за независимость.

Государства БРИКС добились некоторых первоначальных успехов в распределении голосов на международной арене, и это может побудить другие развивающиеся экономики присоединиться к группе и усилить ее, чтобы увеличить давление на США с целью проведения серьезных реформ двух институтов, что, в свою очередь, приведет к реформированию мирового порядка в будущем. Тем не менее группа страдает от серьезных неудач, а именно от политических, идеологических и стратегических неудач в работе в качестве согласованного действующего лица, чтобы успешно бросить вызов существующему порядку, в котором доминируют США, и заменить его каким-то новым мировым порядком в целом. В отличие от США и их западных союзников, государства БРИКС как группа мало сходятся во внутреннем устройстве, а также во внешнеполитических ориентациях, за исключением их общего противостояния доминированию США. Интернализация баланса сил в Совете Безопасности ООН не смогла обеспечить форум для разрешения конфликтов. Добавление Индии, Бразилии и представителя из Африки, несомненно, сделало бы международную систему Хартии более отражающей изменившееся соотношение сил в международной политике и озабоченности подавляющего большинства членов ООН. В условиях неравномерной многополярности сформировались две основные оси (Китай – США и Россия против политического Запада), сопровождающиеся более широким

идеологическим, даже цивилизационным соперничеством между политическим Западом и зарождающимся политическим Востоком. Оставаясь в стороне, многочисленные средние и мелкие державы стремятся сохранить свою автономию посредством нейтралитета, одновременно осуждая безответственность, которая вызвала возобновление напряженности времен холодной войны.

Список источников и литературы

1. *Алиев О.М.* Новый банк развития БРИКС: причины создания и выг. для России // Финансовая экономика. 2018. № 7. С. 646.
2. *Арапова Е.Я.* Современные тенденции трансрегиональной торговли стран БРИКС // Международная экономика. 2018. № 9. С. 61-71.
3. Большая Российская энциклопедия. В 35 т. Т. 25. М.: Научное изд-во Большая Российская энциклопедия, 2016. 980с.
4. *Гулиева Э.Ф.* Политика Индии в БРИКС на современном этапе // Тренды и управление. 2014. № 2. С. 147-153.
5. *Емузова Э.А., Косов Г.В.* Мировой, международный и глобальный порядки: к вопросу о соотношении понятий // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 7 (74). С. 133-136.
6. *Кулябина Л.Н.* К методологии исследований внешней политики современного государства // Вестник Дипломатической академии МИД России. 2020, №4. С. 6.-24. Вестник_4-2020.pdf (dipacademy.ru) (дата обращения: 13.12.2023)
7. *Новиков С.В., Иванников С.В.* Проблемы международного права в свете новых военных угроз третьего тысячелетия // Право и государство: теория и практика. 2021. № 3 (195). С. 62-69.
8. *Пищулин Н.С.* Статистическая оценка внешнеэкономической деятельности Российской Федерации с КНР и Республикой Индия // Финансовые рынки и банки. 2022. № 2. С. 28-34.

9. *Kocs S.A.* International order: A political history. Lynne Rienner, 2019. 290p.
10. *O'Neill J.* Building Better Global Economic BRICs // Global Economics. 2001. Paper №66.
11. *Schweller R.L.* The problem of international order revisited: A review essay. International Security. 2001. № 26(1). P. 170-177.

Литвинов Валерий Олегович,
аспирант,
Дипломатическая академия МИД России,
valeriy.litvinov2015@yandex.ru
Valery O. Litvinov,
Post graduate student,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry,
valeriy.litvinov2015@yandex.ru

**РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ УСТАНОВОК НАТО НА
КИТАЙСКОМ НАПРАВЛЕНИИ
IMPLEMENTATION OF NATO STRATEGIC OBJECTIVES IN THE
CHINESE VECTOR**

Аннотация: последние 10 лет стали свидетелями нарастания противоречий в Азиатско-Тихоокеанском регионе: КНР начала формирование собственного авианосного флота, усиливалась напряженность вокруг островов Спратли, тайваньский вопрос получил новый виток развития. Все это заставляет НАТО обращать большее внимание на возможный конфликт с Китаем. Именно поэтому исследователи Ханс Биннендийк и Даниэль Гамильтон составили доклад о том, как НАТО стоит взаимодействовать с КНР и возможно парировать предстоящую угрозу. В рамках анализа данного доклада поднимаются вопросы интеграции НАТО, защиты технологий и инфраструктуры альянса от вероятного противника, предоставления союзникам США в АТР статуса партнеров НАТО и поддержания диалога с Пекином для возможного оттягивания конфликтной ситуации.

Ключевые слова: НАТО, КНР, АТР, военное противостояние, Тайвань, многополярность.

Abstract: the last 10 years have witnessed the increase of contradictions in the Asia-Pacific region: China has begun to form its own aircraft carrier fleet, tensions around the Spratly Islands have increased, a new round of the Taiwan issue. All this makes NATO pay more attention to a possible conflict with China. That is why researchers Hans Binnendijk and Daniel Hamilton drew attention to the PRC and compiled a report on how NATO should interact with it and possibly fend off the upcoming threat. Within the framework of the analysis of this report, the issues

of NATO integration, protection of the alliance's technologies and infrastructure from a possible enemy, granting the status of NATO partners to US allies in the Asia-Pacific region and maintaining a dialogue with Beijing for possible postponement of the conflict situation are raised.

Key words: NATO, China, Asia-Pacific region, military confrontation, Taiwan, multipolarity.

Атлантический совет является авторитетной в США неправительственной экспертно-аналитической структурой, специализирующейся на изучении проблем трансатлантических отношений и объединяющей известных ученых-политологов, а также бывших и действующих политиков, военачальников и высокопоставленных дипломатов. Результаты своих разработок и рекомендации Совет направляет исполнительным и законодательным органам власти США, а также ведущим международным организациям.

Ханс Биннендийк является ведущим научным сотрудником Центра стратегии и безопасности Скоукрофта при Атлантическом совете и обладает большим опытом работы в исполнительных органах власти Соединенных Штатов. В частности, Биннендийк занимал должность старшего директора по оборонной политике и контролю над вооружениями в СНБ США, а также отвечал за политическое планирование в американском Госдепартаменте.

Даниэль Гамильтон является президентом Сети трансатлантического лидерства и старшим научным сотрудником Центра исследований США и Европы при Брукингском институте. До научной карьеры он занимал различные руководящие посты в Госдепартаменте США, в частности должность заместителя помощника госсекретаря по европейским делам, отвечая за вопросы трансатлантической безопасности, включая формирование американской политики в отношении НАТО и ОБСЕ.

Авторитетные американские эксперты считают крайне важным и своевременным включение в натовскую Стратегическую концепцию (2022

год) [4] положений, связанных с реагированием на вызовы безопасности для союзников со стороны Китая. В своем докладе они предлагают комплекс мер, которые, по их мнению, необходимо принять НАТО для реализации стратегических установок на китайском направлении.

Американские эксперты полагают, что эффективная политика Североатлантического альянса в этой области должна строиться по трем основным направлениям: 1) всеобъемлющее изучение вызовов со стороны Китая и выработка мер по реагированию на них; 2) укрепление партнерств НАТО в Азиатско-Тихоокеанском регионе; 3) изучение возможностей установления сотрудничества натовских стран с Китаем по отдельным вопросам [3].

Во-первых, в целях повышения осведомленности о стратегических целях Пекина и его планах действий американские эксперты рекомендуют расширить обмен разведанными между натовскими странами. Для повышения эффективности этих усилий авторы доклада предлагают создать сеть координационных центров по сбору и оценке информации о КНР в Международном секретариате и Штабе верховного главнокомандующего объединенными вооруженными силами НАТО в Европе.

Американские эксперты подчеркивают, что единая позиция в отношении вызовов со стороны КНР будет иметь решающее значение для обеспечения политической солидарности стран – членов альянса, необходимой для повышения эффективности и слаженности их действий на китайском направлении. Весомый вклад, по мнению Биннендийка и Гамильтона, в формирование такой позиции внесет подготовка Североатлантическим советом (высший руководящий орган НАТО) ежегодных обзоров по Китаю.

Авторы доклада также считают важным обеспечить единство и более глубокую координацию действий союзников на китайском направлении в экономической сфере. Особый акцент американские эксперты делают на необходимости препятствовать попаданию под контроль или в серьезную

зависимость от Китая (или других стран) критически важных для безопасности натовских стран инфраструктурных объектов, компаний и технологических цепочек. В этих целях Биннендийк и Гамильтон предлагают использовать предоставляемые 2-й статьей Североатлантического договора возможности по обеспечению экономического суверенитета натовских государств, например усиление проверки иностранных инвестиций, ужесточение контроля над экспортом технологий (в том числе двойного назначения) и др. [6; 7; *].

Американские эксперты говорят также о необходимости дальнейшего укрепления сотрудничества с Евросоюзом в вопросах экономической безопасности, в том числе создание механизмов НАТО – ЕС по установлению требований к защите критически важной инфраструктуры их членов и стандартов в отношении внешних инвестиций в эту сферу. Кроме того, по мнению авторов доклада, следует рассмотреть возможность более тесного сотрудничества с международными корпорациями для выявления альтернативных вариантов финансирования развития критически важной инфраструктуры, особенно новых стран-членов и партнеров. Следует отметить, что Биннендийк и Гамильтон открыто выступают за демонтаж соглашения Китая со странами Центральной и Восточной Европы «14+1».

Американские эксперты подчеркивают необходимость добиваться ограничения стратегического партнерства Китая с Россией [3]. Они предлагают найти стимулы и сдерживающие факторы, способные убедить китайское руководство в нецелесообразности развития и поддержания долгосрочного партнерства с Москвой, которое может сплотить трансатлантическое сообщество против Пекина. Авторы доклада предлагают активнее использовать дипломатические и информационно-пропагандистские инструменты для продвижения тезиса о якобы существующем глубоком расхождении в стратегических целях Москвы и Пекина, серьезной разнице в их статусе и реальном весе на международной арене, а также в отношении к

ним западных стран, которые рассматривают Россию как противника, а Китай – только как конкурента [9; 10].

В то же время американские эксперты в своем докладе заявляют о том, что для реализации положений Стратегической концепции НАТО в отношении КНР страны – члены альянса должны решительно противостоять якобы имеющимся со стороны Пекина попыткам подорвать существующий «международный порядок, основанный на правилах». Таким образом, в действительности Биннендийк и Гамильтон рассматривают Китай в качестве потенциального противника, против которого союзники должны активизировать совместные действия. В частности, авторы доклада предлагают изучить возможность прямого участия европейских государств – членов НАТО в операциях по обеспечению свободы судоходства в АТР, а также готовиться к осуществлению скоординированных ответных или превентивных операций против КНР в киберсфере.

При этом американские эксперты не исключают возможности дальнейшего обострения американо-китайских противоречий, которые могут привести к вооруженному столкновению между Вашингтоном и Пекином. В связи с этим авторы доклада считают необходимым для НАТО готовиться к подобному варианту развития событий. В этих целях они предлагают проводить стратегические игры с соответствующими антикитайскими сценариями на уровне Североатлантического совета. Авторы доклада полагают, что европейские союзники должны дать четко понять Китаю, что они не останутся в стороне в случае начала американо-китайского военного конфликта. При этом американские аналитики считают крайне важным, чтобы союзники активнее участвовали в выработке подходов к урегулированию тайваньского вопроса, в том числе препятствовали бы передаче КНР технологий, которые могут использоваться Пекином для наращивания своей военной мощи.

В долгосрочной перспективе, по мнению Биннендийка и Гамильтона, НАТО должна быть способна решить три главные задачи, от которых будет

напрямую зависеть эффективность ее политики на китайском направлении. К ним авторы доклада относят: поддержание уверенности союзников в том, что Соединенные Штаты могут адекватно выполнять свои обязательства как в Северной Атлантике, так и в Азиатско-Тихоокеанском регионе; обеспечение готовности европейских стран – членов альянса вооруженным путем противостоять России; направление в правильное русло европейских стремлений к большей стратегической автономии.

При этом авторы доклада рассматривают стратегическую автономию Европы в парадигме стратегической ответственности европейцев, которая предполагает наращивание ими своего военного потенциала, необходимого для обеспечения собственной безопасности [3]. То есть в случае одновременного начала вооруженных конфликтов с Китаем в АТР и Россией в Европе европейские члены НАТО, по мнению американских аналитиков, должны предоставить не менее половины сил и средств (включая стратегическую переброску, дозаправку, связь и разведку), необходимых для противостояния с Российской Федерацией. Кроме того, как считают эксперты Атлантического совета, европейцам следует взять на себя основную ответственность за урегулирование кризисов на южной периферии континента. Таким образом, Биннендийк и Гамильтон предлагают европейским союзникам США по НАТО разработать план усиления стратегической ответственности Европы для борьбы с мощным военным противником без расчета на значительные подкрепления со стороны американцев, которые могут быть одновременно вовлечены в вооруженный конфликт в АТР.

Во-вторых, в рамках реализации своих стратегических установок на китайском направлении Североатлантическому альянсу, по мнению американских экспертов, также важно развивать партнерские отношения со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (прежде всего с Японией, Республикой Корея, Австралией и Новой Зеландией). По их мнению, в целях повышения эффективности взаимодействия необходимо

институционализировать этот процесс путем создания совета (комиссии) НАТО – АТР, в рамках которого натовские страны и близкие региональные партнеры могли бы определять совместные мероприятия и обмениваться оценками вызовов безопасности, в том числе со стороны Китая.

Помимо этого, авторы доклада предлагают рассмотреть целесообразность наделения Японии, Республики Корея и Новой Зеландии статусом партнеров Североатлантического альянса с расширенными возможностями (который уже имеет Австралия) для упрощения процесса подготовки и проведения совместных военных учений, а также для обмена разведывательной информацией. Эксперты также высказывают идею о создании в государствах-партнерах Азиатско-тихоокеанского региона центров передового опыта, которые не входили бы напрямую в структуру альянса, но обеспечивали бы площадку для углубленного взаимодействия со странами региона в вопросах военной, технологической и экономической безопасности.

Особый акцент в развитии партнерства в АТР, по мнению американских экспертов, следует сделать на выстраивании специального диалога по отдельным вопросам с Индией, которая пока не проявляет интереса к глубокому партнерству с НАТО, но, как подчеркивают авторы, якобы разделяет некоторые опасения союзников в отношении действий и намерений Китая.

В-третьих, авторы доклада предлагают Североатлантическому альянсу действовать на китайском направлении более избирательно и осторожно, чем в отношении России. Они выступают за поддержание диалога натовских союзников с Пекином по некоторым вопросам. В рамках этого подхода Биннендийк и Гамильтон продвигают идею о необходимости создания совета НАТО – Китай с учетом позитивного и негативного опыта взаимодействия с Россией. По их мнению, ежегодные или полугодовые заседания в подобном формате на уровне Североатлантического совета будут способствовать развитию конструктивных взаимоотношений союзников с КНР, включая

вопросы определения потенциальных областей сотрудничества, таких как последствия изменения климата для безопасности и борьба с пандемиями.

Обращает на себя внимание тот факт, что в качестве одного из важных направлений натовско-китайского диалога американские эксперты выделяют договоренность о предотвращении инцидентов в воздухе и на море, предполагая, что в будущем вооруженные силы Китая и НАТО будут действовать в непосредственной близости друг от друга. В перспективе, по мнению авторов доклада, можно было бы начать совместно с китайской стороной обсуждать меры укрепления доверия и вопросы контроля над ядерными вооружениями.

Появление доклада ведущих американских экспертов позволяет сделать вывод о стремлении США и руководства Североатлантического альянса провести глубокую трансформацию политики НАТО, с тем чтобы она охватывала и азиатское направление. Следует отметить, что особое беспокойство у натовцев вызывает перспектива дальнейшего укрепления российско-китайских политических, экономических и военных связей, а также реализация усилий Москвы и Пекина по формированию альтернативного Западу проекта по поддержанию международного порядка. Об этом свидетельствует государственный визит председателя КНР Си Цзиньпина в Россию 20–22 марта 2023 года. В то же время предлагаемые западными аналитиками меры по активизации усилий Североатлантического альянса в АТР указывают на стремление американцев в условиях углубления российско-китайского сотрудничества продвигать для НАТО глобальную повестку дня с антироссийским и антикитайским акцентом.

Список источников и литературы

1. Актуальные проблемы реализации Целей устойчивого развития: теория и практика: коллективная монография. Дипломатическая академия МИД России. / под общ. ред. Мартиросян А.Ж., Шангараева Р.Н. - Москва, 2023 - 324 с.

2. *Карпович О.Г., Манойло А.В.* Политика многополярности: новые вызовы и угрозы. / Карпович О.Г., Манойло А.В. – М.: Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации. 2020. – 434 с. с.
3. *Hans Binnendijk, Daniel S. Hamilton* Implementing NATO's Strategic Concept on China // Atlantic Council of the United States. – URL: <https://policycommons.net/artifacts/3750032/implementing-natos-strategic-concept-on-china-by-hans-binnendijk-and-daniel-s/4555960/> (accessed: 15.11.2023).
4. NATO 2022 STRATEGIC CONCEPT / NATO 2022.
5. The Secretary General's Annual Report 2022 /NATO. – URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/opinions_212795.htm?selectedLocale=en (accessed: 14.11.2023).
6. *Карпович О.Г.* Цветная "революция зонтиков" в Гонконге: начало "китайской весны" // Национальная безопасность / Nota Bene. 2014. № 6 (35). С. 990-996.
7. *Карпович О.Г.* "Революция зонтиков" в Гонконге: признаки цветной революции // Политика и общество. 2015. № 4 (124). С. 543-548.
8. *Карпович О.Г., Шангараев Р.Н.* Влияние США и внешних факторов на экономическое развитие Китая // Вопросы региональной экономики. 2022. № 2 (51). С. 241-246.
9. *Карпович О.Г., Шангараев Р.Н.* Арктическая повестка Китая на современном этапе: вопросы взаимодействия старых и новых акторов // Вестник ученых-международников. 2022. № 2 (20). С. 12-33.
10. *Карпович О.Г., Шангараев Р.Н.* Основные приоритеты стратегии национальной обороны США – 2022 // Обозреватель. 2021. № 11 (382). С. 26-39.

Нафиков Ильсур Закирзянович,

кандидат исторических наук, доцент кафедры алтаистики, тюркских и центральноазиатских исследований Института международных отношений, ФГОУ ВПО Казанский (Приволжский) федеральный университет, ilsurnafikov@gmail.com

Isur Z. Nafikov,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Altaic, Turkic and Central Asian Studies, Institute of International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University, ilsurnafikov@gmail.com

Шангараев Руслан Насимович,

доктор политических наук, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры стратегических коммуникаций и государственного управления, Дипломатическая академия МИД России, shang143@mail.ru

Ruslan N. Shangaraev,

Doctor of Political Sciences, Ph.D. (Economic Sciences), Associate Professor, Department of Strategic Communications and Public Administration, Diplomatic Academy of Ministry of Foreign Affairs of Russia, shang143@mail.ru

БАЛКАНСКИЙ ВЕКТОР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ:

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РЕГИОНАЛЬНОЙ

ИНТЕГРАЦИИ

BALKAN VECTOR IN TURKEY'S FOREIGN POLICY: HISTORICAL BACKGROUND OF REGIONAL INTEGRATION

Аннотация: статья направлена на обобщение и анализ материалов по исследованию турецкой внешней политики в Балканском регионе. Современные внешнеполитические позиции Турции на Балканском полуострове устанавливались под влиянием различных исторических событий довольно долго и сложно. Переход от идеи глобального владения всем миром (Османская империя) к идее защиты национальных границ и достоинства государства (республиканский период) был вызван геополитическими реалиями и возникновением сфер влияния крупных мировых держав.

Ключевые слова: Турция, Балканский регион, Югославия, внешняя политика, дипломатия, этнокультурная общность.

Abstract: the article aimed to analyse the activity of Turkish foreign policy on the Balkans region within the cultural, ethnic and confessional identities of the former territories of Ottoman Empire. Modern foreign policy of Turkey for Balkan states are influenced by historical reasons. Transformation of the policy from the position of global states during Ottoman Empire to the protection of national interests of Turkey are related to geopolitical realities of states known as a «Great powers» in the region. At the same time Turkey as a NATO member realise the policy that includes the integration the Central Asian Republics of CIS to sphere of its social, political and economical field of interests.

Keywords: Republic of Turkiye, Balkan region, Yugoslavia, foreign policy, foreign policy, diplomacy, ethnic and cultural community.

Историко-политические предпосылки формирования балканского вектора во внешней политике Турецкой Республики

Внешнеполитическое взаимодействие Турции и стран Балканского полуострова включает сложный комплекс исторических событий. Первые свидетельства отношений между Турцией и Балканами относится к XIII–XIV векам, когда политика по расширению границ Османского государства началась с набегов на Балканский полуостров и в результате завершилась завоеванием большей части территорий. По итогам походов в 1396 году была завоевана Болгария, а в 1459 году – Сербия. Вместе с этим причина успешной завоевательной политики Османского государства кроется как в силе турецкой армии, так и во внутренних распрях балканских правителей. Вследствие этого межфеодальные и междоусобные войны ослабили государства, что, безусловно, было выгодно Османской империи [4]. В результате политики Османской империи господство турок на Балканах не только усилило классовые противостояния, которые и так были присущи феодальному обществу, но и породило противоречия религиозного характера: турецкая

экспансия обострила отношения между мусульманами и христианами. В начальный период на полуострове действовали законы, которые не позволяли христианам поступать на службу в государственные учреждения, пользоваться оружием [13]. При этом на Балканах православная церковь имела довольно серьезное политическое и экономическое влияние, а распространение османами ислама как государственной религии стало причиной подрыва прежней репутации церкви. Стоит также отметить, что православные церкви, расположенные в Болгарии и Сербии, были лишены автономности. Православное население Балканского полуострова было передано в ведение греческой патриархии в Константинополе. Лишь в 1557 году сербскому духовенству удалось добиться восстановления патриархии в Пече. В нее вошла православная церковь Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины, Северной Македонии и Западной Болгарии. В рамках реализации политики по усилению влияния в регионе Османское государство стало заселять Балканы турками-кочевниками из Малой Азии, которые селились в стратегически важных районах, вытесняя при этом местных жителей. В то же время османы продолжали процесс исламизации населения на захваченных территориях Балканского полуострова. В результате этого для многих народов и этнических групп немусульманского вероисповедания принятие ислама было единственным способом получить свободу, так как согласно исламскому праву мусульмане не могут быть рабами [14]. Вследствие реализуемой политики по обращению в ислам юношей в Османской империи формировали янычарский корпус, который выступал гвардией султана.

В процессе интеграции Османского государства в немусульманское духовно-культурное пространство турки-османы стремились распространить не только правовые нормы, но и турецкий язык, свои культуру, обычаи и традиции. В результате этого многие представители народов и этнических групп со временем стали занимать высокие должности в правительстве Османского государства. Одним из примеров является карьера серба Байо

Ненадича, которого в 14-летнем возрасте забрали из семьи. После принятия ислама он получил имя Соколлу Мехмет паша и стал успешно продвигаться по службе: сначала сражался в корпусе янычар, затем служил начальником придворной стражи, а вскоре занял пост великого визиря и фактически управлял страной [12]. Оценивая политическую ситуацию на Балканском полуострове, стоит отметить, что народы Балкан продолжали бороться за свою независимость и сохранение этноконфессиональной идентичности. Свидетельством тому могут служить неоднократные народные восстания, например, в 1875–1876 годах в Боснии, Герцеговине и Болгарии [18].

Вторая половина XIX века в истории Османского государства поставила вопрос о нахождении балканских государств под влиянием и контролем османов особенно остро. Военные столкновения Российской империи и Османского государства все активнее поднимали вопрос о независимости народов Балканского региона. В результате русско-турецких войн и Сан-Стефанского мирного договора образуются независимые государства – Греция (1821 год), Румыния (1877 год), Сербия (1878 год). Покровительство и поддержка славянских народов со стороны Российской империи привели к образованию военно-политического блока Сербии, Болгарии, Черногории и Греции, в котором Российская империя становилась арбитром для дальнейшего расширения границ и окончательного избавления от всестороннего влияния Османского государства на Балканском полуострове.

В 1912 году страны Балканского союза начали войну против Турции, которая вошла в историю под названием Первая Балканская война и длилась несколько месяцев. Данное противостояние окончилось заключением Лондонского мирного договора в 1913 году, в котором констатировалось «изгнание» Османской империи из Юго-Восточной Европы. Государство потеряло практически все свои европейские владения (за исключением Стамбула и небольшой части Восточной Фракии). Земли, которые ранее принадлежали Турции, были разделены между Грецией, Сербией и Болгарией.

Потеря Турцией балканских территорий не решила накапливавшиеся десятилетиями территориальные, политические и этноконфессиональные вопросы. Существовавшая на Балканах расстановка сил, по мнению ряда исследователей, являлась временной конфигурацией.[1].

Противоречия между членами Балканского союза относительно поделенных территорий стали усиливаться и привели к вооруженному конфликту – Второй Балканской войне (Межсоюзнической войне), которая длилась месяц (29 июня – 29 июля 1913 года). Предметом конфликта стал раздел Македонии между Болгарией с одной стороны и Черногорией, Сербией и Грецией – с другой, а также подключившимися к военным действиям против Болгарии Османской империей и Румынией. Принято считать, что война была развязана дипломатами Австро-Венгрии и Германской империи, целями которых были разрушение Балканского союза и притязания на земли полуострова [7]. Кроме того, к концу XIX века на политической арене возникла так называемая всеевропейская гонка вооружений, что приближало начало общеевропейской войны. Российская империя выступала противником Германии и Австро-Венгрии, а Балканский союз, нарастивший свою мощь в довольно короткий срок, был союзником России. Такого союзничества опасалась в том числе и Турция, которая продолжала желать господства на Балканах.

По итогам Второй Балканской войны был заключен Бухарестский мирный договор, в подписании которого Турция не участвовала, хотя и была в числе победителей. Позже был подписан Константинопольский мирный договор между Болгарией и Османской империей, который завершил Вторую Балканскую войну между этими странами. Нарушив Лондонский мирный договор, Турция овладела частью Восточной Фракии с Андрианополем (Эдирне). За Болгарией же оставались часть Западной Фракии с Дедеагачем (Александрополисом) и Порто-Лагос на берегу Эгейского моря [10]. Таким образом, накануне Первой мировой войны Турция установила мирные отношения с Болгарией.

Отношения Турции с балканскими государствами формировались весьма неоднозначно, поскольку в XIV веке Балканский полуостров был завоеван Османским государством, власти которого стремились искоренить балканские народности и установить контроль над всей территорией полуострова. В результате многолетнего господства турок на Балканском полуострове этноконфессиональный состав населения претерпел значительные изменения. Образовалась полиэтническая среда, представленная турками, татарами, цыганами, болгарами. В результате завоевания господствующее положение занял ислам, тогда как основная масса болгарского христианского населения была отодвинута на второй план и отстранена от участия в общественно-политической жизни. Противостояние народов стран Балканского полуострова и Турции оказывали и продолжают оказывать существенное влияние на внешнеполитические отношения государств, которое будет подробнее нами рассмотрено в следующих разделах исследования.

Формирование региональной политики Турции на Балканах в конце XIX – первой половине XX века

Вопрос установления положения Турции и стран Балканского полуострова в период Первой и Второй мировых войн, а также на послевоенном этапе имеет важное значение в определении внешнеполитического курса Турецкой Республики. Перед началом Первой мировой войны перед Турцией стоял ряд задач, решение которых непосредственно влияло на дальнейшее существование государства в целом. Р.Р. Субаев выделяет среди них вступление в союз с какой-либо ведущей мировой державой ввиду активного «расчленения» Турции; получение на европейском финансовом рынке крупного денежного займа в целях преодоления материальной зависимости. Например, на момент начала Первой мировой войны Османская империя находилась на грани банкротства, была необходимость дальнейшего активного внутреннего реформирования и

модернизации страны после перерыва, вызванного политическими кризисами 1911–1912 годов и Балканскими войнами [16].

Стоит отметить, что решению внутренних противоречий и внешнеполитических задач Турция посвятила всю первую половину 1914 года. Так, властями были предприняты попытки заключить в Европе (Франция, Германия, Англия) финансовый заем, однако Берлин и Лондон отказали заемщику ввиду отсутствия денежных средств, а Париж предложил Турции довольно унизительные размеры займа на условиях, означающих финансовую опеку [11].

После прогремевших Балканских войн Турция задумалась всерьез над союзничеством с Германией, поскольку именно в ней Турция видела страну, способную помочь ей вернуть потерянные территории. По этой причине Турция присоединилась к Центральным державам.

Следует сказать, что для Турции участие в Первой мировой войне не предвещало позитивных исходов – будь то участие на стороне Германии или на стороне Балкан. Разделение страны и потеря государственной автономии были неизбежны для Османской империи. Однако немецкие дипломаты убедили Турцию, что их стремления направлены исключительно на сохранение ее территориальной целостности. Несмотря на серьезную финансовую зависимость Турции от Англии и Франции, турецкие власти все же выбрали сотрудничество с Берлином.

В 1913 году немцы отправили в Стамбул миссию во главе с генералом Лиманом фон Сандерсом, где был подписан секретный германо-турецкий договор о сотрудничестве между государствами, что в конечном итоге привело к вступлению Османской империи в Первую мировую войну. Тем не менее сразу после подписания договора Турция заявила о нейтралитете относительно войны, одновременно объявив всеобщую мобилизацию из соображений так называемой предосторожности. В опубликованных впоследствии мемуарах морской министр Турции Джемаль Паша писал: «Мы объявили себя нейтральными только для того, чтобы выиграть время; мы

ждали момента, когда наша мобилизация закончится и мы сможем принять участие в войне» [21].

Турецкая армия после Триполитанской и Балканских войн серьезно пострадала: отсутствовали вооружение и боеприпасы, требовались человеческие ресурсы. Однако турецкое командование армией, не взирая на это, стремилось как можно скорее вступить в военный конфликт, и поэтому была начата активная военная подготовка. Это стало причиной того, что Турция вступила в Первую мировую войну позже, чем остальные страны.

Еще одним важным вопросом для Турции в начале XX века была перспектива урегулирования греко-турецкого конфликта из-за Эгейских островов, захват которых Грецией не признавался Турцией. Для разрешения данного вопроса Турция стремилась усилить флот, а также заключить союз или договор о нейтралитете с Болгарией. Таким образом, проблема разрешения греко-турецкого конфликта была тесно связана с турецко-болгарским союзом.

19 августа 1914 года, за несколько месяцев до вступления Турции в Первую мировую войну, между Болгарией и Османской империей было заключено соглашение о военном альянсе, которое по своей сути носило больше оборонительный характер. Так, договор обязывал вступать одну из сторон в войну исключительно в том случае, если другая сторона подвергнется нападению иного балканского государства. Кроме того, обе страны договорились не осуществлять нападение на какую-либо из стран Балканского полуострова без предварительного совещания друг с другом. Стоит отметить, что договор носил секретный характер и о нем не было известно Германии вплоть до декабря 1914 года.

Болгария, в свою очередь, вступила в Первую мировую войну уже в сентябре 1915 года, после подписания Софийской конвенции. Данный документ также представляет интерес для настоящего исследования, поскольку он был подписан Турцией по настоянию Германии, которая желала видеть Болгарию на своей стороне в войне. При этом Германия вынудила

Турцию передать Болгарии значительную часть своей территории [3]. В дальнейшем Турция сражалась вместе с болгарскими войсками на Балканском полуострове, в том числе против сербских, черногорских, греческих, французских войск. Таким образом, идея создания единого государства южных славян (будущая Югославия) была разрушена Турцией с подачи Германии.

Окончание Первой мировой войны фактически положило конец существованию одной из величайших империй в истории человечества – Османской империи. 10 августа 1920 года странами Антанты был подписан Севрский мирный договор, по которому в составе турецкого государства должна была остаться лишь малая часть от прежней огромной территории. Однако Великое национальное собрание Турции отказалось ратифицировать данный договор, и под влиянием народных волнений в 1923 году был подписан новый договор (Лозаннский), который провозглашал мир между Турцией и странами Антанты, а также устанавливал новые границы турецкого государства с учетом возвращенных территорий после Севрского мирного договора.

Далее в отношениях Турции и стран Балканского полуострова наступил так называемый межвоенный период, который характеризовался весьма медленными темпами установления дипломатических отношений между государствами. В частности, это коснулось взаимоотношений Турции с Югославией, которая не желала унаследовать часть турецкого долга и поэтому отказалась подписывать Севрский договор. Тем не менее в апреле 1924 года Югославия все же приняла свою долю турецкого долга в размере 5,25% [22].

Итоги Первой мировой войны заставили страны Балканского полуострова вновь задуматься об идее создания балканского единства. Если в период гнета Османской империи идея так называемого братства южных славян состояла в изгнании иноземных захватчиков, то в послевоенный период первостепенной задачей союза стало противодействие любому вмешательству во внутренние дела как всего региона, так и отдельных стран [9]. Кроме того,

в мировом сообществе также начались активные тенденции сближения государств, что не могло не повлиять на решение стран Балканского полуострова объединиться.

Так, Турция, Греция, Румыния, Югославия в 1934 году заключили военно-политический союз под названием «Балканская Антанта» (Балканский пакт). Он был направлен на сохранение равновесия сил на Балканах в рамках Версальской системы. Можно выделить ряд факторов, повлиявших на образование Антанты: угроза со стороны Германии и Италии и их усиление на Балканах; стремление Франции укрепить свои позиции в Европе путем расширения системы военных блоков, рост революционного движения, вызванный экономическим кризисом 1929–1934 годов, и стремление подавить его совместными усилиями.

В переговорах по вопросу создания Балканской Антанты в том числе принимали участие Албания и Болгария, которые отказались подписать документ. Такой отказ, по всей видимости, был мотивирован тем, что на тот момент Болгария и Албания находились в сфере влияния Германии и Италии, что исключало их вступление в предлагаемый союз.

Таким образом, образование Балканской Антанты преследовало ряд целей: взаимопомощь стран – членов союза в случае вторжения Болгарии или Албании (не являлись членами Балканской Антанты); соглашение о взаимном ненападении и обязательство прийти на помощь стране – члену союза, если стране будет угрожать нападение какого-либо европейского государства [2].

Взаимопомощь членов Балканской Антанты не распространялась на оборону азиатских границ Турции. При заключении этого договора Турция вставила специальную оговорку, что соглашение не направлено против СССР. Стоит отметить, что подписание Балканского пакта было доброжелательно встречено в Турции, однако ряд турецких политических деятелей считали, что страна взяла на себя больше обязательств, чем ее партнеры по пакту и добилась меньших успехов в обеспечении своей безопасности.

Несмотря на довольно перспективную идею объединения балканских государств, участникам Балканской Антанты все-таки не удалось избежать противоречий внутри союза, что, безусловно, совпадало с интересами Италии и Германии, которые стремились укрепить свои позиции на Балканском полуострове перед началом Второй мировой войны. Страны пакта окружили Болгарию, но 31 июля 1938 года они подписали с ней соглашение в Салониках, отменяя те пункты Лозаннского договора и договора Нейи-сюр-Сен, которые обязывали удерживать демилитаризованные зоны на греко-болгарской и турецко-болгарской границах. Это позволило Болгарии не только перевооружиться, но и в последующем напасть на Грецию. В Югославию вторглись итальянцы и немцы, Румыния стала активным сателлитом Германии, а Албанию оккупировала Италия. Таким образом, военно-политический альянс «Балканская Антанта» перестал существовать с началом Второй мировой войны в 1939 году.

После окончания Второй мировой войны отношения Турции и стран Балканского полуострова развиваются по пути совместного сотрудничества против советской экспансии на Балканах. Такой тенденции предшествовал разрыв отношений Югославии и СССР (раскол Тито – Сталина) и возникновение опасений Югославии по поводу советского вторжения [16].

В 1953 году между Грецией, Турцией и Югославией был подписан Балканский пакт, который предусматривал в конечном итоге создание совместного военного штаба трех стран. Стоит отметить, что на момент заключения пакта Греция и Турция являлись действующими членами НАТО, а Югославия, в свою очередь, – неприсоединившимся коммунистическим государством. Тем не менее Балканский пакт позволил Югославии косвенно присоединиться к Североатлантическому альянсу. В дальнейшем советско-югославские отношения перешли в разряд двусторонних, но все же были сдержанными. Югославия косвенно входила в блок НАТО, деятельность которого была направлена на противостояние советскому влиянию. При этом вплоть до нападения НАТО на Югославию Турция стремилась избежать

враждебных отношений с Югославией и настаивала на присоединение последней к антисоветскому альянсу. Однако впоследствии Турция присоединилась к бомбардировкам Югославии армией НАТО в 1999 году.

Таким образом, подводя итоги данному разделу исследования, следует отметить, что Первая и Вторая мировые войны в значительной степени изменили вектор отношений между Турцией и странами Балканского полуострова. В период Первой мировой войны продолжилось противостояние между рассматриваемыми державами, за исключением Болгарии, которая сражалась в войне вместе с Турцией на стороне Германии.

Тенденции к объединению южных славян продолжали быть актуальными и в период Первой мировой войны, а после ее окончания и назревания нового мирового конфликта встал вопрос об объединении всех стран Балканского полуострова с целью обороны и политического взаимодействия. Итак, перед началом Второй мировой войны произошла попытка наладить отношения между Турцией и Балканскими странами посредством заключения Балканского пакта, который, однако, оказался слабым союзом и, не выполнив своих задач, перестал существовать с началом Второй мировой войны.

Период холодной войны ненадолго объединил Турцию и Балканы, в частности Югославию: входящие в нее страны когда-то были под экспансией Османской империи.

Если рассматривать балканский вектор современной внешней политики Турции, то необходимо обратить внимание на ряд факторов.

Турция ввиду объективных исторических причин всегда имела определенное влияние на Балканский регион – политическое, экономическое, культурное и т.д. На современном этапе наметилась тенденция к его росту. С начала 2020-х годов президент Турции Р. Эрдоган уже несколько раз совершал официальные визиты в страны региона, в ходе которых звучали весьма ясные послы, целью которых было обозначить полноценное возвращение Турции

на Балканы, где у каждого актора свои стратегические интересы, которые пересекаются между собой, сталкиваясь друг с другом [17].

Однако запрос балканских стран на политическое сближение с Турцией действительно присутствует. В этой связи Анкаре придется использовать особенность османской дипломатии – лавировать между стратегическими интересами глобальных игроков, продвигая собственную внешнеполитическую линию в регионе [17].

Прежде всего для Анкары представляют интерес Западные Балканы. Стоит отметить, что у Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины, Албании, частично признанного, самопровозглашенного Косово и др. существуют экзистенциальные проблемы с членством в ЕС, что в данном вопросе объединяет их позиции с Турцией. Вместе с тем все они не против развития отношений и с западными акторами, в частности с турецкой стороной.

Примером служит заявление премьер-министра Черногории Д. Абазовича, которое он сделал 25 июня 2023 года в Стамбуле в рамках программы «Будущие лидеры». В интервью турецкому государственному информационному агентству Anadolu он заявил, что Турция стала «ключевой страной» на Западных Балканах и регион остро нуждается в посредничестве таких лидеров, как Р. Эрдоган, способных привести в него необходимую стабильность. Однако черногорский кейс по сближению с Турцией не единственный на Балканах. По его словам, президент Реджеп Тайип Эрдоган «тот, кто может убедить стороны конфликта на Балканах сесть за стол переговоров и найти устойчивые решения проблем в регионе» [20].

Белград дорожит прочными и растущими связями с Анкарой. У президентов Александра Вучича и Реджепа Тайипа Эрдогана за последние годы сложились тесные и доверительные отношения. Эрдоган был с госвизитом в Сербию в 2019 году, Вучич посещал Турцию в 2022 году. С 2017 года действует взаимная Декларация об учреждении Высшего совета по сотрудничеству. Анкара активно работает на Балканах. Турция находится в двадцатке самых активных инвесторов в экономику Сербии: банки, дороги,

инфраструктура, строительство, создание новых рабочих мест. Благодаря Турции Сербия получает российский газ, самый дешевый в Европе [20].

Что касается Боснии и Герцеговины, то, конечно, именно мусульманская часть страны имеет наиболее развитые и теплые отношения с Турцией и ее руководством. Продолжая тему важности личных взаимоотношений, стоит отметить, что в августе 2021 года Р. Эрдоган получил приглашение и выступил свидетелем на свадьбе дочери лидера боснийских мусульман Бакира Изетбеговича в Сараево, где ему был оказан самый теплый прием.

Также на современном этапе происходит сближение по ряду вопросов между Анкарой и Подгорицей. Импульсом к этому процессу послужил первый официальный визит Р. Эрдогана в Черногорию в августе 2021 года и его встреча с президентом Черногории М. Джукановичем. Стороны выразили готовность к укреплению сотрудничества и развитию двусторонних отношений. Так, активно развиваются торговые связи и экономическое сотрудничество, происходит политическое посредничество Турции в конфликтных зонах региона, соседствующих с Черногорией (Косово, Босния и Герцеговина).

27 июня 2023 года министр иностранных дел Турции Хакан Фидан торжественно открыл черногорско-турецкую торговую палату в Подгорице (столице Черногории), отметив при этом исторически высокий уровень политических, экономических и культурных связей между странами. Из заявлений Хакана Фидана также следует, что общий объем инвестиций Турции в экономику Черногории составляет 344 миллиона евро, что делает Турцию лидером по объему прямых иностранных инвестиций в стране. Он также подчеркнул, что объем двусторонней торговли превысил 200 миллионов долларов в прошлом году и выразил надежду на достижение целевого объема в 250 миллионов долларов к концу текущего года. Турецкий министр сообщил, что Turkish Airlines (THY) увеличит число еженедельных рейсов в Черногорию с 14 до 17, перевозя более 100 тысяч туристов из разных стран [19].

Стоит отметить, что Анкара официально признает независимость Косово и поддерживает албанское население. 3 июня 2023 года, после начала обострения обстановки в регионе, Турция по запросу командования союзных объединенных сил НАТО направила в Косово батальон сил спецназначения [23].

В заключение можно констатировать, что на современном этапе Турция активизировала свою внешнюю политику на Западных Балканах. В основе данной активизации связей преимущественно лежат стратегические интересы во внешней политике и прагматизм Турции под лидерством Р.Т. Эрдогана, а также стремление закрепить свое геополитическое присутствие в регионе. В свою очередь, западно-балканские страны стремятся развивать прежде всего экономическую составляющую двусторонних связей, тем самым расширяя политическое сотрудничество.

Список источников и литературы

1. *Агансон О.И.* Балканы накануне Первой мировой войны: на пути к новому балансу сил // Новая и новейшая история. 2014. №4. С.18.
2. Балканская Антанта // Дипломатический словарь / под ред. А. Я. Вышинского, С.А. Лозовского. – Москва: Гос. изд-во полит. лит. – 1948. – С. 856.
3. Болгаро-турецкий договор 1915 г. // Российская историческая энциклопедия (под ред. А.О. Чубарьян) – Режим доступа: <http://doc20vek.ru/node/3664> (дата обращения: 22.04.2022).
4. *Брандес М.Э.* Проблемы формирования национальной идентичности балканских мусульман: история и современность // Политическая наука. №4. 2002. С. 147.
5. Возвращение Турции на Балканы // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozvrashchenie-turtsiina-balkany/>

6. *Городецкая Н. Б.* Начало идеологического раскола в социалистической Югославии (первая половина 1960-х гг.) // Славянский мир: общность и многообразие. 2018. №1. С.116.
7. *Григорьева А. А.* Внешняя политика Австро-Венгрии на Балканах и панславизм (60-е гг. XIX - начало XX в.) // Вестник ИрГТУ. 2011. №7 (54). С.8.
8. *Гусевская Н.Ю.* Великий Шелковый путь: история и современность // НАУ. 2015. №7-3 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/velikiy-shelkovyy-put-istoriya-i-sovremennost> (дата обращения: 11.04.2022).
9. Европа между миром и войной (под ред. А.О. Чубарьян) — М.: Наука, — 1992. — С. 115.
10. Константинопольские договоры // Дипломатический словарь / под ред. А. Я. Вышинского, С.А. Лозовского. – Москва: Гос. изд-во полит. лит. – 1948. – С.856.
11. *Михайлов В. В.* Экономическое положение Османской империи перед началом и во время первой мировой войны и мероприятия России и Великобритании по ослаблению турецкой экономики // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2007. №4. С.197.
12. *Рыжов В.А.* Османский период в истории Сербии [Электронный ресурс] / В.А. Рыжов. – Режим доступа: <https://topwar.ru/177641-osmanskij-period-v-istorii-serbii.html> (дата обращения: 15.04.2022).
13. *Свистунова И. А.* Балканская политика Турции: роль этноконфессиональных меньшинств // Современная Европа. 2020. №4. С.62
14. *Сквозников А. Н.* Правовое положение немусульманских подданных в Османской империи в XVI-XIX вв. // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2015. №1-2 (17). С.6.
15. Сотрудничество с Турцией очень важно для крохотной Сербии // https://www.pravda.ru/world/1789549-serbija_i_turcija_kakie_perspektivy/ (дата обращения: 22.12.2023)

16. *Субаев Р.Р.* Вступление Турции в Первую мировую войну // Славянский альманах. 2014. №1-2. С.144.
17. Турция занимает первое место по объему инвестиций в Черногорию – Фидан // <https://www.trend.az/world/turkey/3766719.html> (дата обращения: 22.04.2022)
18. *Форбс Н.* История Балкан. Болгария, Сербия, Греция, Румыния, Турция от становления до Первой мировой войны / Н. Форбс. – Центрполиграф. – 2018. - С. 154. (319)
19. Черногория назвала «ключевую страну» на Западных Балканах // <https://eadaily.com/ru/news/2023/06/25/chernogoriya-nazvala-klyuchevuyu-stranu-na-zapadnyh-balkanah> (дата обращения: 22.12.2023)
20. *Шангараев Р.Н.* Идеологические аспекты внешней политики Турции // Обозреватель. 2017. № 11 (334). С. 73-82
21. CemalPaşa // TDV İslâm Ansiklopedisi [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://islamansiklopedisi.org.tr/cemal-pasa> (дата обращения: 22.04.2022).
22. Mehmedin Tahirovic. Relations between Turkey and the Balkan Countries as in a Function of Improving the Regional Peace and Stability, Volume 4. 2014. P.60
23. NATO reinforcements start arriving in Kosovo // https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_215365.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 22.04.2022).

Агуреев Станислав Александрович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений,
Дипломатическая академия МИД России,
stas.agureev@mail.ru

Болтаевский Андрей Андреевич,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
гуманитарных дисциплин,
Российский университет кооперации,
boltaev83@mail.ru

Шангараев Руслан Насимович,
доктор политических наук, кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры стратегических коммуникаций и государственного
управления, Дипломатическая академия МИД России,
shang143@mail.ru

Stanislav A. Agureev,
PhD (History), Associate Professor of Department of International Relations,
Diplomatic Academy of Ministry of Foreign Affairs of Russia,
stas.agureev@mail.ru

Andrey A. Boltaevsky,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of Department of Humanities,
Russian University of Cooperation,
boltaev83@mail.ru

Ruslan N. Shangaraev,
Doctor of Political Sciences, PhD (Economic Sciences), Associate Professor,
Associate Professor of Department of
Strategic Communications and Public Administration,
Diplomatic Academy of Ministry of Foreign Affairs of Russia,
shang143@mail.ru

К ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В ГВИАНСКОМ РЕГИОНЕ TO THE HISTORY OF TERRITORIAL CONFLICTS IN THE GUIANA REGION

Аннотация: статья посвящена особенностям и специфике урегулирования современных территориальных споров в странах Латинской Америки. Авторы дают исторический анализ причин возникновения территориальных конфликтов в Гвианском регионе. Следует отметить, что данная тема получила недостаточное освещение в российской историографии,

а ее исследование требует учета этнических и политических факторов, присущих данному региону. В современных условиях снятие напряженности в Гвианском регионе возможно только с учетом интересов всех заинтересованных стран и при широком участии в урегулировании территориальных споров международных организаций.

Ключевые слова: территориальные споры, Гвианский регион, история Гвианы.

Abstract: the article is devoted to the peculiarities and specifics of the settlement of modern territorial disputes in Latin America. The authors provide a historical analysis of the causes of territorial conflicts in the Guiana region. It should be noted that this topic has received insufficient coverage in Russian historiography, and its study requires taking into account ethnic and political factors inherent in this region. In modern conditions, the removal of tension in the Guiana region is possible only taking into account the interests of all interested countries and with the broad participation of international organizations in the settlement of territorial disputes.

Keywords: territorial disputes, Guiana region, history of Guiana.

Территориальные споры между государствами – явление не новое, а уходящее корнями в глубокую древность. Но если длительное время приграничные столкновения и дипломатические изыскания обуславливались претензиями на *землю* как таковую, то в XIX веке к ним добавились историко-культурные, этнические и конфессиональные связи, а в XX веке на первый план вышли ресурсные споры. По мере расширения процессов деколонизации пограничные споры в Латинской Америке, Азии и Африке стали, по меткому определению В.П. Сударева, «фамильной» чертой международных отношений [11, с. 49]. Прежде всего это было обусловлено проведением границ по географическим объектам (озерам, рекам), а применимо к латиноамериканским владениям кастильской короны еще и размытыми границами между вице-королевствами, капитанствами и т.д. На рубеже XX–XXI веков центростремительные силы привели к формированию таких

влиятельных групп, как Западноафриканский экономический и валютный союз (ЗАЭВС), Сообщество развития стран Южной Африки (САДК), Восточноафриканское сообщество (ВАС), Союз южноамериканских наций (UNASUR), Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна (CELAC), Карибское сообщество (CARICOM), но это лишь сгладило территориальные споры, но не побороло их причины.

В отечественной историографии достаточно подробно освещена общая проблематика территориальных споров в Латинской Америке, в частности в работах В.П. Сударева, С.Н. Добронравиной, Е.Н. Пашенцева, Я.И. Страшко [11; 5; 8; 10]. Среди наиболее известных пограничных противоречий на континенте укажем на гватемало-белизское, чилийско-боливийское, аргентино-британское. Есть и, напротив, практически неизвестные в нашей стране, например конфликт 1969 года между Аргентиной и Уругваем за право на добычу полезных ископаемых в Рио де Ла-Плата [23, p.164]. Полное разрешение этих конфликтов вряд ли возможно в обозримой перспективе.

Таблица 1

Территориальные конфликты в Латинской Америке (составлено по: 15, 29)

Регион	Участники	Статус
Гондурасо-сальвадорский	Гондурас, Сальвадор	действующий
Гватемало-белизский	Гватемала, Белиз, Великобритания	действующий
Острова Сан-Андрес	Никарагуа, Колумбия	действующий
Венесуэльский залив	Венесуэла, Колумбия	действующий
Эссекибо	Венесуэла, Гайана	действующий
Район Нью-Ривер	Гайана, Суринам	действующий
Район реки Лавы	Суринам, Французская Гвиана	действующий
Штат Амапа	Бразилия, Французская Гвиана	урегулированный
Чако	Парагвай, Чили, Боливия	действующий
Фолкленд/Мальвинские	Аргентина, Великобритания	действующий
Трапедии Летисии	Перу, Колумбия	урегулированный
Северные Анды	Перу, Эквадор	урегулированный

Гвианский треугольник (Венесуэльская Гуаяна, Гайана, Суринам, Французская Гвиана, бразильский штат Амапа) является уникальным образованием в Южной Америке. Его своеобразие обусловлено целым рядом причин, но в первую очередь это своеобразная изоляция региона. К слову, прототипом «Затерянного мира» А. Конан Дойла стало плато Рорайма, расположенное на Гвианском нагорье. Бесконечные джунгли и свирепствующая малярия не могли не осложнить колонизацию Гвианского треугольника, оставленного испанцами без внимания, несмотря на то, что еще У. Рэли искал в этом районе легендарное золото Эльдорадо. Труднодоступность региона привела к любопытному феномену «лесных негров» (бежавшие с плантаций невольники сохранили свою этническую общность бушнегров, которая сегодня насчитывает не менее 50 тыс. человек), а также к появлению своеобразной категории каторжан, сосланных за политические преступления французскими властями как Первой республики, так и Второй империи. Примечательно, что данный почин был подхвачен и Третьей республикой, а самым известным узником гвианской каторги был А. Дрейфус.

Территориальные конфликты в Гвианском регионе известны значительно меньше, чем в остальной части Южной Америки, однако их изучение определяется интересами России, в том числе к месторождениям бокситов в Суринаме (еще в 1980-е годы Советский Союз планировал наладить импорт бокситов и экспорт в страну автомобилей Lada [2]).

Несмотря на то что первые поселения на территории Гвианы создали англичане, именно голландцы добились экономического успеха, развив широкую сеть плантационного земледелия, основанного на принудительном труде африканских невольников. Ценность сахарного тростника побудила голландцев отдать англичанам по условиям Бредского мира 1667 года Новый Амстердам (Нью-Йорк) в обмен на Суринам. На пике экономического процветания плантационного хозяйства в 1770-е годы только голландский

Суринам поставлял в Европу свыше 15 млн фунтов сахарного тростника [26, р. 26].

На протяжении XVIII века сформировались три голландские колонии Эссекибо-Демерара, Бербис и Суринам, границы которых выстраивались по мере расширения территорий каждой из них. Все три колонии виделись голландцами не только как место торговли с Испанской Америкой, но и как вызов кастильским притязаниям на Новый Свет [30, р. 66]. Необходимость единения сил привела к масштабным попыткам сблизить границы колоний, что в конечном итоге создало проблему их разграничения. Слабая изученность дальних джунглей препятствовала и демаркации границ с испанскими владениями.

Гайано-венесуэльский территориальный спор

При создании генерал-капитанства Венесуэла ее границей с голландскими поселениями была определена река Эссекибо [28, р. 175]. Впрочем, американский историк А.Б. Томас считает, что «между испанской колонией и Гвианой не было установлено никакой определенной границы» [12, с. 470]. Справедливость его слов подтверждают имеющиеся факты того, что беглые рабы из голландских колоний признавали естественным рубежом с Венесуэлой реку Ориноко, стремясь пересечь ее для того, чтобы попасть в более сносные условия [17]. Известно, что именно голландский колониальный этос обуславливал самые жесткие требования к невольникам, которых помимо прочего не обращали в христианство, а также фактически накладывали запрет на использование в рабском быте голландского языка: «Если пригрозить негру, что продашь его голландцу, – он испытает настоящий страх» [6, с. 272; 1; 14].

На рубеже XVIII–XIX веков в ходе наполеоновских войн голландские колонии были захвачены англичанами. Согласно условиям Лондонского договора 1814 года, Эскебибо-Демерара и Бербис остались за британской короной, а Суринам был возвращен голландцам (такое положение определялось тем, что англичане сохранили за собой те территории, которые

заняли до Амьенского мира 1802 года). В 1831 году Великобритания завершила процесс объединения новых колоний в Британскую Гвиану. Английские золотоискатели и торговцы продолжали натиск на запад, стремясь основать свои торговые фактории за рекой Эссекибо.

В 1830–1840 годах британский натуралист немецкого происхождения Р. Шомбургк в ходе исследовательских миссий обозначил на карте новую границу между британскими владениями и Венесуэлой по линии от плато Рорайма до Атлантического океана. Несмотря на протесты венесуэльского правительства, в 1886 году королевским декретом граница была отодвинута еще западнее от линии Шомбургка. Выступая в 1962 году в ООН, министр иностранных дел Венесуэлы М. Фалькон Брисено отмечал, что за XIX век территория Британской Гвианы увеличилась за счет своего западного соседа более чем в 5 раз [20]. Венесуэла несколько раз обращалась за помощью к США, указывая на доктрину Монро, но Парижский арбитраж 1899 года провел границу по линии Шомбургка, фактически став на сторону той державы, во владениях которой никогда не заходило солнце. В составе комиссии были англичане и американцы под председательством русского профессора Ф.Ф. Мартенса, при этом именно американцы должны были отстаивать интересы Венесуэлы. В раздираемой гражданской войной Венесуэле не нашлось в тот момент сил, которые могли бы опротестовать решение арбитража.

Уже после Второй мировой войны территориальный спор возобновился. Это совпало как с общим антиколониальным духом времени, так и с публикацией в американском журнале так называемого меморандума адвоката С. Мале Прево, который присутствовал на Парижском арбитраже в качестве советника при американской миссии [27]. Венесуэльские дипломаты трактовали текст меморандума как некий сговор американской и английской делегаций на Парижском арбитраже. В это же время пришла достоверная информация о богатых полезных ископаемых на территории Эссекибо, в том числе месторождений нефти.

Венесуэльское правительство на протяжении 1950–1960-х годов последовательно выступало с притязаниями на спорную территорию. В середине 1960-х годов при президентстве Рауля Леони были изданы карты, на которых территория Эссекибо обозначалась как венесуэльская. В дальнейшем подобные карты были массово продублированы на почтовых марках [7, с. 235]. В свою очередь, все правительства как Британской, так и независимой Гайаны подчеркивали первоочередную важность сохранения территориальной целостности страны [22]. В 1969 году в районе Рупунуни произошла даже попытка мятежа, когда фермеры-скотоводы провозгласили «независимую республику». Как отмечал премьер-министр Л. Форбс Борнхэм, в мятеже были замешаны «некоторые элементы в Венесуэле» [3, с. 2].

Не так давно территориальный вопрос вновь обострился. В 2015 году Exxon Mobil объявила о найденных в ходе разведки нефтяных месторождениях в прибрежных водах спорной части Гайаны [19]. Сегодня наблюдатели именуют Гайану не иначе, как «новой мировой нефтяной державой» [25]. Это вызвало новые претензии венесуэльских властей. В 2022 году венесуэльский профессор Г. Сантос назвал вердикт Парижского арбитража 1899 года «позорным» [24]. Таким образом, вслед за политиками в спор в очередной раз вступили ученые.

Венесуэльская пресса развернула кампанию по «возвращению территорий»: «Сегодня, когда очевидно, что за нечестными намерениями гайанского правительства, пользующегося имперским натиском на нашу Венесуэлу, скрываются транснациональные интересы, вся страна, независимо от политических разногласий, должна сомкнуть ряды» [13]. Фактически Каракас претендует на 5/8 территории современной Гайаны, однако возрождение его амбиций произошло на фоне успешной нефтяной разведки Exxon Mobil. Впрочем, существует и еще одно объяснение: пограничный спор регулярно используется теми или иными силами для отвлечения внимания от внутриполитической напряженности [16, р. 195]. И действительно, в 2014–

2015 годах в Венесуэле на фоне снижения мировых цен на нефть проходили массовые выступления против правительства Н. Мадуро.

В 2018 году Генеральный секретарь ООН А. Гуттериш передал вопрос о гайано-венесуэльском территориальном споре в Международный суд, разбирательство которого все еще продолжается [4].

Гайано-суринамский территориальный спор

Выше уже отмечалось, что современные Гайана и Суринам длительное время были именно голландскими колониями, что обуславливало определенную размытость границ. Принадлежность так называемого треугольника «Нью-Ривер» не была определена еще в конце XIX века, а обнаружение в этом районе в 1934 году залежей руд с высоким содержанием радия привлекло внимание как голландских, так и британских властей. Проект договора, разработанный в 1936–1939 годах, так и не был утвержден вследствие начала Второй мировой войны [9, с. 50]. Здесь также приложил свою руку Р. Шомбергк, который участвовал в 1840-е годы в демаркации восточных границ Британской Гвианы.

Остается открытым и вопрос делимитации морских границ между Гайаной и Суринамом. Среди самых известных пограничных инцидентов укажем на арест в 1978 году суринамских траулеров гайанскими морскими силами и отбуксировку в 2000 году суринамскими канонерскими лодками установленной по гайанской концессии буровой платформы [21].

Как предполагают эксперты, при обращении в Международный суд позиции Гайаны намного сильнее позиций Суринама [18]. Однако Джорджтаун опасается в случае неблагоприятного исхода потерять западные инвестиции, в связи с чем юридическое решение вопроса пока все еще открыто.

Территориальные споры – это не только наследие прошлого. Они определяются как возросшими амбициями государств Гвианского региона, так и открытием новых запасов природных ресурсов. Внутренняя нестабильность

Венесуэлы, претендента на региональное лидерство, также вызывает процессы, которые влияют на ситуацию в Гвианском треугольнике.

Уменьшить напряженность в регионе может усиление региональной интеграции, что пока невозможно по следующим причинам: своеобразная изоляция Венесуэлы с ее «боливарианским социализмом», уникальность Французской Гвианы как продолжения Европейского союза в Южной Америке, а также нарастающие в условиях постпандемийного мира экономические трудности. Однако в создавшихся условиях мирное решение территориальных споров важно для всех ведущих латиноамериканских стран, что позволяет верить в позитивное будущее.

Список источников и литературы

1. *Болтаевский А.А., Агуреев С.А.* Рабовладение в Нидерландской Гвиане и голландский колониальный этос // Журнал фронтальных исследований. 2022. Т. 7. № 4 (28). С. 213-230.
2. *Ващенко Ю.* Россия и Суринам: 46 лет двустороннего взаимодействия [Электронный ресурс]. URL: <https://lacrus.org/2021/11/25/rossiya-i-surinam-46-let-dvustoronnego-vzaimodejstviya/> (дата обращения: 11.07.2023).
3. Гайанское зарево // Известия. 1969. 6 января. № 5 (16010). С. 2.
4. Генсек ООН поручил суду в Гааге решить территориальный спор между Венесуэлой и Гайаной [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4916956> (дата обращения: 12.07.2023).
5. *Добронравина С.Н.* Внеполушарные акторы и морские споры в Латинской Америке // Клио. 2016. № 11 (119). С. 139-145.
6. *Найпол В.С.* Средний путь. М.: Европейское издание, 2008. 272 с.
7. *Нитобург Э.Л.* Конфликты по наследству // Гвиана. Сб. ст. / отв. ред. И.Р. Григулевич. М.: Наука, 1969. С. 229–246.
8. *Пашенцев Е.Н.* Территориальные споры между странами ЛАКБ и их влияние на обстановку в регионе // Латинская Америка. 2017. № 6. С. 33-42

9. *Пойманова Ю.А.* Территориальные конфликты, пограничные споры и проблемы в Латинской Америке, история и современность // Московский журнал международного права. 2001. № 3. С. 38-57.

10. *Страшко Я.И.* Особенности современных конфликтов в Латинской Америке и роль ОАГ в урегулировании Фолклендского конфликта // Вестник МГИМО Университета. 2015. № 1 (40). С. 73-79.

11. *Сударев В.П.* Территориальные конфликты не уходят в прошлое // Латинская Америка. 2018. № 12. С. 49 – 58.

12. *Томас А.Б.* История Латинской Америки / перевод с англ. И. З. Романова ; ред. и предисл. М. С. Альперовича и Л. Ю. Слезкина. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. 647 с.

13. *Bolívar J.S.* Simón Bolívar acérrimo defensor del Esequibo [Электронный ресурс]. URL: <http://redangostura.org.ve/archivos/5919> (дата обращения: 11.07.2023).

14. Cham: Springer International Publishing, 2020. 347 p.

15. *Child J.* Interstate Relations in Latin America: Peaceful or Conflictual? // : International Journal. 1988. V 43. № 3.

16. *Cummings A.R.* How Guyana's Oil Discovery Rekindled a Border Controversy // Journal of Latin American Geography . 2018. V. 17. № 3. Special Issue: Petro-Geographies and Hydrocarbon Realities in Latin America. P. 183-211.

17. *Domingos N., Bandeira Jerónimo M. , Roque R.* Resistance and Colonialism: Insurgent Peoples in World History. Cham: Springer International Publishing, 2020. 347 p.

18. *Donovan T. W.* Suriname-Guyana Maritime and Territorial Disputes: A Legal and Historical Analysis // Journal of Transnational Law and Policy. 2003. № 13 (1): P. 41–99.

19. Exxon Mobil's deepwater Liza find could put Guyana-Suriname basin on the map [Электронный ресурс]. URL: <https://demerarawaves.com/2015/10/22/exxon-mobil-s-deepwater-liza-find-could-put-guyana-suriname-basin-on-the-map/> (дата обращения: 11.07.2023).

20. Falcón Briceño M. Venezuela ante la Onu: La justiciadesureclamaciónacercadeloslímitesconla Guayana Británica. Caracas: Talleresde la Impr. Nacional, 1962. 20 p. P. 12. [Электронный ресурс]. URL: <http://bibliografilaguayanaesequibacom.blogspot.com/2012/11/marcos-falcon-briceno-venezuela-ante-la.html> (дата обращения: 11.07.2023).

21. *Hoyle P.A.* The Guyana-Suriname Maritime Boundary Dispute and Its Regional Context // IBRU Boundary and Security Bulletin. Summer 2001. P. 99-107.

22. *Jagan C.* The Guyana-Venezuela Barder Row [Электронный ресурс]. URL: <https://jagan.org/CJ%20Articles/In%20Opposition/Images/3109.pdf> (дата обращения: 11.07.2023).

23. *Kocs S.A.* Territorial Disputes and Interstate War, 1945-1987 // The Journal of Politics. 1995. V. 57. № . 1 P. 159-175.

24. La Controversia del Esequibo / Coordinadores Héctor Faúndez Ledesma, Rafael Badell Madrid. Caracas: Academia de Ciencias Políticas y Sociales Editorial Jurídica Venezolana, 2022. 746 p.P. 57 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.acienpol.org.ve/wp-content/uploads/2022/09/LA-CONTROVERSIA-DEL-ESEQUIBO.pdf> (дата обращения: 11.07.2023).

25. *Mair J.* Why Guyana has become the new Oil Dorado: Prices are hovering around \$100 a barrel, and the South American nation has huge offshore reserves [Электронныйресурс]. URL: <https://www.dailymail.co.uk/money/markets/article-11125023/Why-Guyana-new-Oil-Dorado.html> (дата обращения: 11.07.2023).

26. *Nystrom J.W.* Surinam. A Geographic Study. New York Sity: The Netherlands Information Bureau, 1943. 56 p.

27. *Schoenrich O.* The Venezuela-British Guiana Boundary Dispute // The American Journal of International Law. 1949. V. 43. № 3. P. 523–30. JSTOR, <http://www.jstor.org/stable/2193650>.

28. *Serbin A., Berroteran M.* Las relaciones entre Venezuela y Guyanay la disputa del territorio Esequibo: éunpasoadelante, dosatrás? // Conflictas Territoriales

y democracia en America Latina / Compilado por Jorge I. Domínguez. Buenos Aires: Siglo XXI Editores Argentina, Universidad de Belgrano, Flacso, 2003. P. 173-202.

29. *Sicking L.* Franco-Dutch Colonial Rivalry in the Nineteenth Century: Three Projects for French Contiguity // Essays in French Colonial History Proceedings of the Meeting of the French Colonial Historical Society. 1997. V. 21. P. 214-236. <https://www.jstor.org/stable/42953219>

30. *Thompson A.O.* The Guyana-Suriname Boundary Dispute: An Historical Appraisal, c. 1683-1816 // Boletín de Estudios Latinoamericanos y del Caribe . 1985. № 39. P. 63-84.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Сидорова Наталья Олеговна,
НЦБ Интерпола МВД России,
nata3397@mail.ru

Natal'ya O. Sidorova,
Interpol National Central Bureau
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
nata3397@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЖЕНЩИН НА ТЕРРИТОРИИ АФРИКАНСКОГО КОНТИНЕНТА INTERNATIONAL LEGAL FRAMEWORK OF THE PROTECTION OF WOMEN'S RIGHTS ON THE TERRITORY OF AFRICAN CONTINENT

Аннотация: анализируется процесс становления и современного состояния универсальных, межрегиональных, региональных и субрегиональных правовых механизмов защиты прав женщин в Африке, основных направлений и перспектив гендерной политики на Африканском континенте, а также имплементации норм международного права в сфере защиты прав женщин в африканских государствах. Рассмотрены нормативные основы защиты прав женщин в Африке, включающие международно-правовые акты различного характера. Изучены действующие на вышеуказанных уровнях механизмы, которые можно задействовать в процессе защиты прав женщин в государствах Африканского континента с учетом специфических особенностей данного континента. Исследована ключевая и инновационная роль Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин.

Ключевые слова: права человека, права женщин, защита прав женщин и девочек, Африканский континент, Африканская хартия прав человека и народов, Протокол Мапуту, Устав Организации африканского единства, международное сообщество, африканские традиции.

Abstract: the article analyzes the development and current status of universal, interregional, regional and subregional legal mechanisms of the protection of womens' rights in Africa and the main directions and perspectives of gender policy on the territory of the African continent, as well as the implementation of international law in the field of the protection of women's rights in African States. The legal framework of the protection of womens' rights in Africa, including various international legal instruments, was examined, as well as the mechanisms at the above levels, also the key and innovative role of the UN Committee on the Elimination of Discrimination against Women was reviewed.

Key words: human rights, women's rights, protection of women's and girls' rights, African continent, African Charter on Human and Peoples' Rights, Maputo Protocol, Charter of the Organization of African Unity, international community, African traditions.

Гендерное равенство находится в самом сердце прав человека и ценностей Организации Объединенных Наций. Равенство и недискриминация являются основополагающими принципами Устава ООН, принятого мировыми лидерами в 1945 году [14].

Гендерная дискриминация запрещена практически всеми договорами в области прав человека. Несмотря на значительный прогресс в обеспечении прав женщин в мире, миллионы женщин и девочек по-прежнему подвергаются насилию и дискриминации, лишены равноправия, достоинства и самостоятельности, а иногда и права распоряжаться своей жизнью.

Дискриминация и насилие в отношении женщин и девочек, уходящие корнями в уклад жизни общества, – устойчивые и системные явления. В последние годы вновь наблюдаются скептицизм и отрицание международных стандартов, касающихся прав человека женщин, гендерного равенства и гендерного насилия, а женщины и девочки все чаще выступают с требованием обеспечить равноправие, в том числе в рамках феминистских движений [11]

В 1993 году было основано Управление Верховного комиссара ООН по правам человека (далее – УВКПЧ), задачей которого и по настоящее время является обеспечение соблюдения и защиты прав человека, гарантируемых Всеобщей декларацией прав человека.

Тем не менее миллионы женщин во всем мире по-прежнему подвергаются дискриминации при осуществлении ими своих гражданских, культурных, экономических, политических и социальных прав.

Однако наиболее остро проблема дискриминации и нарушения прав женщин стоит в странах Африканского региона.

УВКПЧ Африки оказывает техническую помощь поощрению и защите прав человека. В каждом регионе Африканского континента создано отделение УВКПЧ. Сотрудники УВКПЧ работают на национальном и региональном уровнях, уделяя особое внимание защите гражданского пространства, раннему предупреждению и превентивным мерам, борьбе с насилием и дискриминацией по признаку пола, интеграции прав человека в процесс развития, укреплению национальных систем защиты и отчетности по правам человека и выполнению рекомендаций.

Несмотря на деятельность УВКПЧ в данном регионе, проблема нарушения прав женщин и девочек здесь остается нерешенной долгие годы. По-прежнему страны Африканского региона стоят на первых местах по количеству женщин и девочек, подвергающихся насилию, в том числе со стороны членов семьи мужского пола. Также на территории данного региона остается высоким показатель ВИЧ-заражений среди женщин, материнской и детской смертности, попыток суицида, совершаемого женщинами. Вопреки глобальному развитию во всем мире, в странах Африки девочки до сих пор зачастую не имеют возможности поступить в начальную школу.

Объектом данного исследования выступают правоотношения, возникающие в процессе выполнения африканскими государствами обязательств в рамках универсальных, межрегиональных, региональных и

субрегиональных международных соглашений, направленных на защиту прав женщин в Африке.

Предметом исследования являются положения международных соглашений, заключенных как на универсальном уровне, так и в рамках межрегиональных, региональных и субрегиональных международных организаций, направленных на защиту прав женщин в Африке, а также результат деятельности УВКПЧ.

Цель настоящего исследования состоит во всестороннем комплексном анализе процесса становления и современного состояния универсальных, межрегиональных, региональных и субрегиональных правовых механизмов защиты прав женщин в Африке, основных направлений и перспектив гендерной политики на Африканском континенте, а также имплементации норм международного права в сфере защиты прав женщин в африканских государствах.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем комплексно рассмотрены нормативные основы защиты прав женщин в Африке, включающие международно-правовые акты универсального, межрегионального, регионального и субрегионального характера, а также изучены действующие на вышеуказанных уровнях механизмы, которые можно задействовать в процессе защиты прав женщин в государствах Африканского континента с учетом специфических особенностей данного континента.

В статье показана ключевая и инновационная роль Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин в деле общерегиональной координации усилий по защите прав женщин и согласования общих подходов по концептуальным аспектам защиты прав женщин с учетом результатов деятельности универсальных, межрегиональных, региональных, субрегиональных правозащитных механизмов в деле защиты прав женщин.

Основной нормативной базой, закрепляющей положения о защите прав женщин и девочек, являются Устав ООН 1945 года, Международный пакт об

экономических, социальных и культурных правах 1966 года, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года.

Указанные документы являются общими и основополагающими и служат началом не только для норм права Африканского континента, но и для всего мира.

В Уставе ООН отражены общие положения, запрещающие дискриминацию и нарушение прав человека по половому признаку. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и Международный пакт о гражданских и политических правах также носят общий характер. Положения данных документов говорят о том, что каждый человек во всем мире, независимо от расы, цвета кожи, пола и других признаков, имеет право реализовывать свои экономические, социальные, культурные, гражданские и политические права. Никто не может быть ущемленным в какой-либо категории прав по половому или иному признаку.

Прежде чем переходить к анализу законодательства, направленного на разрешение гендерных проблем на территории Африки, следует упомянуть Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, принятую резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1979 года.

В данном документе отражено понятие дискриминации именно в отношении женщин. В тексте документа сделан уклон именно на особенности женского пола и организма (например, на репродуктивную функцию женщин), которые могут стать поводом для дискриминации по половому признаку. Каждая статья данного нормативного акта направлена на запрет ущемления женщин в правах в связи с их отличием от мужчин по физическим либо моральным качествам. Также нормы Конвенции запрещают дискриминацию женщин под какой-либо угрозой, например под угрозой увольнения с работы.

Что касается стран Африканского континента, то необходимо обратить внимание на нормативные акты, относящиеся непосредственно к защите прав женщин Африки, а именно: Устав Организации африканского единства

1963 года, Африканскую хартию прав человека и народов 1986 года, Протокол Мапуту о правах женщин Африки 2003 года, а также доклады и резолюции ООН по данному вопросу.

Итак, началом пути к демократизации и свободе африканского общества можно считать 25 мая 1963 года – день принятия Устава Организации африканского единства. Документ был принят в Аддис-Абебе (Эфиопия) и преследовал такие важнейшие цели, как защита суверенитета африканских государств, уничтожение всех видов колониализма в Африке, укрепление единства стран Африки. Девизом Устава на момент принятия послужила фраза «свобода, равенство, справедливость и достоинство» [13 Данная фраза заложила основу для принципов, определенных Уставом, а также задала направление документу. Также Устав стал одним из первых документов, в котором зашла речь о «поощрении международного сотрудничества в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций и Всеобщей декларации прав человека» [1 Сам по себе Устав является небольшим по объему, нормы достаточно краткие и требуют дополнений и разъяснений, однако его можно считать основополагающим для других документов подобного характера наряду с Уставом Организации Объединенных Наций и Всеобщей декларацией прав человека.

Африканская хартия прав человека и народов, принятая на основе Устава Организации африканского единства, по своему содержанию и характеру схожа с вышеуказанными Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах и Международным пактом о гражданских и политических правах. Документ собрал в себе все основные положения, направленные на защиту прав человека и в своей преамбуле повторяет девиз Устава Организации африканского единства: «свобода, равенство, справедливость и достоинство являются основными целями в деле осуществления законных чаяний африканских народов» [1

В тексте Хартии часто употребляется формулировка «каждый человек». Соответственно, идея этого нормативного акта состоит в том, что любой

человек, независимо от пола, может реализовывать права, перечисленные в тексте документа. Несмотря на схожесть с вышеуказанными пактами, Африканская хартия прав человека и народов предполагает обеспечение защиты прав и свобод, в первую очередь жителей Африканского континента. Нормы Хартии направлены на закрепление основных прав человека, таких как право на жизнь, личную неприкосновенность, доступ к правосудию, свободу передвижения, а также на признание правосубъектности каждого человека. Кроме того, Хартия определяет структуру, полномочия и процесс работы Африканской комиссии по правам человека и народов.

Нормативным актом, заслуживающим особого внимания, является Протокол Мапуту о правах женщин Африки. Если все вышеуказанные документы носили общий характер и распространяли свое действие абсолютно на всех граждан, то положения Протокола Мапуту обеспечивают защиту прав африканских женщин и девочек. Однако стоит отметить, что данный Протокол служит приложением к Африканской хартии прав человека и народов. Положения Протокола отражают культурные традиции африканских народов, которые не совместимы с современным стилем жизни и противоречат общепринятым международным нормам, направленным на защиту прав и свобод человека. Помимо статей, посвященных ликвидации дискриминации в отношении женщин и обеспечению основных прав, таких как право на жизнь, неприкосновенность, достойное жилище, доступ к правосудию, Протокол содержит нормы, запрещающие издевательства над женщинами в прямом смысле этого слова и отражающие традиции, которые давно пора искоренить. Так, ст. 5 Протокола Мапуту посвящена «искоренению вредных практик» [9]. Под «вредными практиками» в данном случае подразумевается увечье женских половых органов. Увечье женских половых органов, известное как женское обрезание, признается калечащей операцией, приносящей страдания и зачастую имеющей необратимые последствия для женского здоровья, вплоть до летального исхода во время самой операции либо после нее. В африканских странах данная процедура во

все времена носила религиозный характер и являлась ритуалом, отражающим ценности и убеждения африканского общества и направленным на сохранение женской чести и искоренение измен со стороны женского пола. «Женщина, с точки зрения ритуала, перестает испытывать недостойное удовольствие в момент интимной связи, а выполняет только одну свою функцию - репродуктивную. Проводится эта процедура без медицинских показаний и может иметь серьезные последствия для здоровья как самой женщины, так и ее будущего ребенка. Данный ритуал проводится преимущественно в Африке в более чем 30 странах. В Египте, Судане, Эфиопии, Эритрее, Джибути, Сомали и Мали более 80% женщин подвергаются этой процедуре» [9].

С 2014 года, после 26-й сессии Совета ООН по правам человека, женское обрезание признается калечащей операцией, нарушающей «право человека на свободу от пыток, право на медицинский уход, а также прав ребенка, включая право на наивысший достижимый уровень здоровья, предполагающее в том числе право ребенка на пользование наиболее совершенными услугами системы здравоохранения, закрепленного в п. 1 и 3 ст. 24 Конвенции о правах ребенка, которую ратифицировали все Африканские государства, за исключением Южного Судана» [9].

Однако, несмотря на усилия мирового сообщества, деятельность по искоренению данной традиции нельзя назвать успешной. После признания 6 февраля Международным днем нетерпимого отношения к калечащим операциям на женских половых органах всего лишь несколько стран Африки приняли законодательство и ввели политику по запрету калечащих операций на женских гениталиях.

Помимо женского обрезания нормы Протокола Мапуту затрагивают и иные жуткие для современного человека ритуалы. Так, до сих пор в некоторых африканских странах девочки на этапе пубертатного периода подвергаются «уплощению груди» [12]. Данная процедура предусматривает удары по груди созревающей девушки тяжелыми горячими предметами с целью прекращения развития и роста груди. Цель такой болезненной и жуткой процедуры – защита

девушки от сексуальных домогательств и изнасилований, так как среди мужчин в африканских странах бытует мнение, что, если у девушки начали развиваться молочные железы, она готова к половому контакту.

Кроме того, в большинстве стран Южной Африки имеется высокий процент так называемого младенческого изнасилования [12]. Данный вопрос лишь вскользь затронут Протоколом Мапуту и иными нормативными актами. Своими корнями младенческое изнасилование уходит к мифу об «очищении девственностью» [12]. Согласно мифу, совершив половой контакт с девственницей, мужчина может излечиться от любого венерического заболевания, а также СПИДа. О последствиях, наступающих у жертв после изнасилования, и о защите девочек и девушек от насилия в документах говорится лишь в общем ключе.

Перечисленные примеры – далеко не все вопросы, посвященные защите прав и обеспечению безопасности африканских женщин и требующие принятия срочных мер на международном и региональном уровнях. Однако все вышеуказанные факты до сих пор имеют место и являются прямым подтверждением того, что в странах Африканского континента с древних времен и по сей день традиции преобладают над правом.

Помимо вопросов, относящихся к нанесению женщинам и девочкам увечий, Протокол Мапуту включает в себя нормы, регламентирующие бракоразводный процесс и проживание женщины отдельно от бывшего супруга после развода. Несмотря на это, вопрос развода и самостоятельной жизни женщины после него в африканских странах остается открытым и довольно сложным для полноценного разрешения в связи с превалированием традиций над законом. То же самое можно сказать о получении женщинами наследства, об их праве на культурное развитие и образование. Все нормы, касающиеся данных тем, присутствуют в Протоколе Мапуту, но их реальное действие остается под вопросом.

Анализируя вопрос защиты прав африканских женщин, нельзя не обратить внимание на Резолюцию A/RES/73/153, принятую Генеральной

Ассамблеей ООН 17 декабря 2018 года. Со ссылкой на Всеобщую декларацию прав человека, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и Международный пакт о гражданских и политических правах, Конвенцию о правах ребенка и Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Конвенцию о согласии на вступление в брак, брачном возрасте и регистрации браков в данном документе поднимается вопрос детских, ранних и принудительных браков. Согласно Резолюции, ликвидация детских, ранних и принудительных браков является одной из составляющих программы устойчивого развития. К 2030 году планируется практически полное устранение данного явления. Однако это лишь прогноз.

Международное сообщество понимает, «что проблема детских, ранних и принудительных браков признается недостаточно и освещается не в полной мере, что такие браки зачастую сопряжены с безнаказанностью и непривлечением виновных лиц к ответственности, особенно на общинном уровне, и что сохранение детских, ранних и принудительных браков приводит к тому, что женщины и девочки на протяжении всей жизни подвергаются большому риску столкнуться с различными формами дискриминации и насилия и пострадать от них, включая изнасилование в браке и сексуальное, физическое и психологическое насилие, и закрепляет более низкий статус девочек, включая девочек-подростков, в обществе» [10].

На основании вышеуказанной Резолюции 28 июля 2020 года вышел в свет доклад Генерального секретаря ООН по вопросу о детских, ранних и принудительных браках: «В настоящем докладе содержится обзор прогресса, достигнутого в деле ликвидации детских, ранних и принудительных браков повсюду в мире. В него также включены обнадеживающие примеры осуществления программ, направленных на ликвидацию этих видов практики и оказание поддержки уже состоящим в браке девочкам и женщинам, затронутым этими видами практики» [5]. Так, в Мозамбике и Мексике в 2019 году был принят ряд законов, устанавливающих минимальный возраст

для вступления в брак – 18 лет. Подчеркивается, что положения данного закона распространяют свое действие на всех, независимо от пола. Власти Непала ввели уголовную ответственность за детские браки. Тем же путем идут Танзания и Сьерра-Леоне.

В докладе названы причины плачевного положения африканских женщин и девочек: «Социальная изоляция и нищета подвергают детей, особенно девочек, повышенному риску детских, ранних и принудительных браков. Патриархальные традиции и неравенство гендерных норм, которые ограничивают возможности девочек и женщин в плане выражения своих мнений и совершения выбора, также приводят к тому, что девочки подвергаются повышенному риску вступления в детские, ранние и принудительные браки. Кроме того, ограниченный доступ девочек к образованию и участию в экономической и социальной жизни своих общин могут повышать для них вероятность вступления в брак в раннем возрасте» [5]. Данные проблемы невозможно решить лишь при помощи усилий международного сообщества. В первую очередь необходимы действия на национальном и региональном уровнях, а вклад международного сообщества может выступать в качестве поддержки в разрешении указанных проблем. Ярким примером таких действий является деятельность судебных органов в ряде африканских стран. «В октябре 2019 г. Верховный апелляционный суд Танзании оставил в силе решение 2016 г., запрещающее родителям выдавать замуж девушек в возрасте 14 лет. В Мексике Верховный суд также вынес решение по иску, оспаривавшему запрет на детские браки в штате Агуаскальентес, и подтвердил законность проведенных местным конгрессом правовых реформ, в соответствии с которыми минимальный возраст для вступления в брак был установлен на уровне 18 лет» [5]. Более того, «Гана, Индия, Мозамбик, Нигер, Уганда и Эфиопия разработали национальную политику и руководящие принципы и предприняли инициативы по наращиванию потенциала в целях содействия расширению предоставления учитывающих гендерные аспекты и интересы детей услуг в

области здравоохранения и защиты, в том числе направленных на девочек, которым пришлось вступить в детский, ранний или принудительный брак» [5]. Данные факты также освещены в докладе Генерального секретаря по вопросу о детских, ранних и принудительных браках.

Итак, понятие гендерного равенства на данный момент остается призрачным для большинства стран Африканского континента. Однако причина кроется не только в пробелах в законодательстве и его несовершенстве. Своими корнями данная проблема уходит к традициям и менталитету африканского общества. Несмотря на правовую борьбу с нарушением прав женщин Африки, описанную выше, древние традиции и ритуалы, не имеющие никакого отношения к праву, берут верх над законодательством, которое и без того слабо развито, особенно в области защиты прав женщин и девочек. До тех пор, пока костяк африканского общества и правительства будет состоять из приверженцев старинных обрядов и противников воспитания молодежи в духе современного времени, активной ликвидации дискриминации в отношении женщин и девочек ждать не следует. Несмотря на деятельность ООН и международного сообщества, в первую очередь изменения необходимо производить на внутригосударственном уровне.

Следует отметить большое количество пробелов как в международных правовых актах, так и в законодательстве регионального уровня. Во-первых, главам африканских государств необходимо обеспечить комплексный подход к законодательству в целях ликвидации нарушения прав женщин и девочек. Во-вторых, следует принять законодательные меры для отмены любых дискриминационных положений, а также дискриминационного законодательства, касающегося наследования, гражданства, труда, доступа к кредитам, правового положения и доступа к услугам в области сексуального и репродуктивного здоровья. Такие факторы усугубляют положение состоящих в браке девочек и женщин и способствуют их дальнейшей изоляции и совершению насилия в их отношении. Также следует разработать стратегии,

включающие меры по расширению доступа к образованию, информации и услугам в области сексуального и репродуктивного здоровья, экономическим возможностям и участию девочек и женщин в процессе принятия решений в их общинах. Необходимо рассмотреть вопрос о расширении программных мероприятий, исследований и финансирования в целях содействия доступу уже вступивших в брак девочек к образованию вплоть до окончания средней школы, а также к занятости и профессиональной подготовке. Не будет лишним расширить и облегчить доступ к механизмам и услугам, которые обеспечивают защиту для девочек и женщин, подвергающихся опасности вступления в брак и уже вступивших в брак, включая юридические услуги, безопасное жилье и психосоциальную поддержку, а также создать безопасные пространства и приюты для женщин и девочек, попавших в беду.

Это неисчерпывающий, но объемный перечень задач, которые необходимо реализовать в ближайшие несколько лет, чтобы облегчить положение огромного количества женщин и девочек Африки. Претворение данных положений в жизнь ни в коем случае полностью не ликвидирует дискриминацию в отношении женского пола на территории Африканского континента, но сможет стать хорошим началом для создания богатой правовой основы, направленной на развитие гендерного равенства в отношении африканских женщин и девочек, и повышения их правового статуса.

Список источников и литературы

1. Африканская хартия прав человека и народов 1981 [Электронный ресурс] <http://hrlibrary.umn.edu/russian/instree/Rz1afchar.html> (дата обращения: 11.12.2023).
2. Всеобщая декларация прав человека 1948 [Электронный ресурс]: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 11.12.2023).

3. Всеобщая декларация прав человека 1948 [Электронный ресурс]: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 11.12.2023).

4. Декларация о ликвидации дискриминации в отношении женщин 1967 [Электронный ресурс]: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/women_discrimination.shtml (дата обращения: 11.12.2023).

5. Доклад Генерального секретаря от 28.07.2020 [Электронный ресурс]: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N20/197/94/PDF/N2019794.pdf?OpenElement> (дата обращения: 11.12.2023).

6. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 [Электронный ресурс]: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения: 11.12.2023).

7. Конвенция о правах ребенка 1989 [Электронный ресурс]: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 11.12.2023).

8. Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 [Электронный ресурс]: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 11.12.2023).

9. Протокол Мапуту 2003 [Электронный ресурс]: https://ru.zahn-info-portal.de/wiki/Maputo_Protocol (дата обращения: 11.12.2023).

10. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей, A/RES/73/153 от 17.12.2018 [Электронный ресурс]: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N18/446/26/PDF/N1844626.pdf?OpenElement> (дата обращения: 11.12.2023).

11. Сайт УВКПЧ [Электронный ресурс]: <https://www.ohchr.org/ru/topic/gender-equality-and-womens-rights> (дата обращения: 11.12.2023).

12. Статьи об действующих в отношении африканских традициях [Электронный ресурс]: https://ru.zahn-info-portal.de/wiki/Breast_ironing (дата обращения: 11.12.2023).

13. Устав Африканского Единства 1963 [Электронный ресурс]: <https://diletant.media/articles/43457365/> (дата обращения: 11.12.2023).

14. Устав Организации Объединенных Наций 1945 [Электронный ресурс]: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/> (дата обращения: 11.12.2023).

Камышанский Дмитрий Юрьевич,
член Экспертно-консультативного совета
при Совете Парламентской Ассамблеи
Организации Договора о коллективной безопасности,
старший преподаватель юридического факультета,
Московский университет им. А.С. Грибоедова,
(ИМПЭ им. А.С. Грибоедова),
kamyshanski_dmitri@mail.ru
Dmitry Y. Kamyshansky,
member of the Expert Advisory Council
of the Parliamentary Assembly
of the Collective Security Treaty Organization,
senior Lecturer, Faculty of Law,
Moscow University named after A.S. Griboyerov
(ILE named after A.S. Griboyerov),
kamyshanski_dmitri@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ
КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ
В КИРГИЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ
FEATURES OF COMBATING CORRUPTION-RELATED CRIMES
IN THE KYRGYZ REPUBLIC**

Аннотация: в статье рассматривается зарубежный опыт противодействия преступлениям коррупционной направленности на основе анализа законодательства Киргизской Республики, международных правовых актов в области противодействия коррупции, официальной статистики, научных подходов, материалов средств массовой информации и авторского понимания о преступлениях указанной категории.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционное законодательство, законодательство Киргизской Республики, коррупционные преступления, международные правовые акты, официальная статистика.

Abstract: the article considers foreign experience of combating corruption on the basis of analysis of the criminal legislation of the Kyrgyz Republic, international legal acts in the field of anti-corruption, official statistics, scientific approaches, media materials and the author's understanding about the crimes of the specified category.

Keywords: corruption, anti-corruption legislation, criminal legislation of the Kyrgyz Republic, corruption crimes, international legal acts, official statistics.

Важность противодействия преступлениям коррупционной направленности в современном мире

Коррупция представляет собой негативное социально-правовое явление, способное оказать наибольшее дестабилизирующее воздействие как на отдельные государственные механизмы, так и на государство в целом. Латентность и массовость преступлений коррупционной направленности оказывают влияние на состояние политической жизни и экономики, а также снижают уровень жизни граждан государства [1].

Доктор социологических наук, профессор МГИМО Е.В. Охотский верно отмечает, что «на основании оценки результатов большого числа социологических опросов можно констатировать, что коррупция активно воздействует на общественное сознание и личные взгляды, формирует морально-нравственные установки, определяет в конечном итоге право и мораль монополии регулирования общественными отношениями, разрушает буквально все, причем очень быстро» [2].

На фоне складывающейся общественно-политической и социально-экономической обстановки достаточно часто констатируются факты коррупции в различных сферах жизнедеятельности подавляющего большинства государств, в том числе Киргизской Республики. Коррупция в органах государственной власти и управления является наиболее острой проблемой, без кардинального решения которой невозможно эффективное развитие общества.

Ни одному государству не удалось в полной мере решить проблему искоренения коррупции. Коррупционированность многих государственных служащих в большинстве стран в разное время заставила национальные власти реагировать на коррупционные проявления путем принятия различных мер, в том числе уголовно-правовых.

В последнее время в ряде зарубежных государств осуществляются попытки по совершенствованию антикоррупционного национального законодательства. К настоящему времени созданы и реализуются уголовно-правовые механизмы, направленные на борьбу с коррупцией, однако все еще имеются проблемы в этой сфере [3].

Борьба с коррупцией и противодействие преступлениям коррупционной направленности являются актуальными проблемами и для Киргизской Республики.

Исторические этапы становления законодательства в сфере борьбы с коррупцией в Киргизской Республике

Процесс становления законодательства в сфере борьбы с коррупцией в Киргизской Республике можно разделить на четыре этапа.

На первом этапе, как показывает правовой анализ отдельных документов советской эпохи, термин «коррупция» не использовался. Чаще использовалось понятие «взятничество», под которым понималось получение, дача взятки и посредничество во взятничестве [4]. Все деяния должностных лиц ограничивались лишь главой Уголовного кодекса «Должностные преступления». Системный взгляд на коррупцию и преступления коррупционной направленности отсутствовал.

В главе Уголовного кодекса Киргизской ССР 1961 года «Должностные преступления» содержались следующие составы преступлений: злоупотребление служебным положением, превышение власти, халатность.

Несмотря на то что получение взятки каралось достаточно сурово, вплоть до смертной казни, советское государство не смогло упразднить коррупцию как явление. Важно, что лишь в конце 1980-х – начале 90-х годов стали появляться громкие дела о хищениях, в которых фигурировали и должностные лица различного уровня, принимавшие дорогие подарки либо даже открыто вымогавшие материальные ценности в качестве взятки.

На втором этапе, с 1991 по 2005 год, в первую очередь был издан Указ Президента Киргизской Республики «О мерах по организации борьбы с

коррупцией в системе государственной службы Республики Киргизстан» (18 декабря 1992 года № 388). Данным указом была предпринята попытка пресечь деятельность должностных лиц различных государственных органов, способствующих противоправной деятельности коммерческих структур.

Важным правовым документом стал новый Уголовный кодекс Киргизской Республики, который был принят в 1997 году и вступил в силу в 1998 году, до принятия Конвенции по предупреждению коррупции. Впервые законодатель попытался придать понятию «коррупция» правовое содержание, предусмотрев его в ст. 303 Уголовного кодекса Киргизской Республики (далее – УК РК).

Указом Президента Киргизской Республики от 25 января 1999 года был образован Координационный совет по борьбе с преступностью и правонарушениями во главе с премьер-министром. Затем Правительство Киргизской Республики 3 марта утвердило Государственную программу по усилению борьбы с коррупцией, контрабандой и экономическими преступлениями в Киргизской Республике на 2001–2003 годы.

Необходимость принятия указанной Программы была обусловлена тем, что коррупция в совокупности с контрабандой и экономическими преступлениями приобрела характер реальной угрозы национальной безопасности государства. По данным за 2000 год, урон, нанесенный экономическими преступлениями, составил около 9% от государственного бюджета Киргизской Республики.

В 2004 году был образован Консультативный совет по добросовестному управлению, деятельность которого была направлена на аналитическую и координационную работу по предупреждению коррупции. За период с 2003 по 2004 год в государстве принимаются законы «О борьбе с коррупцией», «О государственной службе», «О государственных закупках». Также был принят закон «О декларировании и публикации сведений о доходах, обязательствах и имуществе лиц, замещающих политические и иные специальные государственные должности, а также их близких родственников».

Третий этап, с 2005 по 2010 год, заключался в формировании антикоррупционной политики на основе ратифицированной Конвенции ООН против коррупции.

Указом исполняющего обязанности Президента Киргизской Республики от 21 июня 2005 года № 251 утверждена Государственная стратегия борьбы с коррупцией в Киргизской Республике. Благодаря принятию указанного документа впервые дано определение коррупции, гражданское общество и представители бизнеса рассмотрены как партнеры в борьбе с коррупцией, определен антикоррупционный орган как самостоятельный институт в борьбе с коррупцией, поставлена задача совершенствования нормативной правовой базы, отмечена необходимость повышения профессионального уровня сотрудников правоохранительных органов, уделено внимание надлежащему материально-техническому обеспечению судебных и правоохранительных структур, а также оценке сфер и масштабов распространения коррупции.

21 октября 2005 года (УП № 476) принят Указ Президента Киргизской Республики «О безотлагательных мерах по борьбе с коррупцией». Впервые в целях повышения эффективности и устойчивости антикоррупционной политики, выработки принципиально новых подходов к борьбе с коррупцией и системных мер, нацеленных на предупреждение коррупции, образован специальный орган – Национальное агентство Киргизской Республики по предупреждению коррупции. Также образован Национальный совет Киргизской Республики по борьбе с коррупцией.

28 февраля 2006 года за № 132 принято постановление Правительства Киргизской Республики «Об утверждении Комплекса мер Правительства Киргизской Республики по выполнению Плана действий по реализации Государственной стратегии борьбы с коррупцией в Киргизской Республике и Государственной программы по борьбе с преступностью в Киргизской Республике на 2006–2007 гг.».

В рассматриваемом постановлении более четко обозначены мероприятия, направленные на борьбу с коррупцией, в частности обрисованы

контуры антикоррупционной политики, обозначены конкретные мероприятия, связанные с борьбой с административной коррупцией, а также с коррупцией в сфере бюджетных средств. Отдельным блоком сформулирована борьба с коррупцией в правоохранительных, налоговых органах и в Вооруженных Силах Киргизской Республики, а также борьба с коррупцией в социальной сфере.

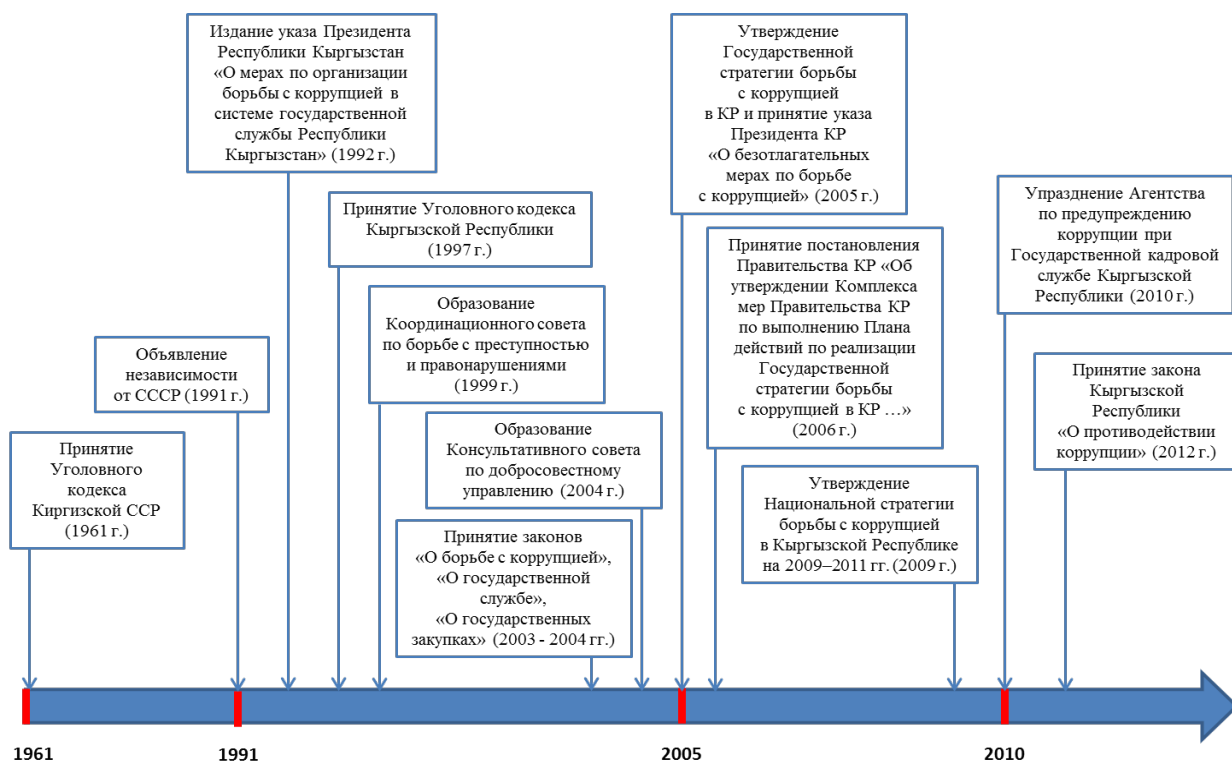
Далее борьба с коррупцией была обозначена в качестве приоритетной в Стратегии развития страны на 2007–2010 годы (указ Президента Киргизской Республики от 16 мая 2007 года № 249). В указанной Стратегии основными направлениями названы политическая реформа, дерегулирование экономики, реформа государственного управления, повышение потенциала государственных и муниципальных служащих, правовая реформа.

1 марта 2009 года указом Президента Киргизской Республики утверждается новая редакция Национальной стратегии борьбы с коррупцией в Киргизской Республике на 2009–2011 годы. Впервые был подготовлен документ, предусматривающий как общие, так и специальные меры борьбы с коррупцией.

Четвертый этап, с 2010 года по настоящее время, начинается, когда Временное правительство, после принятия новой Конституции Киргизской Республики, своим постановлением от 12 июня 2010 года № 78 упразднило Агентство по предупреждению коррупции при Государственной кадровой службе Киргизской Республики.

8 августа 2012 года принят закон Киргизской Республики «О противодействии коррупции», где были установлены основные принципы противодействия коррупции и борьбы с ней, минимизации, ликвидации последствий коррупционных правонарушений. Указанный закон заменил закон Киргизской Республики «О борьбе с коррупцией».

В схематичном виде процесс становления законодательства в сфере борьбы с коррупцией в Киргизской Республике представлен на рисунке 1.

Рис. 1. Хронология принятия основных правовых актов в сфере борьбы с коррупцией в Кыргызской Республике

Уголовное законодательство Кыргызской Республики в сфере борьбы с коррупцией

Уголовное законодательство Кыргызской Республики [5] охватывает следующие деяния, которые отнесены к числу коррупционных: присвоение или растрата вверенного имущества (ст. 210 УК КР); злоупотребление полномочиями служащими коммерческих или иных организаций (ст. 245 УК КР); коммерческий подкуп (ст. 250 УК КР); незаконное получение вознаграждения служащим (ст. 251 УК КР); коррупция (ст. 336 УК КР); злоупотребление должностным положением (ст. 337 УК КР); заключение заведомо невыгодного контракта (ст. 339 УК КР); незаконное обогащение (ст. 340 УК КР); участие должностного лица в предпринимательской деятельности (ст. 341 УК КР); получение взятки (ст. 342 УК КР); вымогательство взятки (ст. 343 УК КР); посредничество во взяточничестве (ст. 344 УК КР); дача взятки (ст. 345 УК КР); незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации (ст. 382 УК КР).

За совершение преступлений коррупционной направленности назначаются следующие виды наказания: лишение свободы с конфискацией имущества; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет; штраф.

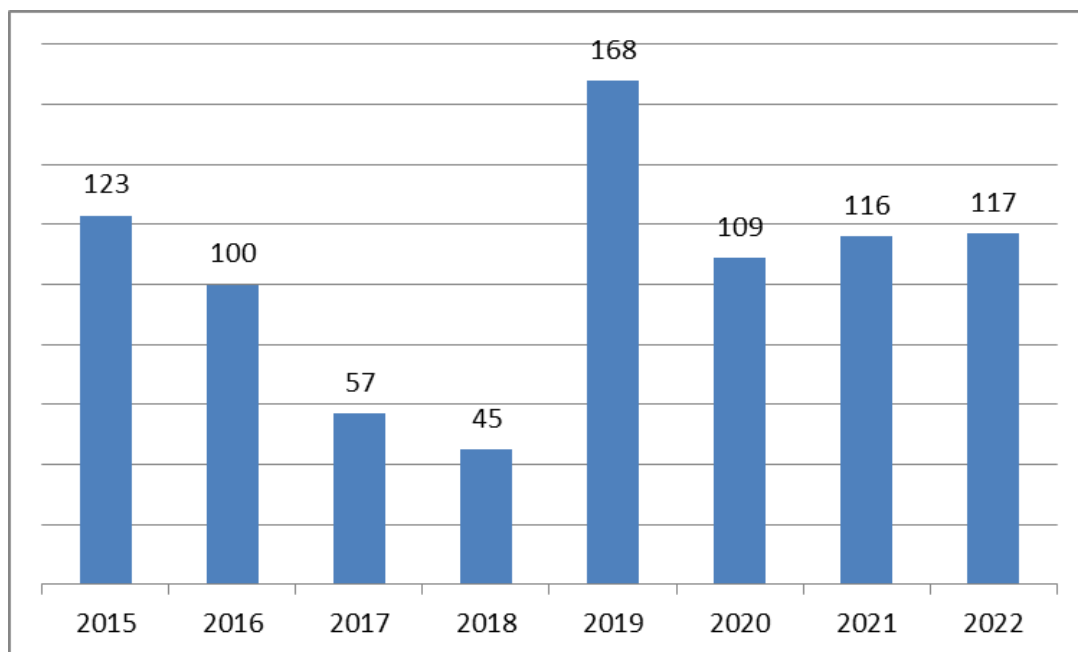
В Киргизской Республике в качестве субъектов коррупционных преступлений выступают все государственные служащие, совершившие коррупционные преступления, независимо от занимаемой должности и порядка их избрания или назначения на эти должности.

К числу субъектов коррупционных преступлений относятся граждане на муниципальной службе; совершившие коррупционные правонарушения руководители учреждений, организаций и предприятий, деятельность которых финансируется из государственного бюджета либо в уставном капитале которых имеется государственная доля; физические и юридические лица, включая должностных лиц и работников, противоправно предоставляющие материальные и иные блага и преимущества государственным служащим и служащим муниципальной службы.

Примечательно, что УК КР дает иное понятие коррупции, чем в Законе о борьбе с коррупцией, где в соответствии со ст. 303 коррупция – «умышленные деяния, состоящие в создании противоправной устойчивой связи одного или нескольких должностных лиц, обладающих властными полномочиями, с отдельными лицами или группировками в целях незаконного получения материальных, любых иных благ и преимуществ, а также предоставления ими этих благ и преимуществ физическим и юридическим лицам, создающие угрозу интересам общества и государства» [5].

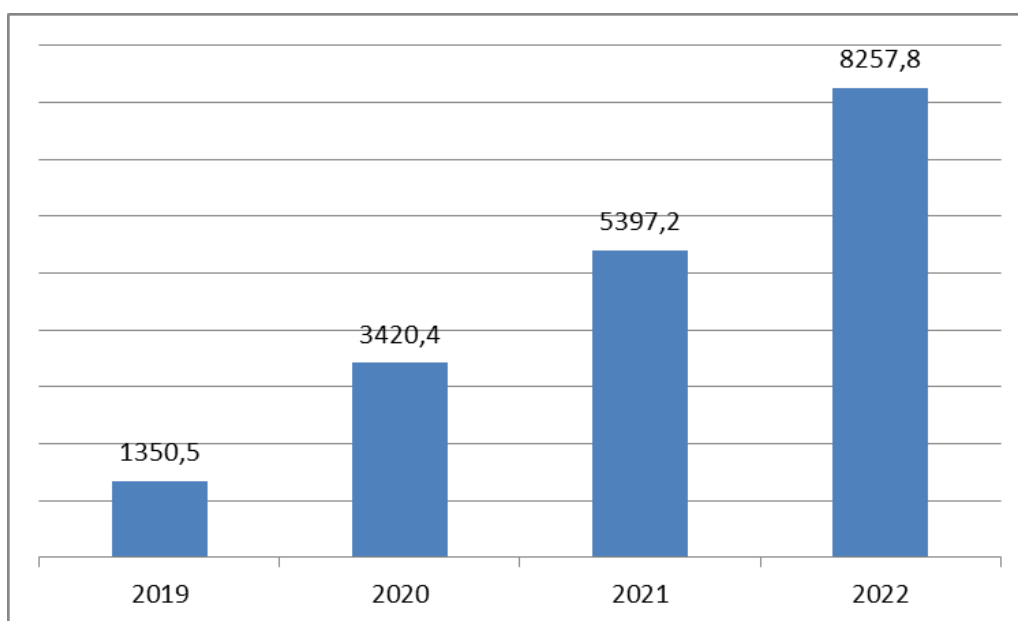
Основное отличие состоит в том, что в Уголовном кодексе дано понятие коррупции как коррупционного преступления, а в Законе о борьбе с коррупцией дано понятие коррупции как коррупционного правонарушения.

На рисунке 2 представлена динамика числа зарегистрированных фактов взяточничества, совершенных в Киргизской Республике в 2015–2022 годах.

Рис. 2. Динамика числа зарегистрированных фактов взяточничества

Как видно, пик роста таких преступлений приходится на 2019 год. Этому периоду сопутствуют и политические всплески с соответствующими последствиями. За последние три года существенных изменений в количественных показателях не произошло. При этом динамика материального ущерба Киргизской Республике от экономических преступлений за последние четыре года представлена на рисунке 3. Данные свидетельствуют о постоянном росте указанного ущерба, что обусловлено как инфляцией, так и ростом числа соответствующих преступлений.

Рис. 3. Сумма материального ущерба от экономических преступлений (в млн сомов)

Правоприменительная практика Киргизской Республики по вопросам противодействия преступлениям коррупционной направленности

К примерам успешной актуальной правоприменительной практики правоохранительных органов Киргизской Республики по вопросам противодействия преступлениям коррупционной направленности можно в первую очередь отнести следующие.

В мае 2023 года возбуждено уголовное дело по статье «Коррупция» УК КР в отношении президента Фонда поддержки развития туризма Киргизской Республики (далее – Фонд) Елены Калашниковой.

По данным правоохранительных органов, в 2022 году Фонду из бюджета государства был выделен 1 млрд сомов (около 11,5 млн долларов), из которых освоено более 608 млн сомов (около 7 млн долларов). По проекту строительства 21 точки отдыха, стоимость которых, по предварительным данным, завышена почти в два раза, подрядчикам переведено 100% от суммы контракта – более 105 млн сомов (около 1,2 млн долларов), но к настоящему времени в эксплуатацию не введен ни один объект, отсутствуют проектно-сметная документация, акты выполненных работ и обоснование для финансирования [6].

В июне 2023 года бывший президент Киргизской Республики Курманбек Бакиев приговорен к 10 годам лишения свободы по делу о коррупции на золоторудном месторождении Кумтор. Судом конфисковано его имущество, а также он лишен права занимать государственные должности в течение трех лет [7].

В июле 2023 года был задержан Улан Жапаров, сын двоюродного брата действующего президента Киргизской Республики Садыра Жапарова, за подозрение в совершении преступлений коррупционной направленности на таможне. Пресс-секретарем главы государства в этой связи было отмечено, что «любой гражданин, несмотря на свои родственные или другие связи, в

случае совершения преступления или правонарушения будет привлекаться к ответственности по строгости закона» [8].

Указанные примеры успешной правоприменительной практики свидетельствуют, что в Киргизской Республике ведется активная работа правоохранительных органов по привлечению лиц (в первую очередь высокопоставленных чиновников), причастных к совершению преступлений коррупционной направленности, к ответственности.

Причины коррупции в Киргизской Республике

По мнению ряда ученых [4; 9; 10; 11], причины коррупции в Киргизской Республике можно классифицировать следующим образом. В первую очередь, это причины социально-экономического характера. К ним можно отнести нестабильность в экономике государства, которая, как показывает опыт произошедших двух революций в Киргизской Республике, зависит от политической обстановки. Политическая нестабильность ставит под угрозу возможность поступления инвестиций, государство становится не привлекательным для иностранных инвесторов, поскольку отсутствие политической стабильности и развитие коррупционных проявлений в государственном аппарате управления не гарантируют инвесторам сохранность их вложений. Коррупционная практика увеличивает стоимость инвестиций и делает товары на рынке неконкурентоспособными. Результатом этого является потеря рабочих мест и налоговых поступлений в бюджет [12].

Ко второй группе можно отнести причины политического характера: отсутствие прозрачности принимаемых решений государственной властью, а также напряженная политическая обстановка в государстве. Беснаказанность должностных лиц, занимающих высокие посты в государстве, в случаях совершения ими злоупотреблений должностным положением приводит к таким негативным последствиям, когда общество не верит началу нового этапа борьбы с коррупцией в государстве.

Третью группу составляют причины организационного характера. Дублирование полномочий в нескольких государственных органах

обуславливает наличие большого штата государственных служащих. Это может выступать в качестве условия для совершения преступлений коррупционной направленности.

Отсутствие четко обоснованной организационной политики построения государственных органов и институтов зачастую приводит к тому, что с одновременным принятием решений о сокращении их численности и корректировке решаемых задач создаются новые структурные подразделения, что вызывает нарушение оптимизации системы государственных органов.

К четвертой группе относят причины нормативно-правового характера. Коррупцию порождает неоправданно большое количество запретов, разрешительных процедур и отсутствие механизма и правовой основы защиты интересов граждан, вовлеченных в деятельность органов государственной власти [13].

В настоящее время имеются определенные недостатки и коллизии в различных нормативных правовых актах, что может привести к злоупотреблениям со стороны правоприменителей и нарушению прав и законных интересов граждан.

И, наконец, в пятую группу входят причины морально-этического характера. Многими гражданами работа в государственных органах воспринимается как возможность улучшения своего положения за счет использования государственной должности в своих личных и корыстных целях или как возможность сохранения и защиты уже имеющихся материальных благ. Зачастую коррупция начинает восприниматься гражданами не правонарушением, а нормой поведения.

Ниже приведена таблица индекса восприятия коррупции в Киргизской Республике по показателю распространенности коррупции в государственном секторе, рассчитанного по методике Transparency International, основанной на комбинации общедоступных статистических данных и результатов глобального опроса (табл. 1).

Таблица 1

Рейтинг восприятия коррупции в Киргизской Республике

№ п/п	год	место в рейтинге
1	2015	123
2	2016	136
3	2017	135
4	2018	132
5	2019	126
6	2020	124
7	2021	144
8	2022	140

Рассмотрев представленную таблицу, можно сделать вывод, что согласно оценкам международной организации, приводимым в обнародованном пресс-релизе, Киргизская Республика в 2022 году заняла 140-е место среди 180 стран, улучшив свое положение на 4 позиции по сравнению с 2021 годом.

Следовательно, по такому объективному признаку ситуация с коррупцией в Киргизской Республике в целом не изменяется уже около 10 лет даже с учетом всех предпринимаемых руководством государства мер.

Следует отметить, что проведенный анализ законодательства Киргизской Республики в сфере борьбы с коррупцией, а также статистических сведений и современной правоприменительной практики по указанному вопросу является актуальным и необходимым для разработки предложений по внесению изменений и дополнений в уголовное законодательство по вопросам противодействия преступлениям коррупционной направленности [1].

В ходе проведенного анализа выявлены особенности антикоррупционной политики Киргизской Республики, которые позволяют государству осуществлять мероприятия по противодействию преступлениям коррупционной направленности, а также определить направления, по которым определенный опыт зарубежного законодателя может быть использован в законодательстве других государств, что является весьма актуальной задачей.

Список источников и литературы

1. Камышанский Д.Ю. Об актуальных проблемах противодействия коррупции (на примере Республики Армения) // Геополитическая картина мира: угрозы и вызовы: сборник материалов Международной научно-практической конференции, 9–11 декабря 2020 г., Москва / под ред. д-ра философских наук, проф. И.К. Харичкина. М. : МГЛУ, 2022. С. 439-446.
2. Охотский Е.В. Коррупция: сущность, меры противодействия // Социологические исследования. 2009. № 9.
3. Камышанский Д.Ю. Уголовно-правовая характеристика преступлений коррупционной направленности по законодательству Республики Таджикистан: особенности и проблемы // Научно-правовой журнал «Образование и право» № 5 (май). Москва. 2020. С. 304-312.
4. Сулайманова Н.Н. Уголовная ответственность за взяточничество по законодательству Киргизской Республики: дис. ... канд. юрид. наук. Бишкек, 2002.
5. Уголовный кодекс Киргизской Республики от 28 октября 2021 г. № 127. [Электронный ресурс] URL: <http://www.online.adviser.kg> (дата обращения: 04.10.2023).
6. По подозрению в коррупции задержана глава Фонда поддержки развития туризма Киргизии // [Электронный ресурс] URL.: <http://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/98174/> (дата обращения : 04.10.2023).
7. Экс-президент Киргизии приговорен к 10 годам тюрьмы за коррупцию // [Электронный ресурс] URL.: <http://google.com/amp/s/m.gazeta.ru/amp/politics/news/2023/06/11/20644892.shtml> (дата обращения: 04.10.2023).
8. Родственников президента Киргизии задержали из-за коррупции // [Электронный ресурс] URL.: <http://google.com/amp/s/m.lenta.ru/news/2023/07/06/zhaparovy/amp/> (дата обращения: 04.10.2023).

9. *Осмоналиев К.М.* Уголовная политика в сфере противодействия коррупции. Практика применения права судами Кыргызской Республики. Бишкек, 2006.

10. *Осмоналиев К.М.* Уголовная политика Кыргызстана: вопросы теории и практики. М., 2005.

11. *Сыдыкова Л.Ч.* Проблемы уголовного законодательства Кыргызской Республики (вопросы теории и методологии). Бишкек: Изд-во КРСУ, 2005.

12. *Мауленов Г.С.* Криминологические проблемы предупреждения коррупции и организованной преступности в Республике Казахстан. Астана, 2006.

13. *Бозиева З.А.* Коррупция как элемент теневой экономики в Кыргызской Республике // Проблемы науки № 8 (50). 2016.

Ярутин Ярослав Кириллович,
адвокат,
аспирант, Дипломатическая академия МИД России,
iaroslaviarutin@icloud.com

Научный руководитель:
Гуляева Елена Евгеньевна,
к.ю.н., доцент кафедры международного права,
Дипломатическая академия МИД России

Iaroslav K. Iarutin,
advocate,
Ph.D. student, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry,
iaroslaviarutin@icloud.com

Research advisor:
Elena E. Gulyaeva,
Cand. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor at the
Department of International Law of the
Diplomatic Academy under the Russian Foreign Ministry

**ТЕНДЕНЦИЯ К РАСШИРИТЕЛЬНОМУ ТОЛКОВАНИЮ НОРМ
МЕЖДУНАРОДНОГО ФИНАНСОВОГО ПРАВА (В КОНТЕКСТЕ
ОТСУТСТВИЯ «ОТВЕТСТВЕННЫХ ЛИЦ» В DEFI-МЕХАНИЗМАХ)
THE TENDENCY TOWARDS AN EXPANSIVE INTERPRETATION OF
INTERNATIONAL FINANCIAL LAW NORMS (IN THE CONTEXT OF
THE ABSENCE OF “OBLIGED ENTITIES” IN DEFI-MECHANISMS)**

Аннотация: в статье анализируются положения международного финансового права, регулирующие вопросы противодействия отмывания преступных доходов в области децентрализованных финансов (DeFi). Рассматривается архитектура международно-правового института ПОД/ФТ/ФРОМУ, механизмы претворения требований в отношении виртуальных активов, теоретико-правовые вопросы выделения «обязанного лица» в DeFi-механизмах, проблемы одноранговых транзакций (peer-to-peer, P2P), рекомендации международного сообщества в части надлежащего обеспечения финансовой безопасности. Реализация указанных международно-правовых подходов может быть существенно осложнена на практике. В этой связи государству необходимо детализировать отдельные международно-

правовые категории на уровне национального права и дополнить нормативно-правовую базу.

Ключевые слова: децентрализованные финансы, противодействие отмыванию преступных доходов, ПОД/ФТ/ФРОМУ, виртуальные активы, криптовалюта.

Abstract: the article analyzes the provisions of international financial law regulating the issues of countering money laundering (AML/CFT) in the field of decentralized finance (DeFi). The architecture of the international legal institute of AML/CFT, mechanisms of its realization, theoretical and legal issues of the identifying of an “obliged entities” in DeFi mechanisms, problems of peer-to-peer transactions (P2P), recommendations of the international community regarding the proper provision of financial security are considered. The implementation of these international legal approaches could be significantly complicated in practice. In this regard, the state needs to detail certain international legal categories at the level of national law and supplement the regulatory framework.

Key words: decentralised finance, anti-money laundering, AML/KYC, virtual assets, cryptocurrency.

Введение

Стремительное развитие виртуальных активов, которые распространяются вне пределов государственных границ, ставит перед человечеством серьезнейшие задачи в части формирования адекватного международно-правового регулирования нового явления.

Ввиду того что международно-правовой режим виртуальных активов сформировался под влиянием отдельных опасений международного сообщества, в настоящее время его сложно назвать комплексным и всесторонне развитым.

В этой связи наиболее проработанным представляется международно-правовое регулирование, сформированное для целей противодействия отмыванию преступных доходов. На особую озабоченность именно этой

группой рисков международное сообщество напрямую указало в коммюнике по итогам встречи министров финансов и управляющих центральными банками стран Группы двадцати от 9 июня 2019 года: «хотя криптоактивы не несут угрозы глобальной финансовой стабильности в этом смысле, мы внимательно относимся к рискам, которые, в том числе, связаны с защитой интересов пользователей и инвесторов, противодействием отмыванию денег и финансированию терроризма» [1].

Виртуальные активы в международно-правовом механизме ПОД/ФТ/ФРОМУ

Так как виртуальные активы представляют собой принципиально новый вид имущества, с которым человечество не сталкивалось ранее, Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) была поставлена перед дилеммой: либо встроить виртуальные активы в действующие международно-правовые рекомендации, для чего необходимо было бы обосновать физическую и правовую схожесть с успешно урегулированными видами имущества, либо формировать принципиально новые рекомендации с учетом особенностей и неоднородности виртуальных активов.

Ожидаемо, что бюрократы предпочли первый вариант, хотя его эффективность и практическая применимость вызывает ряд вопросов.

По мнению Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), виртуальным активом как отображением ценности в форме цифровых данных можно торговать в цифровом режиме либо осуществлять перевод. По мнению ФАТФ, виртуальный актив может использоваться как в платежных, так и в инвестиционных целях. Особо оговаривается, что для признания актива виртуальным необходимо, чтобы такой актив не являлся цифровым отображением урегулированных финансовых активов (например, ценных бумаг) [5]. Иными словами, под данное определение могут подойти совершенно разные виды имущества: например, криптовалюты (используются в основном в платежных целях), отдельные невзаимозаменяемые токены, или

NFT (используются, как правило, в инвестиционных и гедонистических целях), ICO-токены (используются исключительно в инвестиционных целях). В то же время очевидно, что типичные цели использования как минимум влияют на особенности оборота имущества (частота и характер сделок, количество посредников, реальная стоимость актива и обоснованность таковой и т.д.). В этом смысле объединение столь различающихся видов имущества вызывает ряд вопросов.

На основе этого (довольно спорного) подхода международным сообществом было разработано понятие «лицо, оказывающее [отдельные] услуги в области виртуальных активов» (virtual asset service provider, VASP) [5]. ФАТФ при этом подчеркивает, что для признания «лицом, оказывающим [отдельные] услуги в области виртуальных активов», необходимо, чтобы его деятельность не была урегулирована иными рекомендациями. Согласно определению, данному ФАТФ, лицо, оказывающее [отдельные] услуги в области виртуальных активов, – это физическое либо юридическое лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, которая состоит в предоставлении в интересах иных лиц какой-либо из следующих услуг:

- обмен виртуальных активов и фиатных валют;
- обмен различных форм виртуальных активов;
- перевод виртуальных активов, то есть проведение операции в интересах другого физического или юридического лица, результатом которой является перевод актива с одного адреса или аккаунта на другой;
- безопасное хранение и (или) администрирование виртуальных активов либо инструментов, позволяющих осуществлять контроль за такими активами;
- оказание финансовых услуг, связанных с организацией предложения эмитентом и (или) продажей виртуальных активов, либо участие в оказании таких услуг.

Концепция «обязанного лица»

Архитектура международной системы ПОД/ФТ/ФРОМУ выстроена таким образом, что практическую значимость нормы, разрабатываемые на уровне международного права, обретают во внутренних документах финансовых институтов (банков, страховых компаний, брокеров) и иных «обязанных лиц» (например, адвокатов, нотариусов), которые впоследствии применяются по отношению к их клиентам. Как указывалось, для целей эффективного международно-правового регулирования сферы виртуальных активов международное сообщество предпочло сохранить указанную структуру.

По аналогии с традиционными финансовыми институтами на VASP были наложены реальные обязательства (проведение KYC-процедур, выявление подозрительных операций, отчетность по операциям, хранение документации и т.д.). Понимая неоднозначность положений об обязательствах VASP в контексте их реальной применимости, международное сообщество дополнило правовой подход обязательностью прохождения лицензирования либо регистрации (как минимум в одной юрисдикции) для всех VASP. В этой связи международное сообщество рекомендует государствам «рассмотреть возможность использования ряда инструментов и средств, которые могут быть использованы для расследования деятельности нелицензированных или незарегистрированных VASP» [5].

Особо обращаем внимание на то, что подобная формулировка может быть важна для профильных ведомств, так как реальное осуществление функций VASP с точки зрения бизнес-процессов, очевидно, не требует регистрации, что подтверждается многочисленной практикой. Более того, регистрация либо лицензирование, сопровождающиеся наложением многочисленных compliance-требований, противоречат идеалам криптообщества, умаляют рыночную привлекательность альтернативной финансовой системы и, как следствие, вызывают отторжение в профессиональной среде. При этом именно на профильные государственные ведомства, по мнению международного сообщества, в конечном счете и

должно лечь значительное бремя по проведению анализа и осуществлению последующего контроля.

DeFi как вызов международной системе ПОД/ФТ/ФРОМУ

Применение формального подхода при формировании международно-правового регулирования, которое противоречит практике делового оборота и не учитывает особенностей виртуального имущества, привело к колоссальным практическим проблемам. Одной из таких проблем, имеющих крайне специфический характер и обладающих особой важностью для государства, является вопрос эффективного противодействия отмыванию денег в контексте развития децентрализованных финансов (decentralised finance, DeFi). Кто будет отвечать за применение AML-требований в том случае, когда отношения децентрализованные и какого-либо посредника (в лице т.н. VASP) выделить невозможно?

Данная проблема носит практический характер и представляется в высшей степени актуальной, в том числе и в связи с оценкой газеты Financial Times, согласно которой за 2021 год обороты DeFi-механизмов выросли в 5 раз и составляли 100 млрд долларов США [4]. Таким образом, децентрализованные финансы в некотором смысле превратились в вызов традиционной международно-правовой архитектуре, в основе которой лежит примат государства, обладающего, как предполагается, возможностями для обеспечения финансовой и экономической безопасности. С другой стороны, развитие DeFi-механизмов поставило перед международным сообществом и правовые вопросы: как регулировать данную область и возможно ли это в существующей международно-правовой парадигме?

Рекомендации международного сообщества

Опубликованная в конце 2021 года позиция ФАТФ указывает на необходимость активных действий государств на национальном уровне. В отношении DeFi было обозначено, что такие системы не являются VASP по смыслу международных рекомендаций в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ, однако «разработчики, владельцы, операторы либо иные лица, обладающие

контролем над механизмами DeFi либо существенным влиянием на них (даже если такие механизмы выглядят как децентрализованные), могут попасть под понятие VASP в той части, в коей они предоставляют [характерные для] VASP услуги либо деятельно содействуют их оказанию» [5]. Вместе с тем ФАТФ признает, что установление таких лиц может быть невозможно либо существенно затруднено. Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег прямо указывает на то, что рекомендации являются направлением для дальнейшей работы государств: оценка того, оказывает ли то или иное лицо услуги в качестве VASP, будет осуществляться компетентными государственными ведомствами на основе анализа каждой конкретной ситуации. Более того, необходимо «широкое понимание определений с практическими намерениями в отношении функционального подхода» [5]. Согласно позиции ФАТФ, в постоянном режиме с долгосрочной перспективой (in an ongoing and forward-looking manner) государствам надлежит отслеживать риски, исходящие из одноранговых транзакций, осуществляемых в режиме P2P (peer-to-peer) [5].

Помимо оперативно-розыскного и финансово-разведывательного компонентов, на которых акцентирует внимание ФАТФ, необходимо указать также и на необходимость детальной проработки норм национального права, в которых среди прочего будут содержаться критерии таких характеристик, как «существенное влияние» и «деятельное содействие». По мере появления практики на уровне национального права данный вопрос будет и далее актуализироваться, так как именно вопросы ПОД/ФТ/ФРОМУ, вследствие высокой степени проработки на уровне международного права, являются основой compliance-функции финансовых институтов. Иными словами, презюмируется, что «обязанное лицо» – в данном случае, например, разработчик DeFi, если таковой будет идентифицирован, – с точки зрения теории права будет обладать тем же объемом обязательств, что и традиционный финансовый институт. Следовательно, к такому «обязанному лицу» может быть применен ряд норм национального права, в том числе если

рассуждать в духе российской правовой традиции, меры гражданско-правовой, административно-правовой, финансово-правовой и уголовно-правовой ответственности.

Помимо этого, ФАТФ открыто предлагает государствам озаботиться углублением соответствующих требований ПОД/ФТ/ФРОМУ в плоскости права. По мнению ФАТФ, могут быть включены меры, направленные на:

— улучшение видимости операций в формате P2P либо между регулируемыми (*obliged*) и нерегулируемыми (*non-obliged*) организациями;

— осуществление углубленного надзора в части таких транзакций, где вовлечены кошельки, которые не требуют размещения денежных средств от третьей стороны (*unhosted wallet*);

— установление обязанности для VASP в части осуществления исключительно тех транзакций, которые признаются допустимыми в соответствии с риск-ориентированным подходом (RBA);

— установление обязанности для VASP в части осуществления транзакций исключительно с VASP и другими регулируемыми (*obliged*) лицами;

— установление дополнительных требований для VASP при осуществлении транзакций с нерегулируемыми (*non-obliged*) лицами;

— формирование правового массива (*guidance*) о важности RBA для транзакций в формате P2P, подкрепленного оценкой рисков, индикаторами, типологией;

— формирование правового массива (*public guidance* и *advisories*), направленного на повышение информированности о рисках, которые несут в себе транзакции в формате P2P (например, учет рисков, связанных с P2P-транзакциями отдельных пользователей, модели надлежащего поведения, местные и региональные риски, информация от регулирующих и правоохранительных органов).

В нынешней редакции положениями международного права установлены лишь общие направления, которые рекомендованы государствам

при формировании адекватного и действенного сочетания правовых норм, финансово-разведывательной и оперативно-розыскной деятельности. Реальное содержание этих направлений, как предполагается, будет определено именно государствами. Расширительное толкование норм международного финансового права, к которому призывают международные регуляторы, объяснимо, в противном случае была бы необходима полная переработка международно-правового режима виртуальных активов.

В этой связи какие последствия несет подобная архитектура международно-правовых норм? Во-первых, рассмотренные нормы, как представляется, являют собой рекомендацию для государств по расширению и усилению узкоспециальной международно-правовой экспертизы профильных ведомств. Во-вторых, ненадлежащее внедрение рассмотренных подходов, несмотря на их рекомендательный характер, может быть расценено как несоблюдение международных обязательств (со всеми неконвенциональными последствиями). Таким образом, внедрение тех или иных мер требует качественной аналитической проработки, так как может иметь обратный эффект – формирование замкнутых и нерегулируемых экосистем незаконных доходов (по аналогии с хавалой, фэйцзянь [3; 6]) и уход в тень действующих в установленном порядке VASP под тяжестью регуляторной нагрузки. Очевидно, что эти факторы могут поставить под сомнение достижение конечной цели усилий российского государства как части мирового сообщества.

С другой стороны, на государственном уровне представляется важным детализировать рассмотренные правовые критерии и характеристики. Конечно, недопустимо потворствовать анархично развивающейся параллельной финансовой системе, однако необходимо понимать две вещи. Во-первых, должная правовая проработка и, главное, обоснованность критериев играют на пользу рынку, то есть такой шаг позволит привлечь разработчиков. Это как раз тот случай, когда право может превратиться в конкурентное преимущество в деле привлечения иностранных (в случае

виртуальных активов правильнее, наверное, было бы сказать, глобальных) инвестиций и высококвалифицированных специалистов. Во-вторых, из сложившегося международно-правового вакуума можно извлечь пользу, так как развитие DeFi-бизнеса в российской юрисдикции позволит в какой-то мере решить проблему санкционного давления на нашу страну. Конечно, полноценно обойти внешние ограничения не получится, однако децентрализованные финансы могут нивелировать проблему с проведением зарубежных транзакций в интересах населения, малого и среднего бизнеса.

Особую политическую важность развитие DeFi имеет в контексте глубинных интересов государства, а именно осуществления глобального экономического перехода [2].

Таким образом, сложная механика всей совокупности государственных интересов России, которые, как представляется, состоят в должном исполнении международных обязательств (в том числе неформальных), формировании дружественной регуляторной среды для российских и иностранных инвесторов и разработчиков, удовлетворении требований государственной безопасности, требует всестороннего, практико-ориентированного, детального и творческого анализа рисков, свойственных различным группам DeFi-транзакций.

Список источников и литературы

1. Communiqué of [G20] Finance Ministers and Central Bank Governors Meeting: official text as of June, 2019 [Electronic resource] // Official website of the Japanese Ministry of Foreign Affairs. — Available at: https://www.mofa.go.jp/policy/economy/g20_summit/osaka19/pdf/documents/en/communique.pdf (accessed on November 28, 2022)

2. *Iarutin, I.* The world of 2050: Yin-transition to the ‘Soft Dictatorship’ [Electronic resource] // Official website of the Russian International Affairs Council. — Available at: <https://russiancouncil.ru/en/blogs/iaroslav->

iarutin/the-world-of-2050-yintransition-to-the-soft-dictatorship/(accessed on August 11, 2023)

3. *Rosenbaum, M.* A Paper Chase in a Paperless World: Regulating Informal Value Transfer Systems[Text] // Columbia Journal of Transnational Law. — 2012. — Vol. 50

4. *Szalay, E.* Global regulators target blockchain-based ‘decentralised finance’[Text] // Financial Times. — 2022. — October 24.

5. Updated Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers): official text as of March, 2022 [Electronic resource] // Official website of the FATF. — Available at: <https://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/recommendations/Updated-Guidance-VA-VASP.pdf> (accessed on November 28, 2022)/

6. *Walker, C.* Security from Terrorism Financing: Models of Delivery Applied to Informal Value Transfer Systems[Text] // British Journal of Criminology. — 2016. — 56 (2016). — p. 1125-1145.

Шорохов Вячеслав Евгеньевич,
руководитель научного проекта «Антикоррупционный комплаенс в
контексте современных моделей государственной антикоррупционной
политики», НОЦ «Комплаенс» МГУ им. М.В. Ломоносова,
vyacheslav@shorokhov.info

Шорохова Алиса Александровна,
ученый секретарь научного проекта «Антикоррупционный комплаенс в
контексте современных моделей государственной антикоррупционной
политики», НОЦ «Комплаенс» МГУ им. М.В. Ломоносова,
martynova.alisa@yandex.ru

Клюев Артем Андреевич,
старший преподаватель кафедры философии и социальных наук,
НГПУ им. К. Минина, Нижний Новгород,
участник научного проекта «Антикоррупционный комплаенс в
контексте современных моделей государственной
антикоррупционной политики»,
НОЦ «Комплаенс» МГУ им. М.В. Ломоносова,
artemklyuev1@gmail.com

Vyacheslav E. Shorokhov,
scientific project manager, Research and Education Center «Compliance»,
Lomonosov Moscow State University, Moscow,
vyacheslav@shorokhov.info

Alisa A. Shorokhova,
scientific secretary of the scientific project,
Research and Education Center «Compliance»,
Lomonosov Moscow State University, Moscow,
martynova.alisa@yandex.ru

Artem A. Kluev,
senior lecturer of the department of philosophy and social sciences,
Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University,
participant of the scientific project, Research and Education Center
«Compliance», Lomonosov Moscow State University, Moscow,
artemklyuev1@gmail.com

**РОЛЬ РОССИИ В РАЗВИТИИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ
ПОЛИТИКИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
THE ROLE OF RUSSIA IN THE DEVELOPMENT
OF ANTI-CORRUPTION POLICY IN THE POST-SOVIET SPACE**

Аннотация: в статье анализируется генезис антикоррупционного
законодательства в рамках всестороннего взаимодействия стран Содружества
Независимых Государств. Делается акцент на правовых документах и

соглашениях, принятых в ходе развития международного сотрудничества по вопросам противодействия коррупции. Проводится диахронический анализ правовых документов, в ходе которого фиксируются изменения и трансформации опорных пунктов их содержания. Устанавливается решающая роль универсальной модели антикоррупционной политики, формирующейся на основе рекомендаций Организации Объединенных Наций, и не менее значительный вклад России в определение специфики и методики многоаспектной борьбы с коррупцией. Вместе с тем актуальность данного исследования также определяется спецификой региональных моделей коррупции на постсоветском пространстве и необходимостью учета их особенностей при выработке мер противодействия данному деструктивному феномену.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, антикоррупционная политика, постсоветское пространство, СНГ, Россия.

Abstract: the article analyzes the genesis of anti-corruption legislation within the framework of comprehensive interaction between the countries of the Commonwealth of Independent States. Emphasis is placed on legal documents and agreements adopted in the course of the development of international cooperation on combating corruption. A diachronic analysis of legal documents is carried out, during which changes and transformations of the strong points of their content are recorded. The decisive role of the universal model of anti-corruption policy, which is formed on the basis of the recommendations of the United Nations, is established, as well as Russia's no less significant contribution to determining the specifics and methods of the multifaceted fight against corruption. At the same time, the relevance of this study is also determined by the specifics of regional models of corruption in the post-Soviet space and the need to take into account their features when developing measures to counter this destructive phenomenon.

Key words: corruption, anti-corruption, anti-corruption policy, post-Soviet space, CIS, Russia.

Коррупция на постсоветском пространстве стала результатом перехода к свободному рынку и распада советского государства. Хотя она существовала и ранее, но таких масштабов и характера, как в условиях рыночных преобразований, не достигала. Только с началом периода нормализации экономики и формирования правовой базы, соответствовавшей рыночным условиям, на постсоветском пространстве стали вырабатываться эффективные способы преодоления коррупционного влияния на государственный аппарат и частный сектор. При этом каждая из стран действовала независимо, ориентируясь, главным образом, на внутренний опыт противодействия этому явлению и на локальную специфику коррупционных практик, что привело к формированию различающихся по характеру моделей противодействия коррупции, хотя в целом они объединены общим историческим опытом и едиными правовыми нормами, устанавливавшими ответственность за преступления коррупционной направленности в советский период.

Осознание опасности коррупции для нормального развития государства, соблюдения прав личности и эффективного функционирования экономики подвигло международное сообщество, в первую очередь Организацию Объединенных Наций (далее – ООН), к обобщению опыта противодействия коррупции в различных странах мира и выработке на его основе единых рекомендаций. Следствием присоединения к ним большинства постсоветских государств стал процесс формирования региональной модели противодействия коррупции, что, безусловно, соответствовало общей логике рекомендаций ООН и позволяло учитывать характер коррупционных проявлений в странах Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) и в других постсоветских государствах. В этом аспекте лидирующую роль взяла на себя Россия, что определялось как уровнем ее политического влияния, так и существенно большими, в сравнении с другими постсоветскими государствами, возможностями для обобщения и анализа коррупционных практик и разработки эффективных рекомендаций по противодействию

коррупции с учетом существующих особенностей на постсоветском пространстве.

Так, стоит отметить, что страны постсоветского пространства обладают рядом общих признаков государственной антикоррупционной политики, причем некоторые из них прямо соотносятся с превалирующим влиянием международного права, например, такие как субъекты коррупции и некоторые квалифицирующие признаки. Одновременно общность постсоветской модели определяется и отличиями от других групп стран, что связано с развитием государственной политики в области противодействия коррупции в постсоветский период не только в схожих условиях, но и в тесном взаимодействии. Оно складывается преимущественно в рамках региональных соглашений, направленных на противодействие коррупционным проявлениям, где решающую роль в их выработке играет наша страна.

Разработка и принятие региональных соглашений находят свою поддержку и со стороны ООН, поскольку эффективное противодействие коррупции способствует «процветанию наций» как основной цели этой организации [17].

Создание базовых антикоррупционных региональных соглашений относится к рекомендациям ООН, поскольку дает возможность более эффективного противодействия этому явлению во взаимосвязи с особенностями действующих региональных коррупционных практик. Причем на постсоветском пространстве они проявляются особенно заметно, поскольку складывались в условиях распада единого государства и перехода к рыночной экономике. В этой связи формирование общей политики противодействия коррупции на постсоветском пространстве может рассматриваться как процесс адаптации основных рекомендаций ООН в данной сфере к региональным условиям. Также стоит подчеркнуть, что наиболее активно выработка общих антикоррупционных мер ведется именно в границах СНГ.

Первоначальный этап развития антикоррупционных мер, включавший в себя только формирование общей правовой основы для взаимодействия стран,

был связан с принятием Конвенций о сотрудничестве в СНГ 1993 года [3] и 2002 года [2]. В 2002 году также была принята Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах – участниках СНГ [4].

Непосредственно прямых вопросов противодействия коррупции данная Конвенция не касалась, но положениями ч. 2 ст. 12 и ч. 2 ст. 19 Конвенции были установлены обязательства государств принимать меры к предупреждению злоупотреблений в ходе выборов, поскольку такие злоупотребления могут поставить участников избирательного процесса в неравное положение.

Подобные легальные гарантии, вполне очевидно, могут и должны рассматриваться как одно из средств предупреждения политической коррупции [18]. Схожее понимание данного явления представлено в п. 12 проекта Резолюции ООН о совершенствовании противодействия коррупции на международном уровне, где также признается необходимость повышения прозрачности финансирования избирательного процесса и обеспечения доступа избирателей к публичной информации [23].

Именно по этой причине данная Конвенция может выступать и рассматриваться как первый из специальных актов, направленных на противодействие коррупции в границах стран – участниц СНГ. Политическая коррупция получила признание как одна из современных форм этого деструктивного явления на постсоветском пространстве раньше, чем на международном уровне, что также следует отметить в качестве особенности постсоветской модели. Связана она, очевидно, с высоким уровнем политической нестабильности на первоначальном этапе развития этой группы стран в рыночных условиях и значительным влиянием злоупотреблений в политической сфере на другие виды коррупции [21].

Последующее развитие антикоррупционной политики на постсоветском пространстве определялось принятием соответствующих положений Конвенции ООН против коррупции (далее – Конвенция), к которой Россия официально присоединилась только в 2006 году [12]. Между тем также

отметим, что с 2003 года на территории нашей страны была запущена и действовала Санкт-Петербургская инициатива, получившая активную поддержку со стороны ООН [13].

В конце 2003 года, в рамках данной инициативы, был принят базовый для этой области законодательный (типовой) акт – Модельный закон «Основы законодательства об антикоррупционной политике» [7]. Основные положения Модельного закона включали в себя:

— уточнение ряда понятий. В частности, коррупция стала рассматриваться с точки зрения получения выгод, обусловленных должностным положением, что нашло свою последующую реализацию в законах о противодействии коррупции большинства государств постсоветского пространства. Была сформирована основа для противодействия коррупции административными средствами, поскольку было введено понятие коррупционного правонарушения. Эта категория также была использована в административном праве многих стран СНГ [15];

— отдельные антикоррупционные меры. Меры политики противодействия коррупции стали охватывать ее предупреждение, основанное на антикоррупционном просвещении, сотрудничестве с гражданскими институтами, а также повышении эффективности управления государственной службой. Были учтены рекомендации Конвенции, помимо этого, была принята во внимание специфика коррупционных практик на постсоветском пространстве. В частности, как отдельная цель рассматривалось противодействие политической коррупции, признавалась необходимость увеличения вознаграждений государственных служащих;

— особенности проведения антикоррупционной политики в государствах – участниках СНГ. Сферы антикоррупционной политики также учитывали особенности коррупционных практик на постсоветском пространстве, в том числе тесную связь коррупции с приватизацией, лицензированием и сертификацией;

— классификацию правонарушений. Была введена классификация коррупционных правонарушений, причем она имела реальное практическое значение, поскольку содержала перечень коррупционных практик, сложившихся на постсоветском пространстве. Были определены наиболее значимые коррупционные сферы и риски;

— принятие рекомендаций Конвенции с учетом региональных особенностей. Меры противодействия коррупции учитывали рекомендации Конвенции, помимо этого, принимались во внимание реально существующие противоречия в сфере правового регулирования гражданской службы, указывалось на необходимость формирования более эффективных подходов управления государственными служащими на основе административно-правовых механизмов;

— антикоррупционные стандарты. Стандарты противодействия коррупции также включали ее основные сферы и учитывали специфику этого социально-экономического явления на постсоветском пространстве, в частности возможности злоупотреблений при контроле над предприятиями в ходе приватизации;

— вопросы международного сотрудничества. Были установлены основы международного сотрудничества, которое включало в себя не только взаимодействие с международным сообществом, но и развитие на этой основе актуальных мер противодействия коррупции на постсоветском пространстве.

Таким образом, данный Модельный закон в свое время позволил не только сформировать национальное законодательство о противодействии коррупции, но и учесть особенности коррупционных практик на постсоветском пространстве. Особое внимание на этом уровне уделялось противодействию политической коррупции. Вместе с тем с правовой точки зрения создавались основы для совершенствования правового регулирования государственной службы. Именно несовершенство данного института административного права во многом служило причиной коррупции в

большинстве стран СНГ. Помимо прочего, субъектами коррупции также были признаны сотрудники иностранных компаний и международных организаций.

Принятие первого Модельного закона определило последующее развитие государственной антикоррупционной политики на постсоветском пространстве. Следующим документом стал Модельный закон в усовершенствованном варианте 2008 года [9]. В качестве основных положений, отличавших его от предшествующей редакции, выступали следующие.

— Были уточнены цели: они включали в себя совершенствование государственного аппарата и более обоснованное распределение компетенций между органами власти, обеспечивающими противодействие коррупции. Такой подход отражал результаты внедрения первой редакции Модельного закона, когда была сформирована современная основа правового регулирования государственной службы. Дополнительно также учитывалась необходимость взаимодействия между профильными государственными органами различных стран СНГ.

— Содержание коррупции стало включать понятие общего покровительства. Было учтено разнообразие возможных коррупционных вознаграждений. Они были определены как любые необоснованные преимущества, в том числе нематериального характера, но «торговля влиянием» по-прежнему не рассматривалась как вид коррупции. Определение коррупции было приближено к положениям Конвенции, поскольку учитывался виновный характер коррупционного правонарушения, также был уточнен круг лиц, в пользу которых могут создаваться коррупционные выгоды.

— Перечень принципов противодействия коррупции также был расширен и стал близок к положениям Конвенции: отдельным принципом признается сотрудничество, меры противодействия коррупции рассматриваются с учетом их системного характера.

— Международное сотрудничество теперь включает разработку согласованной политики, направленной на противодействие коррупции.

— Наиболее существенно был расширен перечень мер противодействия коррупции: он включает специальные требования к претендентам на должности в органах власти [14], независимость коррупционных расследований, предоставление поддержки общественным институтам, деятельность которых ориентирована на противодействие коррупции. Для государственных служащих устанавливается обязанность раскрытия информации, вводится принцип ротации.

— Были уточнены полномочия отдельных субъектов противодействия коррупции, в том числе в области международного сотрудничества.

— Были распределены обязанности антикоррупционных органов в сфере мониторинга.

Подобные уточнения Модельного закона с практической стороны расширили перечень положений, связанных с институтом государственной службы и относящихся к противодействию коррупции. Однако отметим, что не все государства, присоединившиеся к Модельному закону, выполнили эти требования.

Весомое практическое значение для повышения эффективности противодействия коррупции на постсоветском пространстве имело принятие Модельного закона «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [6]. Перечень наиболее характерных для нормативных правовых актов критериев, способствующих коррупционному поведению, был установлен ст. 5 данного закона и включает неопределенность норм, широту полномочий, противоречия с другими актами, а также недостаточное использование конкурсных процедур.

В рамках данного Модельного закона были сформированы организационные основы экспертизы нормативных правовых актов, в частности установлены единые полномочия субъектов антикоррупционной экспертизы, которыми признаются парламент, прокуратура и минобщ. Была также создана правовая основа института независимой антикоррупционной

экспертизы и определен порядок использования результатов оценки коррупциогенных факторов, содержащихся в нормативных правовых актах.

Таким образом, закон позволил сформировать единые для стран СНГ механизмы предупреждения коррупции в сфере правового регулирования, был установлен единый перечень критериев, позволяющих судить о коррупционном характере того или иного нормативного правового акта.

Региональным органом, ответственным за координацию усилий отдельных стран в сфере международного сотрудничества в области противодействия коррупции, стал Международный государственный совет (далее – Совет), статус которого был определен соглашением «Об образовании Межгосударственного совета по противодействию коррупции» [16]. Основным направлением деятельности Совета стала подготовка рекомендаций по совершенствованию региональных механизмов противодействия коррупции на постсоветском пространстве. С 2015 года заседания Совета проводятся на ежегодной основе в различных принимающих странах – участницах СНГ [5].

Функции Совета включают в себя разработку совместных программ, направленных на реализацию государственной антикоррупционной политики, информационное взаимодействие по вопросам противодействия коррупции между государствами, организацию антикоррупционного обучения и обмена опытом, совместные научные исследования в этой сфере.

Эффективность деятельности Совета в этом контексте сложно переоценить – такой формат работы позволяет в сжатые сроки формировать и утверждать единую нормативно-правовую основу противодействия коррупции на региональном уровне, учитывающую современные формы коррупционных практик, свойственных государствам постсоветского пространства. Помимо этого, более эффективным становится сотрудничество стран – участниц СНГ с международными организациями по этим вопросам. Создание данного Совета позволило также учесть рекомендации ООН, относящиеся к научным исследованиям в сфере противодействия коррупции.

Рекомендации ООН также были учтены при создании единых правил антикоррупционного мониторинга, основу которых составил Модельный закон «Об антикоррупционном мониторинге» [8]. Принятие данного Модельного закона имело вполне определенную цель и способствовало формированию практических механизмов этого направления противодействия коррупции на национальном уровне.

Так, направления мониторинга коррупционной ситуации, согласно Модельному закону, включают в себя:

- оценку коррупционной составляющей нормативных правовых актов, что является уточнением к иным модельным законам в этой области;
- анализ реализации нормативных правовых актов во взаимосвязи с их влиянием на уровень коррупционных проявлений;
- предоставление данных мониторинга субъектам нормотворческой деятельности;
- создание механизмов участия гражданских институтов в разработке механизмов, направленных на противодействие коррупции;
- обеспечение доступности публичных сведений о состоянии коррупции в странах постсоветского пространства.

Механизмы антикоррупционного мониторинга, по сравнению с первоначальным содержанием в Модельном законе «О противодействии коррупции», были дополнены практической составляющей, выражающейся в обобщении практических аспектов влияния нормативных правовых актов на состояние коррупции, что, в свою очередь, способствовало более эффективной оценке их коррупционной составляющей. Помимо этого, в рамках мониторинга одновременно ведется оценка общего состояния коррупции на постсоветском пространстве, что также соответствует одной из основных рекомендаций ООН.

Кроме того, был уточнен перечень источников сведений антикоррупционного мониторинга, основу которого составляют как данные статистики, так и ведомственные исследования в этой сфере. Создана база для

формирования на основе полученной в ходе мониторинга информации единых отчетов, дающих объективную оценку состоянию коррупции в стране. Практическое значение также связано с возможностью выявления характерных для конкретного государства коррупционных практик, что способствует более эффективной «настройке» национальной системы противодействия коррупции. Вместе с этим в составе Модельного закона был сформирован порядок взаимодействия субъектов мониторинга и представления его результатов, которые должны быть доступны, в том числе представителям международных организаций, и использоваться в деятельности Совета, а также были определены требования к представлению результатов мониторинга и сферам их использования [1].

Как следствие, антикоррупционный мониторинг становится не только средством оценки эффективности государственной антикоррупционной политики, но и одним из действенных способов повышения самой эффективности противодействия этому деструктивному явлению.

Последующее развитие антикоррупционной политики на постсоветском пространстве связано с принятием Концепции сотрудничества 2017 года, которая охватила в своих положениях следующие направления сотрудничества:

- развитие правового регулирования мер противодействия коррупции;
- разработка программ противодействия коррупции на территории стран – участниц СНГ;
- координация в виде разработки и реализации отдельных антикоррупционных региональных мероприятий;
- сотрудничество при расследовании коррупционных преступлений;
- создание действенных механизмов оценки эффективности мер противодействия коррупции на уровне регионального сотрудничества;
- антикоррупционное обучение и обмен опытом [11].

Таким образом, государствами СНГ в рамках данной Конвенции были уточнены и закреплены вполне конкретные формы совместного

взаимодействия, отдельное значение придается информационной и научной составляющим сотрудничества в сфере противодействия коррупции, а с организационной точки зрения ведущую роль играет Межгосударственный совет по противодействию коррупции. Именно на него возложена в том числе оценка эффективности принимаемых в рамках Концепции сотрудничества антикоррупционных мер, отчеты по которым ежегодно утверждаются решениями Межпарламентской ассамблеи СНГ.

В 2020 году была принята действующая Концепция сотрудничества. Основные положения, по сравнению с Концепцией 2017 года, включают в себя принятие регионального соглашения, направленного на противодействие коррупции в странах СНГ [10]. Это соглашение должно объединить уже имеющийся опыт регионального сотрудничества в данной сфере и будет направлено на повышение эффективности используемых механизмов противодействия коррупции и совершенствование регионального мониторинга коррупционной ситуации.

Подводя итог проведенному исследованию, следует отметить, что развитие единой антикоррупционной политики на постсоветском пространстве основывается на принятии соответствующих модельных законов, направленных не только на реализацию основных рекомендаций ООН в области противодействия коррупции, но и на разрешение практических проблем в этой сфере, обусловленных особенностями коррупционных практик в странах СНГ. Участие и роль России в этих процессах определяются в первую очередь обеспечением готовности стран СНГ не только к принятию, но и последующей имплементации региональных норм, направленных на противодействие коррупции. Благодаря усилиям российской стороны выработаны и актуализируются соответствующие рекомендации, учитывающие современные формы коррупционных проявлений, наравне с рекомендациями международных организаций. Практическое значение с этой точки зрения имеют принятие и дальнейшая реализация ряда типовых актов, которые определяют основные направления и меры антикоррупционной

политики и учитывают практическую потребность стран СНГ в совершенствовании институтов государственной службы, формировании единых стандартов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, организации мониторинга коррупционной ситуации. С организационной точки зрения отдельное значение имеет создание Межгосударственного совета по противодействию коррупции, являющегося коллегиальным органом в сфере противодействия коррупции и отвечающего за реализацию совместных усилий государств – участников СНГ в этом направлении. Деятельность данного Совета способствует формированию региональной нормативно-правовой основы противодействия коррупции, обеспечивает мониторинг эффективности предпринимаемых антикоррупционных мер на уровне СНГ, обеспечивает более эффективное сотрудничество с международными организациями по этим вопросам.

Антикоррупционные инициативы России получили поддержку не только со стороны ООН, но и к ним присоединилось большинство постсоветских государств. Именно по этой причине, вполне закономерно, формирование современных моделей противодействия коррупции на постсоветском пространстве определяется едиными региональными особенностями, где каждая из стран учитывает специфику коррупционных проявлений как на национальном, так и на общетерриториальном уровнях.

Активное участие нашей страны в этом процессе является наиболее предпочтительным, поскольку рекомендации ООН, хотя и учитывают существующие форматы коррупционных практик, но не могут эффективно внедряться во многих государствах в силу особенностей их конституционного строя и государственного устройства. Между тем большинство стран на постсоветском пространстве объединены общими чертами организации государственного аппарата, имеют схожий опыт противодействия коррупции на первоначальном этапе рыночных реформ. Помимо этого, российская сторона существенно лучше осведомлена о состоянии коррупции и

эффективности принимаемых антикоррупционных мер в ближнем зарубежье – соседних государствах СНГ.

Таким образом, сталкиваясь с современными коррупционными вызовами и угрозами, осознавая необходимость противодействия им в сотрудничестве с другими странами, Россия, безусловно, реагирует и формирует соответствующие актуальные антикоррупционные инициативы [19; 20; 22]. Более того, стоит подчеркнуть, что значительная часть этих мер может быть реализована с существенно большей эффективностью по сравнению с непосредственным внедрением рекомендаций ООН, поскольку эти рекомендации при выработке предложений уже не только учитываются, но и дополняются специфическими антикоррупционными мерами, разработанными строго в целях снижения коррупционных проявлений на постсоветском пространстве.

Список источников и литературы

1. *Астальцева О.А.* Анализ антикоррупционного законодательства стран Содружества независимых государств // Молодой исследователь: вызовы и перспективы: Сборник статей по материалам CXLIX международной научно-практической конференции. М.: ООО «Интернаука», 2020. С. 38.
2. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Заключена в г. Кишиневе 07.10.2002) // Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. № 2(41). С. 82-130.
3. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Заключена в г. Минске 22.01.1993) (ред. от 28.03.1997) (вступила в силу 19.05.1994, для Российской Федерации 10.12.1994) // Бюллетень международных договоров. № 2. 1995.
4. Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках Содружества Независимых Государств (Заключена в г. Кишиневе 07.10.2002) //

Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. № 2(41). С. 131-150.

5. Межгосударственный совет по противодействию коррупции // Интернет портал СНГ. – URL: <https://e-cis.info/cooperation/3227/> (дата обращения: 16.06.2023).

6. Модельный закон об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (Принят в г. Санкт-Петербурге 17.05.2012 Постановлением 37-12 на 37-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Единый реестр правовых актов и других документов СНГ. – URL: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=3493> (дата обращения 16.06.2023).

7. Модельный закон «Основы законодательства об антикоррупционной политике» (Принят в г. Санкт-Петербурге 15.11.2003 Постановлением 22-15 на 22-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2004. № 33. С. 225-260.

8. Модельный закон об антикоррупционном мониторинге (Принят в г. Санкт-Петербурге 29.11.2013 Постановлением 39-21 на 39-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2014. № 60 (часть 2).

9. Модельный закон о противодействии коррупции (новая редакция) (Принят в г. Санкт-Петербурге 25 ноября 2008 г. Постановлением № 31-20 на 31-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ) // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. № 43. 2009.

10. О Концепции дальнейшего развития Содружества Независимых Государств и Плане основных мероприятий по ее реализации: Решение Совета

глав государств СНГ (Принято 18.12.2020) // Единый реестр правовых актов и других документов СНГ. – URL: <http://www.cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=6363> (дата обращения: 16.06.2023).

11. О Концепции сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в противодействии коррупции: Решение Совета глав государств СНГ (Принято в г. Сочи 11.10.2017) // Единый реестр правовых актов и других документов СНГ. – URL: <http://www.cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=5675> (дата обращения: 16.06.2023).

12. О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции: Федеральный закон от 08.03.2006 № 40-ФЗ // СЗ РФ. 20.03.2006. № 12. Ст. 1231.

13. Предупреждение коррупции и перевода активов незаконного происхождения, борьба с этими явлениями и возвращение таких активов в страны происхождения: Резолюция 59-й сессии Генеральной ассамблеи ООН A/RES/59/242 от 22 декабря 2004 г. // Система официальной документации Организации Объединенных Наций. – URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/59/242> (дата обращения 16.06.2023).

14. *Резюк В.И.* Кандидаты на назначение на должность как объект антикоррупционного регулирования в модельном законе СНГ «О противодействии коррупции» и по законодательствам Российской Федерации и Республики Беларусь // Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако: Материалы III Международной научно-практической конференции. В 2-х томах / отв. ред. В.Ю. Стромов. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2019. С. 417.

15. *Резюк В.И.* Понятие коррупции в модельном законе СНГ «О противодействии коррупции» и по законодательствам Российской Федерации и Республики Беларусь // Актуальные проблемы противодействия коррупции: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с

международным участием / отв. ред. И.Р.Гарифуллин. Уфа: Башкирский государственный университет, 2020. С.48.

16. Соглашение об образовании Межгосударственного совета по противодействию коррупции от 25 октября 2013 // Бюллетень международных договоров. № 1. 2015.

17. Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) (с изм. и доп. от 20.12.1971) // Действующее международное право. Т. 1. М.: Московский независимый институт международного права, 1996. С.7-33.

18. *Шорохов В.Е.* Политический коррупционный лоббизм // Развитие территорий. 2017. № 4 (10). С. 46-49.

19. *Шорохов В.Е.* Современная модель государственной антикоррупционной политики в России // Российская юстиция. 2020. № 9. С. 2-4.

20. *Шорохов В.Е.* Уголовно-правовые аспекты коррупционных преступлений // Избранные вопросы современной науки : монография. Часть XXIII. / Научный ред. д.п.н. проф. С.П. Акутина. М.: Издательство «Перо», 2016. С. 21-49.

21. *Януш О.Б.* Коррупция в информационно-политическом пространстве // Управление устойчивым развитием. – 2019. – № 1 (20). – С. 79.

22. *Shorokhov V.E.* Anti-corruption policy in the Russian Federation // European Journal of Natural History. 2017. No. 3. P. 22-23.

23. Our common commitment to effectively addressing challenges and implementing measures to prevent and combat corruption and strengthen international cooperation: Draft resolution submitted by the President of the General Assembly // UN. – URL: <https://undocs.org/en/A/S-32/L.1> (accessed: 16.06.2023).

Круглый стол ИАМП ДА МИД России и ИКСА РАН «Китай – один из полюсов формирующегося мироустройства»

18 апреля 2023 года в Дипломатической академии МИД России (ДА МИД России) прошло заседание круглого стола «Китай – один из полюсов формирующегося мироустройства», организованного Институтом актуальных международных проблем (ИАМП) ДА МИД России и Институтом Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН). Наряду с экспертами указанных научных центров, в дискуссии приняли участие специалисты из Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Института Африки РАН, Института Латинской Америки РАН и Института стран СНГ.

В ходе заседания был обсужден широкий круг вопросов, касающихся внутренней и внешней политики Китая. Значительная часть выступлений была посвящена отношениям России и Китая с США на фоне мировой геополитической трансформации. Контуры нового миропорядка пока не определились, однако очевидно, что одним из крупнейших акторов, оказывающих влияние на его формирование, является Китай. Быстро сокращается разрыв между уровнем значимости геополитической роли, а также экономического потенциала КНР и США. Китай все активнее содействует продвижению решений глобальных проблем, предлагает миру широкий набор внешнеполитических инициатив, которые находят отклик в странах Мирового большинства. Быстрыми темпами осуществляется переход экономики Китая к интенсивному типу развития, в большой степени ориентированному на высокие технологии.

Стремительный рост авторитета Китая и его сближение с Россией по многим глобальным вопросам, относящимся к созданию справедливого многополярного мира, вызывают активное сопротивление Запада, стремящегося любой ценой сохранить лидирующие позиции на международной арене. Последние полтора года ознаменовали собой новую эпоху в российско-китайских отношениях: несмотря на беспрецедентное давление Запада и рекордное количество антироссийских санкций, Москва и

Пекин не просто сохранили имевшиеся темпы развития двусторонних отношений, но и вывели их на новый уровень.

Вместе с тем приоритетом России, в том числе и в сотрудничестве с Китаем, являются ее национальные интересы. Выступления участников круглого стола были посвящены теме сохранения баланса между тесным многосторонним стратегическим российско-китайским взаимодействием, выгодными для нашей страны, отстаивающим право на значительную роль в мировом переустройстве. Ряд идей был представлен к публикации в данном выпуске журнала «Вестник ученых-международников».

К нашему прискорбию 29 сентября 2023 года во время подготовки данного выпуска к печати на 77 году жизни скончался один из авторов – Андрей Сергеевич Давыдов. Андрей Сергеевич был известным ученым-международником, отличался научной и гражданской принципиальностью, был искренним патриотом России. Его работы, посвященные различным аспектам внешней политики КНР, включая китайско-американские отношения, представляют большую ценность для российской политической науки. В последние годы жизни Андрей Сергеевич работал ведущим научным сотрудником Центра «Россия, Китай, мир» ИКСа РАН, ведущим редактором издательского отдела и председателем Редакционно-издательского совета ИКСа РАН.

Коллектив Дипломатической академии МИД России и редколлегия журнала «Вестник ученых-международников» выражают глубокие соболезнования родным, близким и коллегам Андрея Сергеевича.

*Оргкомитет конференции:
Живора Л.И.,
Мартынова Д.О.,
Мустафабейли А.М.*

Володин Андрей Геннадьевич,
доктор исторических наук, профессор,
Дипломатическая академия МИД России,
главный научный сотрудник ИНИОН РАН,
andreivolodine@gmail.com

Andrey G. Volodin,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Diplomatic Academy of the MFA of Russia,
Principal Researcher, Institute for Scientific Information in Social Sciences,
Russian Academy of Sciences (INION RAS),
andreivolodine@gmail.com

**ОТНОШЕНИЯ «ГИГАНТОВ»:
ИНДИЯ И КИТАЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
THE “GIANTS” IN CONTEMPORARY WORLD POLITICS:
CASE OF INDIA AND CHINA**

Аннотация: в статье отношения между Индией и Китаем рассматриваются исторически, начиная с проведения линии Мак-Магона (1914 год), положившей начало противоречиям двух стран по проблеме территориального разграничения. Отмечается особая роль пограничного конфликта 1962 года в сохранении противоречий между Индией и КНР. Показаны возможности улучшения межгосударственных отношений, значительную роль в котором может сыграть интеграция в Евразии с участием России.

Ключевые слова: Индия, Китай, Советский Союз, США, Россия, БРИКС.

Abstract: the article examines the relations between India and China historically, starting with the inception of the McMahon Line (1914), which initiated the contradictions between the two countries on the issue of territorial delimitation. The special role of the border conflict of 1962 in the preservation of contradictions between India and China is noted. The possibilities of improving interstate relations are shown, in which integration in Eurasia with the active participation of Russia can play a significant role.

Keywords: India, China, the Soviet Union, USA, Russia, BRICS.

Происходящее в течение последнего года переформатирование мирового порядка обострило академический и практический интерес к конкретным формам становления новой, полицентрической модели международных отношений. По признанию специалистов-международников, важная геополитическая роль в мире ближайшего будущего принадлежит Индии и Китаю, двум наиболее населенным странам мира. Отношения индийского слона и китайского дракона принадлежат к числу наиболее сложных и запутанных в мировой политике. Участники форматов БРИКС, РИК и ШОС, Индия и Китай, две сверхкрупные страны ойкумены, уже более 60 лет никак не могут отрегулировать двусторонние связи, чем систематически и искусно пользуются внерегиональные игроки, прежде всего Америка. Россия, как этически, так и практически, заинтересована в скорейшей и полной нормализации отношений между Дели и Пекином, однако на пути урегулирования находится груз прошлых противоречий и недоверия, тогда как некоторые из проблем унаследованы из периода британского владычества и являются продуктом имперской политики «разделяй и властвуй».

Так, линия Мак-Магона (как часть соглашения о размежевании Британской империи и Тибета), узаконенная в 1914 году, в данный момент является границей между Индией и Китаем. Сложные споры вокруг делимитации границы, возникшие во второй половине 1950-х годов, в конечном счете привели к пограничной войне двух стран 1962 года и качественному ухудшению их взаимоотношений. По сути дела, спор о границе до сих пор является камнем преткновения в отношениях Индии и Китая (вторая «мина исторического действия» в Азии – линия Дюранда, почти 2 650-километровая, практически неразмеченная граница между Афганистаном и Пакистаном, – возникла вследствие попыток Англии расширить Британскую Индию и противостоять «экспансии» Российской империи в направлении Индостана).

Проблема географического размежевания для Индии воздействует не только на всю систему двусторонних отношений между индийским слоном и китайским драконом. Пограничная проблема, прямо либо косвенно, влияет на следующие измерения двусторонних отношений.

Историческая память индийского общества. В результате трагических событий осени 1962 года в сознании народа и особенно индийских элит возникло устойчивое ощущение «исторической ущербности», которое впоследствии было купировано Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с Советским Союзом (1971 год). Договор 1971 года объективно повысил геополитический статус «крупнейшей демократии мира» до «почти» великой державы. Соответственно, разрыв ткани советско-индийского сотрудничества в результате распада СССР оказался, как вскоре выяснилось, ущербным для наших стран и ускорил тренд в сторону укрепления отношений Индии с США как с неким «гарантом», балансирующим влияние в Азии Китая, к тому же начавшего «историю» форсированного экономического роста. Сложность преодоления ущербности исторической памяти в том, что военно-политический реванш Индии невозможен хотя бы потому, что оба государства обладают значительными арсеналами ядерного оружия.

Динамика экономического роста. По расчетам экономических историков, до 1980 года Индия опережала Китай по многим показателям социально-экономического развития [2]. В настоящее время при равном количестве народонаселения объем ВВП Поднебесной опережает аналогичный индийский показатель уровня развития по меньшей мере в 4 раза. К тому же на будущее экономического развития Индии может оказать влияние ухудшение экологических условий воспроизводства хозяйственной системы этой страны уже в ближайшие десятилетия [4]. Одними из факторов, балансирующих неблагоприятный контекст внутреннего развития общества, некоторые индийские авторы (Зоравар Даулет Сингх) считают укрепление кооперационных связей с Россией и более активную интеграционную

политику официального Дели в Евразии при уплотнении и диверсификации связей с РФ [1; 3].

Эволюция социальной структуры индийского общества к концу первой четверти XXI века. В настоящее время социально-демографическая структура населения Индии претерпевает энергичные качественные изменения. Во-первых, в составе населения страны значительно возросла доля молодежных групп (демографическая когорта 18–35 лет), которые оказывают все возрастающее влияние на характер индийской политики. Молодежные демографические группы более прагматично, чем представители старших поколений, воспринимают внешнеполитическую проблематику, в частности индийско-китайские отношения. Их политическую ориентацию можно передать следующими словами: да, проблемы территориального размежевания между Индией и Китаем существуют, они имеют сложное историческое происхождение, однако их решение стоит доверить профессионалам – политикам, дипломатам и военным (речь идет о повышении уровня боеготовности индийских вооруженных сил). Помимо этого, Индия и Китай – слишком крупные общества (обладающие к тому же немалыми ядерными арсеналами), чтобы одно из них, при неконтролируемой эскалации конфликта, смогло нанести «неприемлемый» ущерб другому в одностороннем порядке. Во-вторых, подавляющий прирост населения Индии приходится на представителей низких и низших каст (в указанных социальных группах процессы воспроизводства населения происходят интенсивнее, чем в более высоких по социальному статусу кастовых кластерах), которые озабочены прежде всего своим *социально-имущественным статусом*. Низкостатусные группы населения менее интеллектуально развиты, чем представители «верхних этажей» социальной структуры. Их мировоззренческий горизонт заметно уже, чем у представителей средних и высоких каст. Для данных групп социальной структуры отношения Индии и Китая имеют второстепенное значение в сравнении с социально-экономической проблематикой развития страны. Безусловный приоритет для данных кастовых кластеров сохраняют

такие политические ориентиры, как выравнивание социальных статусов высших и низших групп каст и снижение социально-имущественных диспропорций.

Логика эволюции внешней политики

В сложной пограничной «проблеме», при объективной и «стереоскопической» ее оценке, обвинять либо Китай, либо Индию неисторично. В 2005 году Академия общественных наук КНР опубликовала аналитический документ, в котором ответственность за индийско-китайский пограничный конфликт возлагалась на британскую колониальную администрацию и на проводившуюся Лондоном с начала XX века имперскую политику «разделяй и властвуй». Ученые напоминали, что в 1956 году премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай заявил, что легитимация линии Мак-Магона от 1914 года означала бы «национальное унижение» Поднебесной. Летом 2012 года, в преддверии 50-летия со дня начала «пограничной войны» 1962 года, была заново опубликована серия статей, появившихся в «большой» индийской (англоязычной) прессе в августе–сентябре 1962 года. Лейтмотивом тех публикаций был призыв к решительности в отношении Китая, обращенный к премьер-министру страны Джавахарлалу Неру. В свете надвигающихся роковых событий сторонники конфликта с Пекином апеллировали к неизменно бескомпромиссной антикитайской позиции выдающегося деятеля Индийского национального конгресса и близкого соратника Махатмы Ганди Валлабхая Пателя (1875–1950). Дж. Неру, таким образом, оказался заложником внутривосточной ситуации, ход и логика развития которой приобрели к концу лета 1962 года необратимый характер. Таким образом, раскол между двумя ведущими странами Азии стал свершившимся фактом.

В настоящее время мы наблюдаем противоречивые тенденции в индийской политической мысли относительно будущего развития индийско-китайских связей. Свою лепту в эволюцию отношений индийского слона и китайского дракона вносят и процессы, приведенные в действие событиями 24

февраля 2022 года. Итак, можно выделить *два* подхода правящей элиты «крупнейшей демократии мира» к Поднебесной, которые могут вытекать из водораздела в мировой политике, проявившегося в последний год.

Первый подход логически отталкивается от *диверсификации* внешней политики основной части членов мирового сообщества, начавшейся после событий 24 февраля 2022 года.

1. Такие страны, как Египет, Саудовская Аравия, Турция, ОАЭ, Индонезия, начинают осуществлять курс стратегической автономии в мировых делах. От Индии требуются не созерцание перемен, а активная реакция на новые тенденции в международных отношениях, учет деятельного участия Поднебесной в новых мировых процессах.

2. Индии приходится считаться с тем, что Китай, резко увеличивший свою внешнеэкономическую и геополитическую активность в Западной Азии и других регионах мира, неумолимо и безвозвратно становится участником создания новой мировой системы и что международное сообщество (за исключением стран «золотого миллиарда») приветствует активную дипломатическую деятельность Поднебесной на данном направлении. Подчеркивается также, что Индия как «государство-цивилизация» не должна выполнять функции младшего партнера Соединенных Штатов и позволять вовлечь себя в рискованную деятельность по сдерживанию Китая, тем более в компании Японии и Австралии, стран с недостаточным демографическим и геополитическим потенциалом для такого рода деятельности, и к тому же (Австралия) явно географически удаленных от предполагаемого театра дипломатических действий.

3. Сущностью политики Индии в Азиатско-Тихоокеанском регионе, как полагают сторонники данной точки зрения, должна стать линия на укрепление платформы АСЕАН, а не подыгрывание США в попытках разделить данное объединение на соперничающие между собой группы стран Юго-Восточной Азии.

4. Устоявшееся во внешнеполитическом истеблишменте мнение о «враждебности» Китая и соответствующий «воинственный» настрой в отношении Поднебесной являются «интеллектуальной архаикой». После выборов 2024 года политическое руководство должно освободиться от рефлексов прошлого, и в этом важном деле Индии поможет укрепление связей с Россией.

Второй подход к концепции внешней политики и к отношениям с Китаем можно назвать «прагматическим консерватизмом», ориентированным на поэтапное решение повседневных проблем при понимании «рационального преобразования» старого мирового порядка. Основными элементами такого подхода являются следующие тезисы:

— сохраняющаяся важность для Индии отношений с США, Западной Европой и Японией, в т. ч. в сфере высоких технологий;

— расширение и углубление отношений с Россией в различных отраслях внешнеэкономического сотрудничества, включая ВТС, атомную и классическую энергетику;

— увеличение объема внешнеэкономических связей с Китаем, которые не охватывают, однако, области высоких технологий;

— продвижение идеи полицентричного мира через участие Индии в форматах РИК, БРИКС, ШОС;

— общая сбалансированность внешнеполитической линии, в основе которой лежит «дружба со всеми странами, даже с теми, которые находятся в антагонистических отношениях друг с другом».

В противоборстве нескольких предлагаемых линий внешнеполитического поведения Индии, как правило, пальма первенства не достается ни одной из них. Особенность политической культуры «государства-цивилизации» такова, что правящие группы наиболее предпочтительной моделью дипломатической стратегии полагают некий синтез, образующийся в результате отбора и последующей интеграции в общий замысел наиболее сильных сторон конкурирующих внешнеполитических парадигм. Однако

можно с уверенностью говорить о том, что новая роль Китая в формировании полицентричного мироустройства будет учитываться при построении модели межгосударственных отношений двух стран-гигантов на исходе первой четверти XXI века.

При общей оценке перспектив развития отношений Индии с Китаем необходимо учитывать следующее обстоятельство философского порядка: неприятие гегемонии Запада – это важная часть «стратегической культуры» этой страны. Данное соображение, как правило, не принимается во внимание в Америке. Аналогичным образом в Вашингтоне забыли о том, что многочисленные санкции, инициированные в предшествовавшие десятилетия Америкой, нанесли значительный ущерб индийской экономике и чувству национального достоинства индийцев. Улучшение качества индийско-китайских отношений будет зависеть, как отмечают аналитики, от способности России убедить обе стороны в том, что новое мироустройство способно растворить в себе их прежние противоречия и разногласия. Индийские эксперты-геополитологи полагают, что активная посредническая и миротворческая деятельность Пекина, стремление Поднебесной стать своеобразной альтернативой американской политике «разделяй и властвуй» могут побудить Китай к более прагматичному, деидеологизированному подходу к пограничной проблеме. Большой пластичности в отношениях с Индией может потребовать и решение проблемы Тайваня, для чего нужна дружественная международная среда.

Нередко возникает почти сакраментальный вопрос: почему Индия столь высоко оценивает необходимость стратегического диалога с США? Обычно называют несколько причин. Во-первых, существование фактора «великого северного соседа» – Китая, обладающего большим экономическим и военно-техническим потенциалом. Во-вторых, это сохраняющаяся *инерция* политического мышления истеблишмента в Дели, по-прежнему опасующегося непредсказуемых действий «непознаваемого» Китая. В-третьих, наличие сильной (т.е. экономически преуспевающей и политически влиятельной)

индийской диаспоры в США, не склонной к поведенческим крайностям как правого, так и левого свойства (в отличие от диаспор в Англии и Канаде), с одной стороны, и традиционно предубежденной в отношении геополитических намерений Поднебесной – с другой.

Однако существует и четвертый фактор, или обстоятельство политэкономического происхождения. Суть этого фактора состоит в том, что у Индии (страны со вторым крупнейшим, после Америки, дефицитом внешнеторгового баланса) наблюдается устойчивый и значительный профицит в торговле с Соединенными Штатами. Так, в 2022–2023 годах экспорт Индии в Америку увеличился до 78,30 млрд долларов, тогда как импорт не превысил 50,24 млрд долларов (профицит, таким образом, составил 28,06 млрд долларов). В то же время контрастно выглядят аналогичные данные по товарообороту с Китаем: экспорт из Индии составил 15,32 млрд долларов, а импорт в Индию – 98,51 млрд долларов (образовавшийся дефицит в 83,2 млрд долларов, как отмечают экономические аналитики, увеличился с 72,91 млрд долларов в 2021–2022 годах). Эксперты по финансам полагают, что значительная часть сформировавшегося у Индии профицита в торговле с Соединенными Штатами образовалась вследствие массивного реэкспорта в США российской нефти, а также нефтепродуктов, переработанных на индийских НПЗ из российских углеводородов. Некоторые оптимистически настроенные индийские аналитики полагают, что подобный тренд во внешнеэкономических связях с Америкой сохранится и в будущем, поскольку обе страны заинтересованы в ослаблении зависимости от «враждебного» Китая. При этом, как представляется, подобные умонастроения не вполне учитывают общее бедственное состояние американского внешнеторгового баланса, с одной стороны, и нарастающие протекционистские настроения в США – с другой.

Правящие круги в Дели чувствуют, что коллективный Запад делает все возможное и невозможное, чтобы вовлечь «крупнейшую демократию мира» в новую холодную войну на своей стороне. Давление на премьер-министра

Н. Модии со стороны глобалистов, от имени и по поручению которых нередко выступают Дж. Сорос и связанные с финансистом политические личности, оживление брожения в пограничном с Пакистаном штате Пенджаб (гальванизация «проекта Халистан», точнее повторное, после 1980-х годов, его «издание») – эти и другие события и процессы вынуждают правительство Индии к жестким ответным мерам. Так, прекращение переговоров с Соединенным Королевством о создании зоны свободной торговли между двумя странами свидетельствует, с одной стороны, о решимости Индии отстаивать свою стратегическую автономию в мировой политике, а с другой стороны, указывает правящим кругам этой страны путь в полицентричный мир на правах одного из его важных «гравитационных полей», с опорой на расширение долгосрочного и многопрофильного сотрудничества с Россией и другими дружественными странами. Движение по этому пути, как представляется, поможет ослабить имеющиеся историческую подоснову индийско-китайские противоречия и тем самым нейтрализовать усилия США и их сателлитов по сохранению отживших свой век правил и институтов западнцентричного миропорядка.

Список источников и литературы

1. *Володин А.Г.* Новое видение мировой политики: взгляд из Дели//Мировая экономика и международные отношения, 2022, т. 66, № 5, сс. 135– 143.
2. *Bardhan P.* *Awakening Giants, Feet of Clay. Assessing the Economic Rise of China and India.* Princeton–Oxford: Princeton University Press, 2010. – 172 p.
3. *Daulet Singh Z.* *Powershift. India–China Relations in a Multipolar World.* L.– New Delhi: Macmillan, 2020. – 335 p.
4. *Jha P.Sh.* *India and China. The Battle between Soft and Hard Power.* New Delhi: Penguin Viking, 2010. – 398 p.

Дейч Татьяна Лазаревна,
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт Африки РАН,
tdeich@yandex.ru

Tatiana L. Deich,
Doctor of History, Leading Researcher,
Institute of Africa, Russian Academy of Sciences,
tdeich@yandex.ru

**КИТАЙ В АФРИКЕ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ
МНОГОПОЛЯРНОСТИ
CHINA IN AFRICA IN THE CONDITIONS OF THE EMERGING
MULTIPOLARITY**

Аннотация: статья посвящена роли Китая в Африке в условиях становления многополярности в мире. Актуальность темы обусловлена тем, что растущие экономический вес и политическая значимость Африки делают ее ареной острой конкурентной борьбы, превращающейся в условиях жесткого противостояния международных игроков в форму конфликта «Восток – Запад». Сегодня в борьбе за Африку лидирует Китай – ее крупнейший торговый партнер и важный инвестор в африканскую экономику. Позитивное развитие российско-китайских отношений актуализирует возможность сотрудничества Китая и России в Африке.

Ключевые слова: Китай, Африка, сотрудничество, торговля, инвестиции, визиты, Россия, США.

Abstract: the article investigates the China's role in Africa in the conditions of the emerging multipolarity in the world. The relevance of the topic is due to the fact that the growing economic weight and political importance of Africa make it an arena of acute competition, which turns into a form of East-West conflict in the conditions of fierce confrontation between international players. Today, China is a leader of the fight for Africa – its largest trading partner and the fourth investor in the African economy. The positive development of Russian-Chinese relations actualizes the possibility of China-Russia cooperation in Africa.

Keywords: China, Africa, cooperation, trade, investment, visits, Russia, USA.

Африка – динамично развивающийся регион

Африканский континент обретает растущую значимость. Несмотря на пандемию коронавируса, к началу 2021 года из десятка стран с наиболее высокими темпами ВВП семь находились в Африке. Африка занимает ведущие позиции в мире по сырьевым товарам, не имеющим аналогов и жизненно необходимым, в частности для развития инновационных технологий XXI века, а уже в следующем десятилетии она превратится, по прогнозам, в важнейший стратегический резерв источников сырья. К тому же Африка – растущий рынок производства и услуг, современных технологий, наукоемкой продукции, рабочей силы и потребительских товаров. Она уже вступила в этап индустриального подъема и ускоренной модернизации производственного потенциала, и, как считают эксперты Института Африки РАН, «вероятен сценарий вызревания к 2030 году единого общеафриканского полюса как силы глобальной значимости» [1].

Обострение конкурентной борьбы за страны Африки

Изменение положения Африки в международной системе координат привлекает к ней внимание крупных мировых держав. Конкурентная борьба за политические и экономические позиции в странах континента обостряется, принимая в условиях жесткого противостояния традиционных и новых игроков форму конфликта «Восток – Запад». Африканские государства и по совокупному весу в Генассамблее ООН, и благодаря экономическому и демографическому росту, и как источник полезных ископаемых имеют для США и их союзников большое значение. Стремясь удержать Африку в орбите своего влияния, США пытаются играть на расовых чувствах африканцев, назначая на ключевые для них должности чернокожих американцев. Так, в августе 2022 года командующим Африканскими вооруженными силами США (AFRICOM) стал генерал Майкл Лэнгли, афроамериканец из Корпуса морской пехоты [3]. Страны континента до сих пор выражают недовольство контролем

бывших колонизаторов над их политикой и экономикой. Это подтверждают массовые демонстрации в 2023 году против политики неокOLONиализма Франции в странах Западной Африки: ЦАР, Мали, Гвинея, Буркина-Фасо, Нигере. Францию обвиняют в том, что соглашения, навязанные ею странам Африки, предоставляют Парижу доступ к африканским ресурсам и в то же время ограничивают экспорт этих ресурсов в другие страны [2].

Китай расширяет сотрудничество с Африкой

В конкурентной борьбе за страны континента лидирует Китай. Китай – крупнейший торговый партнер стран континента. Китайско-африканские торговые отношения пережили спад в связи с пандемией, однако затем они вновь стали расти в среднем на 20% в год. По данным Генеральной администрации китайской таможни, в 2019 году они выросли на 22%, составив \$208,7 млрд [10], а в 2021 году составили \$254 млрд [11]. В 2022 году объем китайско-африканской торговли продолжал расти и должен был составить \$282 млрд [8]. Рост состоялся вопреки пандемии, нанесшей ущерб цепочкам снабжения.

Китай – 4-й инвестор в Африку. Согласно Китайско-африканской инициативе Университета Джона Хопкинса, с 2013 года китайские ПИИ росли на 26,1% ежегодно и составили в 2018 году \$5,4 млрд. В 2019 году в связи с пандемией произошел спад до \$2,7 млрд, а в 2020 – снова подъем до \$4,2 млрд; в 2021 году объем ПИИ составил \$3,7 млрд долл. Накопленные ПИИ КНР выросли за 17 лет почти в 100 раз: с \$490 млн в 2003 году до \$43,4 млрд в 2020 году [7]. На китайские компании приходится, по оценкам, 1/8 промышленного производства континента. Созданная с китайской помощью цифровая инфраструктура играет ведущую роль в цифровизации Африки. На 2022 год 52 страны Африки подписали с Китаем соглашения о сотрудничестве в рамках инициативы «Один пояс, один путь» – самое большое количество стран на одном материке стали участницами китайского глобального внешнеполитического проекта.

С 2016 года китайское кредитование стран континента стало сокращаться. Китай реализует меньше мегапроектов, делая упор на торговлю и инвестиции. На конференции Форума сотрудничества Китай – Африка (ФОКАК) в Дакаре в ноябре 2021 года Пекин впервые понизил свои финансовые обязательства с 60 млрд долл в 2018 году до 40 млрд. Главная причина – рост долговой зависимости стран Африки.

Движущей силой Китая в Африке вновь становится политика. Заметно крепнут политические связи Пекина со странами континента, сотрудничество в военной сфере и в сфере безопасности. Важное место отводится в китайско-африканских отношениях обмену визитами, в том числе на высшем уровне. Как пишет известный китаист Дэниэл Лардж, Си Цзиньпин совершил 4 визита на континент в качестве председателя КНР, а всего 9 визитов, что способствовало повышению его имиджа в Африке. Китай оказался в более выгодном положении, нежели США, поскольку последним американским президентом, посетившим Африку, был Обама [12].

Традиционный визит в Африку министра иностранных дел КНР

2023 год начался Пекином с традиционного визита в Африку министра иностранных дел КНР, посетившего пять стран: Эфиопию, Бенин, Анголу, Габон и Египет. В программу визита входили также встречи с главой Комиссии Африканского союза в Эфиопии и с Генсеком Арабской лиги в Египте. Визит совершил Цинь Ган, получивший назначение 30 декабря 2022 года и на тот момент сменивший на этом посту Ван И. Целью первого китайского визита высокого уровня в Африку после трехлетней изоляции страны в связи с пандемией COVID-19 было подтвердить африканским партнерам готовность Пекина укреплять с ними всестороннее сотрудничество. Все пять стран получили поддержку Китая в решении своих приоритетных задач. 2023 год важен Эфиопии для восстановления от пандемии и от последствий гражданской войны с сепаратистами провинции Тыграй. Китай – один из главных кредиторов страны, и стране обещано облегчение выплат по долгам. Сферы сотрудничества Китая с Габоном – изменение климата, экотуризм,

лесные ресурсы. Ангола – один из ведущих африканских партнеров Китая и сегодня самый крупный должник Пекину из пяти стран, где побывал китайский министр: ее долг – 22 млрд долл., причем треть суммы получена в 2021 году. Бенин получил кредиты на развитие транспортной и цифровой инфраструктуры. Он также заинтересован в помощи Пекина в строительстве шоссе Абиджан – Лагос. Как крупный производитель хлопка, орехов кешью и соевых бобов Бенин рассчитывает на экспортный рынок Китая и надеется с его помощью преобразовать свой сельскохозяйственный сектор. Египет – самое популярное в Африке место отдыха китайских туристов, и развитие туризма является приоритетным направлением двустороннего сотрудничества, как и строительство шоссейных и железных дорог, промышленных парков (Суэцкая зона торгово-экономического сотрудничества). Визит министра иностранных дел КНР продемонстрировал желание Пекина быть ведущим стратегическим партнером стран Африки, расширяя сотрудничество на двустороннем и многостороннем уровнях [12].

Пекинское руководство активно использует все формы гуманитарного сотрудничества для создания имиджа Китая в Африке как дружественной страны. В политике «мягкой силы» Пекина видное место занимает помощь в сфере медицины и образования. Китай внес существенный вклад в борьбу с пандемией COVID-19. Будучи в Африке, Цинь Ган посетил церемонию открытия построенного при содействии Китая Африканского центра контроля и предотвращения заболеваний (Africa CDC) в Аддис-Абебе. Центр рассчитывает на помощь Пекина в производстве вакцин и медикаментов [12]. В 2021 году египетская фармацевтическая компания VACSERA сотрудничала с китайской Sinovac в производстве вакцин против COVID-19. В феврале 2022 года было произведено 30 млн доз. Египет планирует стать африканским региональным хабом по производству вакцин в сотрудничестве с Китаем.

Как оценивают политику Китая в Африке

Китай – не альтруист, он руководствуется собственными интересами. Нередки жалобы африканцев на коррупцию, плохое обращение китайских

фирм с африканскими рабочими, на вред, наносимый китайскими предприятиями местным экосистемам. Критикуя отдельные аспекты политики Китая, африканцы в целом положительно оценивают его роль в Африке как способствующую экономическому развитию континента. Согласно опросам, проведенным в 2022 году «Афробарометром» в ряде стран, 63% граждан считают, что Китай оказывает «очень большое» или «определенное» позитивное влияние на Африку. Опросы, которые провел в том же 2022 году в семи африканских странах журнал «Экономист», дали похожий результат. Автор статьи в «Экономисте» в мае 2022 года назвал самой большой ошибкой Запада взгляд на китайско-африканские отношения, который строится на концепции, сводящей роль Китая к позиции гигантской строительной компании, либо он преувеличивает эту роль, обвиняя Пекин в дипломатии «долговых ловушек» [9].

Возможности российско-китайского сотрудничества в Африке

Позитивное развитие российско-китайских отношений в последние годы актуализирует возможности двух стран сотрудничать в Африке. Как заявил глава Департамента по делам Африки МИД КНР Дай Бин на встрече с российским коллегой Андреем Кемарским, Пекин хочет объединить усилия с Москвой, чтобы развивать регион, поддерживать в нем мирную обстановку. Китайский дипломат отметил, что два государства могут сочетать взаимные преимущества в совместной работе [5]. Россия зарекомендовала себя в Африке как надежный экспортер безопасности, Китай – как экономический партнер. Стремление сторон к сотрудничеству показал и 2-й китайско-российский диалог по проблемам и развитию Африки, проходивший в 2019 году в Китае.

Интересы России и Китая в Африке не являются антагонистическими. Как отметил 9 декабря 2022 года в интервью газете «Аргументы и Факты» специальный представитель президента РФ по Ближнему Востоку и странам Африки, заместитель министра иностранных дел РФ Михаил Богданов, нет оснований для соперничества между двумя странами в Африке. «Наоборот, по многим вопросам африканской повестки китайские партнеры выступают как

наши единомышленники. Совместно с Пекином, например, мы не раз блокировали антималийские инициативы, которые вносились на рассмотрение СБ ООН французами». По его словам, гегемония коллективного Запада неуклонно уходит в прошлое, и государства Африки являются частью этих глобальных процессов. Позицию Китая по ситуации в мире выразил глава МИД КНР Ван И, заявивший, что Китай вместе с Россией и другими заинтересованными государствами готов содействовать развитию многополярности [4].

Перспективы российско-китайского сотрудничества, в том числе в Африке, открывает государственный визит в Москву в марте 2023 года Председателя КНР Си Цзиньпина. Совместное российско-китайское заявление на сайте Кремля гласит, что Россия и Китай будут укреплять контакты и координацию по вопросам, связанным с африканскими государствами [6]. Две страны настроены на сотрудничество в Африке.

Список источников и литературы

1. *Абрамова И.О.* Африка в современной модели мироустройства: весомый игрок или аутсайдер? // *Контур*ы глобальных трансформаций. 2018. Т.11.№5, С.6-21. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-6-21
2. *Бовдунов А.* Россия и африканское «пробуждение». Перспективы борьбы с неокOLONIALИЗМОМ в XXI в.. // *Катехон*. 29 июня 2022 г. URL: <https://katehon.com/ru/article/rossiya-i-afrikanskoe-probuzhdenie-perspektivy-borby-s-neokolonializmom-v-xxi-veke> (дата обращения: 30.06.2023)
3. *Борьба за Африку: США бросают вызов России и Китаю. Африканский континент как поле битвы за многополярность* // *Катехон*. 23 декабря 2022 г. URL: <https://katehon.com/ru/article/borba-za-afriku-ssha-brosayut-vyzov-rossii-i-kitayu> (дата обращения: 30.06.2023)
4. *Воробьев В.* В МИД РФ рассказали об отношении Москвы к соперничеству с Китаем в Африке. // *Аргументы и факты*. 9 декабря 2022 г. URL: https://aif.ru/politics/world/v_mid.rf (дата обращения: 30.06.2023).

5. Дай Бин: Китай с Россией должны усилить взаимодействие в Африке // РИА Новости. 22 октября 2018 г. URL: <https://ria.ru/20181022/1531168847.html> (дата обращения: 30.06.2023).
6. Россия и Китай будут укреплять контакты по вопросам стран Африки. // РИА Новости. 21 марта 2023 г. URL: <https://ria.ru/20230321/afrika-1859602621.html> (Дата обращения: 30.06.2023)
7. China-Africa Cooperation from a Supply Chain Perspective. // Chinese Investment in Africa 2022. China-Africa Business Council China-Africa Forum. 2022. P.73-79. URL: <http://www.focac.org/eng/zgqyztzfbg/202109/P020220914839052969255.pdf> (дата обращения: 30.06.2023)
8. China-Africa trade surges to a record USD 282 billion in 2022. // China Lusophone Brief. 23 января 2023 г. URL: <https://www.clbrief.com/china-africa-trade-surges-to-a-record-usd-282-billion-in-2022/> (дата обращения: 30.06.2023)
9. The Chinese-African relationship is important to both sides, but also unbalanced // The Economist. 20 мая 2022 г. URL: <https://www.economist.com/special-report/2022/05/20/the-chinese-african-relationship-is-important-to-both-sides-but-also-unbalanced> (дата обращения: 30.06.2023)
10. *Nyabiage J.* China's trade with Africa grows 22% in 2019 to 208 bn. // South China Morning Post. 18 января 2020 г.
11. *Olander E.* China-Africa Trade in 2021 Amounted to \$254 Billion Breaking an All-Time Record // China-Africa Project. Январь 2022 г. URL: chinaafricaproject.com (дата обращения: 30.06.2023)
12. Yuxin Yu and Charlic Zong. What will African leaders seek to gain from welcoming China's new Foreign minister? A look at the priorities the AU, Ethiopia, Gabon, Angola, Benin and Egypt have for their relationship with China. // The Diplomat. 11 января 2023 г. URL: <https://thediplomat.com/2023/01/what-will-african-leaders-seek-to-gain-from-welcoming-chinas-new-foreign-minister/> (дата обращения: 30.06.2023)

Мартынова Дарья Олеговна,
кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт актуальных международных проблем,
Дипломатическая академия МИД России,
d.martynova@dipacademy.ru

Daria O. Martynova,
Candidate of Political Sciences, Leading Researcher,
Institute of Contemporary International Studies,
Diplomatic Academy of the MFA of Russia,
d.martynova@dipacademy.ru

**КИТАЙ И ГОСУДАРСТВА КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА:
СЛОЖНОСТИ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ
CHINA AND THE STATES OF THE KOREAN PENINSULA:
THE DIFFICULTIES OF MUTUAL UNDERSTANDING
IN THE CHANGING WORLD**

Аннотация: история Китая была неразрывно связана с историей Кореи как до ее раздела на два государства в 1948 году, так и после него. Китай продолжает играть одну из ключевых ролей в ситуации на Корейском полуострове и сейчас, когда система международных отношений вошла в состояние турбулентности.

Отношения Китая с Республикой Кореей и КНДР при этом непросты: в Республике Корея, несмотря на тесное экономическое сотрудничество, в последнее десятилетие заметна очевидная тенденция на охлаждение отношений с Китаем, в то время как КНДР, несмотря на явно сближающую ее с Пекином и Москвой геополитическую обстановку, продолжает следовать своим внешнеполитическим приоритетам, что зачастую тревожит КНР.

Данная статья анализирует текущее состояние отношений КНР с государствами Корейского полуострова с учетом исторических факторов, влияющих на эти отношения.

Ключевые слова: Индо-Тихоокеанская концепция, китайско-корейские отношения, КНДР, КНР, проблемы исторического прошлого, Республика Корея.

Abstract: Korean history has always been inseparably connected with China, both before the division of Korea in 1948 and after it. Now China continues to play one of the key roles on the Korean Peninsula, while the system of international relations has entered into turbulence.

Meanwhile the relations between China with the DPRK and the Republic of Korea are complicated. In the Republic of Korea, notwithstanding the tight economic cooperation, the trend on the cooling of the political relations with China is obvious. At the same time, the DPRK, despite the geopolitical situation that clearly brings it closer to Beijing and Moscow, continues to follow its own interests in foreign policy, which often becomes a matter of concern for the PCR.

The article analyses the current situation of the relations of the PRC with the states of the Korean Peninsula, paying attention to the historical factors which influence these relations.

Keywords: Indo-Pacific concept, Sino-Korean relations, DPRK, PRC, problems of the historical past, Republic of Korea.

Отличительной особенностью Северо-Восточной Азии является отсутствие в этом регионе какой-либо архитектуры безопасности, что сосуществует со сложными отношениями между находящимися в нем странами, несущими бремя взаимных исторических обид и опасений. Значительные трудности порой возникают даже в отношениях таких, казалось бы, близких в военно-политическом отношении государств, как Япония и Республика Корея (РК), не говоря уже об их отношениях с КНДР, которые каждый раз пугают риском перехода на новый уровень эскалации (отличаясь при этом, правда, на удивление устойчивой конфронтационной стабильностью).

Отношения Китая с каждым из государств региона не менее сложны. Тесные экономические связи азиатского гиганта с Японией и Республикой Кореей отнюдь не означают благополучно развивающихся политических отношений: как ярко продемонстрировали международные политические

события последних полутора лет, экономика имеет значительно меньший вес, чем политические ориентиры, и Северо-Восточная Азия здесь не является исключением. С того момента, когда стало ясно, что Китай превращается в реального конкурента США в борьбе за глобальное лидерство, США всеми силами стараются втянуть своих азиатских союзников, в первую очередь Японию и Республику Корею, в геополитическую игру против Китая, по сути, связав своих европейских (НАТО) и азиатских союзников в один большой блок. Политические контакты Японии и Китая, действительно, стали сильно осложняться еще в 2010-х годах, причиной чего было, в частности, обострение разногласий по поводу принадлежности островов Сэнкаку/Дяоюйдао, но не только это: стало очевидным усиление тренда на стратегическое соперничество Китая и Японии на региональном уровне и их переход к политике балансирования по отношению друг к другу [4, с. 25–26]. Тенденция на охлаждение отношений с Китаем медленно, но верно прослеживается последнее десятилетие и в Республике Корея.

Начало специальной военной операции России на Украине стало рубежом во взаимоотношениях многих государств, казалось бы, не имевших отношения к происходящему в Европе. Китай, Япония, Южная и Северная Корея – ни одно из этих государств не было связано с глубоким комплексом российско-украинских противоречий. Однако с февраля 2022 года, безусловно, в основном усилиями США геополитическая ситуация в Северо-Восточной Азии начинает меняться. Япония и Республика Корея демонстрируют явное военно-политическое сближение, которое было сложно представить еще пару лет назад, хотя об устойчивости такого тренда пока рано делать выводы. Однако ситуацию существенно меняет принятие Республикой Кореей (РК) в декабре 2022 года Стратегии свободного, мирного и процветающего Индо-Тихоокеанского региона [18], которая, даже несмотря на ее «мягкость» в отношении Китая, все равно причисляет РК к пусть и пока только концептуальному, но явно азиатскому блоку [9]. Изменения видны и со стороны Китая: в 2022 году Москва и Пекин впервые изменили подход к

северокорейской ракетно-ядерной проблеме, когда в мае при голосовании в СБ ООН за резолюцию, предполагавшую еще большее расширение санкций в отношении КНДР (которые и так уже близки к эмбарго), Россия и Китай воспользовались правом вето [11]. Таким образом, движение в сторону геополитических изменений, во многом обладающее высокой степенью непредсказуемости, в регионе очевидно.

Китай и Корейский полуостров: бремя исторических обид

Государства, существовавшие в разные эпохи на Корейском полуострове, всегда были тесно связаны с Китаем, в том числе между ними случались и военные конфликты. Корейские историки насчитывают вплоть до 438 нападений со стороны «северного континента» [15], однако крупномасштабных войн непосредственно с Китаем после прихода к власти в Пекине империи Тан (618–907 гг.) и формирования единого корейского государства было не так много. Первое единое корейское государство – Объединенная Силла – было образовано в 668 году именно при военной помощи империи Тан. Сразу после завершения объединения вчерашние союзники схлестнулись в войне друг с другом, но спустя 6 лет (в 676 году) конфликт был завершен, и вскоре между Объединенной Силла и империей Тан были установлены дипломатические отношения, подразумевавшие вассалитет Китая над Кореей, однако не в традиционном европейском смысле. В случае Китая и Кореи это были, переводя на бытовую аналогию, отношения «старшего» и «младшего»¹⁰, где в роли «старшего» выступал Китай. При этом невозможно отрицать, что Поднебесная оказала очень серьезное влияние на развитие Кореи в культурном, политическом, социально-экономическом аспектах, став на много веков для нее главным ценностным ориентиром.

После создания единого государства Корея пережила еще несколько нашествий с севера разного масштаба со стороны киданей, чжурчженей и

---

10 «Садэ» – специфический термин, характеризующий отношения между Китаем и Кореей в разные исторические периоды, дословно означающий «служение старшему». На европейские и русский языки обычно переводится термином «вассалитет» ввиду отсутствия в них аналогичных по значению терминов, что, однако, в значительной степени упрощает и искажает смысл понятия.

монголов. Но если говорить об императорском Китае, то можно упомянуть лишь произошедший в 1636–1637 годах конфликт с маньчжурской империей Цин (1644–1912), которая в тот момент активно расширяла свои территории и в конце концов, захватив в 1644 году Пекин, образовала новую империю, просуществовавшую уже до начала XX века. Нашествие 1636–1637 годов было связано не с территориальными претензиями маньчжуров, а с нежеланием Кореи признавать тот самый, условно говоря, сюзеренитет по отношению к маньчжурской династии. Корея проиграла, и в 1637 году корейский ван Инджо сюзеренитет новой династии признал.

Установление маньчжурской династии в Китае и признание ее старшинства стали для Кореи своего рода психологической травмой: маньчжуров в Корее, в противовес «чистой» династии Мин, воспринимали как варваров, что в итоге довольно значительно отразилось на корейском самосознании. Отношения между двумя странами с тех пор развивались мирно, хотя Китай всегда стремился сохранять Корею в зоне своего влияния. Такое отчасти высокомерное отношение к Китаю усугубилось в XIX веке с постепенным превращением Китая в полуколонию Запада, даже несмотря на то, что в начале XX века внутреннее и внешнеполитическое положение Кореи было не менее плачевным. Характерно, что подобное отношение к Китаю сохранялось в Республике Корея вплоть до недавнего времени, и даже китайское экономическое чудо не изменило эту ситуацию кардинальным образом [8].

В отношениях с Японией за указанный период у Кореи впечатляюще трагичных страниц заметно больше. Хотя, начиная с VII века, военный конфликт между этими странами был как таковой только единожды (Имчжинская война 1592–1598 годов), он серьезно разрушил экономику и инфраструктуру страны. Не будет преувеличением сказать, что после давшей такой дорогой победы правившая тогда династия Чосон начала медленно клониться к своему упадку. Победа в Имчжинской войне далась Корее очень дорогой ценой и во многом благодаря помощи Китая. В отличие

от Китая Япония хотела от Кореи не вассалитета – мечты о сильной Японской империи, распространявшей свои территории и на материк, уже тогда будоражили мысли японский правителей. История повторилась в конце XIX – начале XX века, начавшись с сино-японской войны 1894–1895 годов, проходившей в том числе на территории Кореи и закончившейся поражением Китая. Спустя несколько лет после этого, в силу комплекса причин Корея была аннексирована без официального сопротивления (сопротивлявшиеся партизанские отряды были быстро вытеснены в Маньчжурию, а затем – в Советскую Россию и коммунистический Китай), а Корея и значительная часть Китая оказались на несколько десятилетий под властью Японии. Корею так и не удалось принять официального участия в войне против Японии – в августе 1945 года она была освобождена силами Советского Союза. Во вспыхнувшей спустя 5 лет после освобождения кровопролитной гражданской войне Китай (под видом добровольческой армии) и Советский Союз (официально не признавая своего участия) воевали на стороне КНДР. Именно благодаря вступлению китайских народных добровольцев в войну в октябре 1950 года КНДР устояла под натиском так называемых объединенных сил ООН, и территориально стороны к моменту подписания перемирия остались примерно в тех границах, что и были в начале конфликта.

Даже столь краткое изложение основных моментов истории китайско-корейских отношений дает понять, что они довольно непросты, а многие их моменты по разные стороны от 38-й параллели воспринимаются диаметрально противоположно. Но они позволяют заключить: Китай, безусловно, всегда хотел видеть Корею зоной своего влияния, однако не стремился к физическому завоеванию территорий Корейского полуострова (не будем брать в расчет конфликты полуторатысячелетней давности, когда политическая карта и во многом этнический состав населявших регион народов были иными). Даже во времена своего могущества правившие в Китае династии воспринимали Корею как «младшего брата», но не стремились ни к включению Корейского полуострова в свои границы, ни к тем более ассимиляции корейцев в

китайскую нацию, как это пытались сделать японцы в 1910–1945 годах. В то же время нельзя не отметить довольно важный момент: и Имчжинская война 1592–1598 годов, и Японо-китайская война 1894–1895 годов, и Корейская война 1950–1953 годов воспринимаются в Китае как войны, где он защищал своего «вассала» от внешнего вторжения [3], в то время как в обеих Кореях такое утверждение вызывает серьезные споры.

Гражданская война в Китае, отделение от него Тайваня и, конечно, Корейская война 1950–1953 годов повернули по-новому отношения Китая и теперь уже двух корейских государств, но всегда начиная с 1953 года КНР играла одну из важнейших ролей в геополитической ситуации вокруг Корейского полуострова, и вплоть до сегодняшнего дня Китай играет одну из важнейших ролей в корейских делах. Именно вмешательство КНР в Корейскую войну в конце 1950 года спасло КНДР от казавшегося тогда неминуемого поражения. Безусловно, если бы Пекин не решился на это вмешательство, геополитическая реальность Северо-Восточной Азии давно была бы совершенно иной. Реалии холодной войны и в целом идеологического раскола второй половины XX века тесно связали Китай и КНДР, которая, впрочем, никогда не была сателлитом ни Пекина, ни Москвы. В настоящее время до сих пор силен стереотип о том, что КНР может при желании значительно повлиять на Пхеньян, но верно это лишь до определенной степени. Несомненно, КНДР нередко прибегала к консультациям с Китаем накануне принятия сложных внешнеполитических решений, но, как показывают события последнего десятилетия, связанные с развитием ракетно-ядерной программы КНДР, как в период холодной войны, последнее слово Пхеньян оставляет за собой.

В 1992 году с установлением дипломатических контактов между РК и КНР бурными темпами стали развиваться их экономические, культурные и гуманитарные связи. К настоящему времени на Китай и Гонконг приходится около 30% южнокорейского оборота, а в РК находится около миллиона китайских гастарбайтеров (около 2% ее населения) [8]. Экономические связи

с Китаем являются очень важным аспектом южнокорейской экономики. Так, введенные в 2017 году Китаем санкции в ответ на размещение в РК элементов американской ПРО ТНААД обошлись экономике РК в десятки миллионов долларов [14, с. 105].

Отношения Китая и КНДР также не настолько однозначны, как кажутся на поверхностный взгляд: в конце концов, крайне жесткие, во многом нелогичные и, наконец, явно оказавшие обратный эффект антисеверокорейские санкции принимались в СБ ООН при поддержке и Пекина, и Москвы. Излишняя инициативность и смелость Пхеньяна всегда – буквально с даты образования КНДР – были для Китая раздражающим фактором, с которым зачастую он ничего не мог поделать, потому что потеря КНДР, физическая ли, в случае объединения полуострова под флагом Юга, или геополитическая, в случае нахождения КНДР общего языка с США, могла бы обойтись для Китая дорого (последнее, впрочем, как показали события 1990-х – начала 2000-х годов, оказалось нереальным ввиду недоговороспособности США).

Безусловно, появление ядерного оружия у КНДР не являлось желаемым развитием событий для Пекина в силу комплекса факторов, начиная от угрозы режиму ДНЯО по всему миру, спровоцированной этим событием, до непосредственно физической опасности для территории Китая в случае военного конфликта на полуострове. Кроме того, после распада СССР именно Китай, будучи самым важным и крупным экономическим партнером КНДР, считался наиболее всемогущим игроком в северокорейском вопросе. Однако, как показали события первых двух десятилетий XX века, даже Китай может становиться заложником игр Пхеньяна и Вашингтона по взаимной проверке прочности нервов [14, с. 227]. Охлаждение отношений КНДР и Китая после прихода к власти Ким Чен Ына было во многом спровоцировано стремительным развитием ракетно-ядерной программы КНДР, что не могло, при всей важности Северной Кореи для Пекина, не вызывать у него серьезного

беспокойства, хотя общее непонимание было и по ряду других вопросов двустороннего характера.

Межкорейское потепление и попытка нормализации отношений США и КНДР в итоге не привели к реальному решению северокорейской ядерной проблемы (что было довольно предсказуемо), но привнесли некоторое «движение» на корейском внешнеполитическом направлении, в частности после провала саммита в Ханое в феврале 2019 года стала очевидна тенденция на потепление отношений КНДР и Китая. Впрочем, планы по урегулированию кризиса, предлагавшиеся Россией и Китаем и предполагавшие экономические, политические, военные, гуманитарные меры [12], также не привели к каким-либо подвижкам в вопросах обеспечения безопасности региона.

В это же время – после прихода к власти в Республике Корея президента Мун Чжэина (2017–2022 годы) – наладились, насколько это было возможно на тот момент, и южнокорейско-китайские отношения. Республика Корея взяла на себя неофициальное обязательство не принимать американские противоракетные ударные батареи, не входить в американскую региональную систему ПРО и не вступать в тройственный военный союз с США и Японией, в ответ на это Пекин снял наложенные ранее ограничения (хотя ряд их последствий изменить уже не получилось) [14, с. 139]. С другой стороны, при внешнем улучшении отношений синофобские настроения в РК в период президентства Мун Чжэина росли. К 2021 году 51,7% респондентов в возрасте от 18 до 39 лет поставили Китай на первое место в списке стран, к которым они относятся негативно (Япония и КНДР получили 31,2 и 12,6% соответственно), при этом 71,8% южнокорейцев называли Китай самой большой угрозой для нации, а общественные кампании приводили к отмене значимых проектов, связанных с Китаем [2].

Все более непримиримыми и ожесточенными становятся исторические споры между Пекином и Сеулом о роли Китая в корейской истории: в 2020 году заявление одной из наиболее популярных южнокорейских поп-групп BTS о боли и жертвах, которые разделили корейский и американский народы

во время Корейской войны, вызвали шквал негодования в Китае и привели к разрыву множества рекламных контрактов с BTS. Вскоре после этого, 23 октября 2020 года, Си Цзиньпин, выступая на мероприятии, посвященном годовщине вступления КНР в Корейскую войну, заявил о том, что вступление Китая в войну «предотвратило экспансию империализма и стабилизировало ситуацию на Корейском полуострове», что, в свою очередь, вызвало негодование со стороны уже РК и США [3]. Подчеркивание значения участия КНР в Корейской войне и ее роли в победе в последнее время становится одним из важных политических и культурных нарративов Китая, чему посвящен, например, вышедший в 2021 году фильм «Битва при Чосинском водохранилище» (The Battle at Lake Changjin). Исторические споры РК и КНР также касаются не только традиционных значимых исторических тем, но и культурных особенностей, например принадлежности блюд традиционной кухни [19].

Российский кореевед К.В. Асмолов выделяет несколько причин синофобии, усилившейся в РК в последние годы, и в контексте данной статьи можно выделить главную из них – усиление конфронтации между США и Китаем, в которой РК, как бы она тому не сопротивлялась, медленно, но верно становится на сторону США. Разогревание антикитайских настроений в РК, таким образом, заранее создает «образ врага», с которым может произойти разрыв по «ценностным причинам», и одновременно готовит к последствиям этого разрыва, если ответные меры Китая затронут, например, экономику РК [2].

Безусловно, у любых государств, сосуществовавших на протяжении столетий, имеются как добрые, так и болезненные воспоминания, и очень многое зависит от того, насколько умело и в каких целях те или иные исторические события используются находящимися у власти элитами. Кем был императорский Китай для Кореи на протяжении столетий – сюзереном, честно выполнявшим свой долг «старшего», оказавшим колоссальное влияние на развитие корейской культуры и менталитета, или источником внешней

угрозы, навязывавшей Корее свой образ жизни в различных сферах? История слишком многогранна и сложна, чтобы давать однозначные и четкие ответы на подобные вопросы.

Китай и государства Корейского полуострова в новой геополитической реальности

Ситуация, сложившаяся на Корейском полуострове к 2022 году, характеризовалась новым этапом обострения отношений между РК и КНДР – в целом характерного явления с учетом того, что циклы от потепления к обострению и обратно в течение нескольких лет для этих стран стали типичными. Однако глобально ситуация начала меняться в 2022 году: по 38-й параллели вновь пролегла линия глубокого идеологического раскола, когда КНДР выразила официальную поддержку России во всех ее внешнеполитических решениях, в то время как Республика Корея действия России осудила и присоединилась к антироссийским санкциям. Кроме того, США начали активно подогревать и обстановку вокруг Тайваня, апогеем чего стал небезызвестный скандальный визит на остров Н. Пелоси в августе 2022 года.

В марте 2022 года в РК был избран президентом кандидат от консервативной партии Юн Согёль, который вступил в должность 10 мая. Еще во время предвыборной программы Юн многократно подчеркивал важность укрепления американо-южнокорейского союза и восстановления дружественных отношений с Японией, одновременно делая заявления, носящие явный антикитайский подтекст, за что СМИ нередко обвиняли Юна в намеренном провоцировании антикитайских настроений [17]. Китай в целом реагировал на это достаточно сдержанно, «языком жестов» демонстрируя Сеулу желание сохранить дружественные отношения. Так, на инаугурацию Юн Согёля 10 мая 2022 года прибыла делегация во главе с заместителем председателя КНР Ван Цишанем, который стал самым высокопоставленным представителем китайского государства среди тех, кто когда-либо присутствовал на церемонии инаугурации южнокорейского лидера, а Си

Цзиньпин передал приглашение новому южнокорейскому президенту нанести визит в «удобное для обеих сторон время» [13] (спустя год визит, впрочем, так и не состоялся).

Оценивать китайскую политику Юна в первый год его президентства можно по-разному. Представляется, что, вступив в президентскую должность, Юн вначале незначительно охладил свой предвыборный «антикитайский запал» и старательно лавировал между Вашингтоном и Пекином (о чем говорит, например, его явно демонстративное игнорирование прилетевшего в Сеул после визита на Тайвань спикера палаты представителей США Н. Пелоси [10]), предлагал возобновление трехсторонних саммитов Сеула, Пекина и Токио и в целом, как казалось, предполагал продолжить аккуратно лавировать между двумя мировыми гигантами. Знаковое событие произошло 28 декабря 2022 года, когда РК приняла Стратегию свободного, мирного и процветающего Индо-Тихоокеанского региона, по сути присоединившись к глобальному геополитическому проекту США, направленному против Китая. Несмотря на то что Япония давно была сторонником (и одним из инициаторов) продвижения концепта Индо-Тихоокеанского региона (ИТР), Мун Чжэин, предшественник Юн Согёля, не стремился создать собственную стратегию в этом ключе, а, наоборот, старался лишней раз не использовать термин «Индо-Тихоокеанский регион» в своих выступлениях – и тут подход Юна оказался противоположным. В Стратегии о Китае написано достаточно коротко и мягко (в отличие, например, от аналогичных внешнеполитических документов Японии), он назван в том числе ключевым партнером РК, без которого достижение мира и процветания в регионе невозможны [18, с. 12]. Однако сам факт появления такого документа, особенно принимая во внимание набирающую обороты в РК синофобию, представляется как некое становление Сеула на «американскую сторону» вместо балансирования.

Кроме того, в Стратегии значительное место отведено тайваньскому вопросу – довольно новому явлению для южнокорейской внешней политики, явно навязанному могучим заокеанским союзником. Поддерживая значимые

для своей экономики торговые связи с Тайванем, РК с момента «примирения» с континентальным Китаем и вплоть до недавних времен избегала участия в политическом споре вокруг острова. Стремление вовлечь Корею в тайваньскую проблему на своей стороне США особенно активно проявляли с 2021 года, и корейская Стратегия в этом смысле стала их заметным успехом. Стоит отметить и то, что реакция Китая на принятие в РК документа была прямолинейной, но сдержанной. Представителем МИД Китая Ван Вэньбином было подчеркнуто, что для достижения мира, стабильности, развития и процветания в регионе необходимо сотрудничество между странами, а не разделение на эксклюзивные группы [16].

В контексте укрепления союза с США Юн Согёль уверенно, а порой и чрезмерно настойчиво, укрепляет отношения и с Японией, что серьезно играет на руку США и отвечает их давним интересам, но встречает порой значительное непонимание в руководимой им стране [7], в частности значительную роль играют вопросы, касающиеся исторических травм. Но, как показывает развитие событий, даже резкое, подкручиваемое южнокорейской оппозицией неприятие Японии не переламывает основной тенденции: сближение США, РК и Японии, столь желаемое Вашингтоном и столь настораживающее Пекин, пока продолжается. Подрывая традиционные связи с Китаем и поддерживая США в их геополитической борьбе, нынешний южнокорейский истеблишмент как будто уверен в том, что США поддержат РК и будут гарантом ее безопасности при любом раскладе, в результате чего РК становится проводником внешнеполитических интересов США во всем регионе.

Если вновь обратиться к истории, в этом контексте вспоминается существовавшее в начала XX века в Корее общество Ильчинхве, многие члены которого, искренне восхищаясь развитой, особенно по сравнению с тогдашней Кореей, Японией, выступали в роли проводников японского влияния в Корее [1, с. 41], вследствие чего неосознанно подвели свою страну под японскую аннексию (впрочем, некоторые делали это и вполне осознанно). В те годы к

тому же в Корее был очень распространен миф об агрессивных планах России в отношении Кореи (от чего ее могла «защитить», конечно, Япония), активно распространявшийся сторонниками сближения с Японией и пришедшийся так кстати военно-политическим замыслам японцев. С некоторыми контекстуальными поправками геополитического характера (Россия и Китай теперь представляются как угроза мировому «порядку, основанному на правилах», а в роли главного гаранта его сохранения выступают США) ситуация более чем столетней давности в РК напоминает происходящее и в наши дни.

Безусловно, приведенную аналогию не нужно принимать буквально: США не собираются физически аннексировать РК, как это сделала Япония в 1910 году, а Юн Согель старается, насколько возможно, сохранять самостоятельность в принятии внешнеполитических решений, однако маневров для этого у него остается все меньше. Полностью полагаясь на США и ставя на кон отношения с Китаем, РК (армия которой в военное время будет находиться под американским командованием) оказывается в рискованной ситуации: в случае военного конфликта в регионе, риски неприемлемого ущерба для нее будут несопоставимо выше, чем для находящихся за океаном США. Даже если отбросить самые негативные варианты развития сценария, ухудшение отношений РК с Китаем в любом случае будет дестабилизирующим фактором для региональной безопасности. В стабильности в Северо-Восточной Азии заинтересованы Китай, обе Кореи, Япония и Россия, как минимум потому что дестабилизация несет для них физическую опасность, в то время как США в угоду своим геополитическим интересам выгодно поддерживать в регионе ситуацию напряженности.

Учитывая исторический контекст, непростое отношение РК к Китаю, понятно, что оно является таковым и у КНДР, также имеющей, несмотря на тесную политическую связь, множество обид на ставшего вновь могучим соседа. Большая часть этих обид связана с многовековым угнетением Китаем развития непосредственно корейской культурной идентичности (во многом

именно с этим желанием отмежеваться от китайского, как и советского, влияния была избрана концепция чучхе в качестве основополагающей идеологии в КНДР). Однако является ли очевидное становление в формируемый США блок, нацеленный на противостояние Китаю, логичным действием для РК (которая, в отличие от Японии, даже не имеет к нему территориальных претензий), особенно в период роста в Японии реваншистских настроений?

Вовлечение Кореи и Японии в тесное сотрудничество с НАТО, участие глав этих государств в саммитах НАТО и откровенные заявления Юн Согёля [20] о привлечении альянса к разрешению северокорейской ядерной проблемы являются дополнительными дестабилизирующими факторами как для АТР в целом, так и для китайско-южнокорейских отношений (не говоря уже о том, что они ставят крест на разрешении северокорейской ядерной проблемы). РК и Япония, по сути, превращаются к своего рода проводников влияния НАТО в АТР, способствуя формированию в нем «антикитайского блока», что, в свою очередь, будет способствовать росту новых угроз в регионе, как военного характера, так и множества новых угроз, например терроризма и кибертерроризма, дефицита ресурсов, проблем гуманитарной безопасности и т. д., поскольку бороться с этими угрозами возможно только при объединении усилий со всеми странами региона.

Китай, несмотря на видимое спокойствие, зорко следит за ситуацией, свидетельством чего стал произошедший в июне 2023 года дипломатический скандал с РК, спровоцированный довольно резкими высказываниями посла КНР в Сеуле Син Хаймина о слишком проамериканской линии Сеула [5].

События последних полутора лет логичным образом вызвали новое сближение Китая и КНДР, что в определенном смысле принесло ей свою выгоду. Теперь, когда вероятность налаживания китайско-американских отношений в ближайшей перспективе становится все меньше, Китай будет нуждаться в стабильной КНДР еще больше, а это означает, в свою очередь, что в случае кризисной ситуации в КНДР поддержка со стороны Китая скорее

всего будет ей обеспечена. Впрочем, по сообщениям посла России в Пхеньяне А.И. Мацегоры, хотя имеются некоторые трудности с обеспечением населения продуктами питания, ситуация даже отдаленно не напоминает трагичную картину, рисуемую западными СМИ [6]. Иной вопрос, что сотрудничество с КНДР серьезно ограничено санкциями, снятие или облегчение которых, ввиду позиций США и их союзников, не представляется возможным.

Искусственное противостояние, привносимое в регион США, отвечает их геополитическим интересам, однако во многом противоречит логике укрепления стабильности в регионе. Несомненно, Китай имеет свои интересы на Корейском полуострове, но, в отличие от США, ему крайне важна спокойная военно-политическая обстановка. Стоит отметить, что, несмотря на произошедшие за последний год перемены и порой повышенные тоны в риторике между Китаем и Республикой Корея, страны действуют в отношении друг друга осторожно, не делая резких шагов или заявлений. Идет явная тенденция к новому сближению КНР и КНДР, происходящему точно так же, без резких шагов. Сохранение стабильности в регионе будет, вероятно, во многом зависеть от возможностей (и желания) РК противостоять очевидному стремлению США сильнее вовлечь ее в антикитайскую и антироссийскую политику, как и от развития событий вокруг северокорейской ракетно-ядерной программы. В последнем вопросе Россия и Китай всегда придерживались общих позиций, т. е. его урегулирование исключительно дипломатическим путем, что, как представляется, и должно оставаться основой российско-китайского сотрудничества на корейском направлении.

Список источников и литературы

1. *Асмолов К.В.* Корейская политическая культура. Традиции и трансформация. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. 2017. 704 с.

2. *Асмолов К.В.* О причинах роста антикитайских настроений в Южной Корее // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXVII. 2022. С. 254-267.

3. *Асмолов К.В.* Сколько правды в китайском взгляде на Корейскую войну? // Центр изучения международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе. 19 ноября 2020 г. URL: <https://ru.apircenter.org/archives/4764> (дата обращения 21.03.2023).

4. *Киреева А.А.* Новая историческая веха в китайско-японских отношениях: насколько глубоко потепление и что за ним стоит? // Японские исследования. 2020. № 1 С. 21–47.

5. *Кирьянов О.В.* Между Китаем и Южной Кореей разгорелся крупный дипломатический скандал // Российская газета. 17 июня 2023 г. URL: <https://rg.ru/2023/06/17/mezhdu-kitaem-i-iuzhnoj-koreej-razgorelsia-krupnyj-diplomaticheskij-skandal.html> (дата обращения 27.06.2023).

6. *Кирьянов О.В.* Посол России в КНДР Мацегора опроверг сообщения западных СМИ об «умерших от голода на улицах Пхеньяна» // Российская газета. 26 июня 2023 г. URL: <https://rg.ru/2023/06/26/posol-rossii-v-kndr-macegara-oproverg-soobshcheniia-zapadnyh-smi-ob-umershih-ot-goloda-na-ulicah-pheniana.html> (дата обращения 27.06.2023).

7. *Кирьянов О.В.* Президент Республики Корея Юн Согёль пытается спасти договоренности с Японией // Российская газета. 21 марта 2022 г. URL: <https://rg.ru/2023/03/21/prezident-respubliki-koreia-iun-sok-yol-pytaetsia-spasti-dogovorennosti-s-iaponiej.html> (дата обращения 21.03.2023).

8. *Ланьков А.Н.* Китай для Южной Кореи: не милая панда, а грозный тигр? // Международный дискуссионный клуб Валдай. 23 июня 2023 г. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/ne-milaya-panda-a-groznyy-tigr/?sphrase_id=666461 (дата обращения 25.06.2023).

9. *Мартынова Д.О.* «Индо-Тихоокеанская стратегия» во внешней политике Республики Корея // Корееведение. 2023. № 1 (2). С. 77—89.

10. Президент Южной Кореи отказался прерывать свой отпуск ради встречи с Пелоси // Газета.ru. 02 августа 2022 г.URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/08/04/18258896.shtml> (дата обращения 21.03.2023).

11. Россия и Китай заблокировали в СБ ООН резолюцию о санкциях против КНДР // РБК. 27 мая 2022 г.URL: <https://www.rbc.ru/politics/27/05/2022/628fee2e9a7947ed84458c96> (дата обращения: 03.04.2023 г.).

12. Россия и Китай представят план действий по корейскому урегулированию // РИА Новости. 20 ноября 2011 г.URL: <https://ria.ru/20191120/1561144158.html> (дата обращения 02.04.2023).

13. Си Цзиньпин пригласил нового президента Южной Кореи посетить Китай // ТАСС. 10 мая 2022 г.URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14589663> (дата обращения 02.04.2023).

14. Торкунов А.В. Современная Корея. Метаморфозы турбулентных лет (2008 - 2020 гг.) // Торкунов А.В., Толорая г.Д., Дьячков И.В. М.: Просвещение, 2021. 448 с.

15. Kim H. South Korea's Strategic Dilemma Amid US-China Competition // The Stimson Center. 28 февраля 2022 г.URL: <https://www.stimson.org/2022/south-koreas-strategic-dilemma-amid-us-china-competition/> (дата обращения 02.04.2023).

16. Xiaoci D. Seoul unveils IndoPacific Strategy; experts say group confrontation is against South Korea's interests // Global Times. 28.12.2022. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202212/1282850.shtml> (дата обращения: 12.01.2023).

17. Сасиль вэгокхэ панджун чонсо чагыкханын юнсогёри вихомхан сонгоундон [Опасная предвыборная кампания Юн Согёля искажает факты и стимулирует антикитайские настроения] // Кёнхян Синмун. 3 марта 2022 г.URL: <https://m.khan.co.kr/opinion/editorial/article/202202032035015>(дата обращения 21.03.2023).

18. Чаю, пхёнхва, понёнги индотхэпхёнъян чолляк [Стратегия свободного, мирного и процветающего Индо-Тихоокеанского региона] // Официальный сайт Президента РК. URL: www.president.go.kr/download/63ab9b96d776d (дата обращения: 24.01.2023 г.).

19. Чунгук чонбуккаджи насон 'кимчхи нонджэн'...'Ханджун камджон хэчхёсон андвэ" [Дошедший до правительства «спор о кимчхи»... Не надо вредить китайским и корейским чувствам] // YonhapNewsAgency. 20 января 2021 г. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20210120170200083> (дата обращения 21.03.2023).

20. Юнсогёль тэтхоннён, натхо самучхонджан чопкён...“пукхан тобаль ыйджи ккокки вихэ чоккык ёкхаль хэдалла [Встреча Юн Согёля и генерального секретаря НАТО: «Примите активное участие в пресечении северокорейского стремления к провокациям»]// VOAKorea. 30 января 2023 г. URL: <https://www.voakorea.com/a/6939617.html> (дата обращения: 12.05.2023).

Уянаев Сергей Владимирович,
кандидат исторических наук, заместитель директора,
Институт Китая и современной Азии РАН,
svuyav@yahoo.com

Sergey V. Uyanaev,
Candidate of Historical Sciences, Deputy Director,
Institute of China and Contemporary Asia
of the Russian Academy Sciences,
svuyav@yahoo.com

**ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ В ТЕКУЩИХ
ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ КНР
CHINA'S DOMESTIC AND FOREIGN POLICY IN THE CURRENT
OFFICIAL DOCUMENTS OF THE PRC**

Аннотация: в статье, подготовленной на основе доклада на круглом столе «Китай – один из полюсов формирующегося мироустройства», прошедшего 18 апреля 2023 года в Дипломатической академии МИД России, рассматриваются актуальные вопросы современного внутреннего и международного развития КНР. Первоочередным материалом для анализа служат документы последнего съезда Компартии Китая и последующей сессии китайского парламента, официальные выступления руководителей страны.

Ключевые слова: Китай, реформа, возрождение, съезд, парламента, внутренняя и внешняя политика.

Abstract: the article, prepared on the basis of a report, made at a Round table “China – one of the poles of forming world order”, which was held at the Diplomatic Academy of the MFA of Russia on April 18, 2023, discusses topical issues of modern domestic and international development of the People's Republic of China. The author concentrates on the analysis of the documents of the last congress of the Communist Party of China and the subsequent session of the Chinese parliament, official speeches of the country's leaders.

Keywords: China, reform, revival, congress, parliament, domestic and foreign policy.

Китай – страна, добившаяся за последние 40 с лишним лет редкого для столь крупных государств экономического подъема и роста глобального влияния сегодня, привлекает повышенное внимание. К оценкам китайского роста существуют разные, порой чисто механические, подходы. Но приведем лишь один из них, касающийся объема экономики и вряд ли подверженный неоднозначным толкованиям: с 1980 по 2022 год доля КНР в мировом ВВП (по ППС) выросла в 8,25 раза (ныне это 18,5%). Показатель более чем впечатляющий, учитывая, например, что другая быстро возвышающаяся экономика – Индия – за тот же период нарастила свою долю в мировом ВВП в 2,7 раза. А соответствующий показатель стран G7 вовсе сократился в 1,6 раза [15].

Причем интересны как внутренние процессы, развивающиеся в Китае, так и его международная политика – они в совокупности являются драйверами столь заметного прогресса и достижений. Осветить весь комплекс такого рода вопросов в рамках сравнительно небольшой статьи непросто, но можно попытаться сделать это на примере некоторых официальных документов, которые являются базовыми для жизни сегодняшней КНР. Они касаются итогов прошедшего осенью 2022 года 20-го съезда Коммунистической партии Китая, ежегодной сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП), ряда выступлений китайских руководителей.

При этом первоочередное обращение к документам партийного съезда видится абсолютно оправданным, поскольку именно этот общенациональный форум является узловым событием, в рамках которого раз в 5 лет подводятся итоги предшествующего периода, ставятся цели на будущее. Ежегодная мартовская сессия ВСНП конкретизирует эти цели на текущий год.

Развивая реформу: «общество средней зажиточности»

Начнем с системной общенациональной задачи, вновь подчеркнутой на этих форумах. Это – продолжение начатой на рубеже 1970–1980-х годов политики «реформ и открытости». Реформаторский смысл стартовавшей тогда перестройки экономики заключался в том, что, допустив рыночные отношения

в сельское хозяйство, легкую промышленность и сферу услуг, но оставив за государством тяжелую промышленность, транспорт, во многом банковское дело и другие системообразующие отрасли, Китай, по сути, двинулся вперед в рамках модели, сочетающей преимущества плановой и рыночной экономики. Отцом политики «реформ и открытости» в Китае считают одного из наиболее почитаемых руководителей – Дэн Сяопина, выступившего тогда с теорией «рыночного социализма». Практическим инструментарием новой модели – ее стали называть также «социализмом с китайской спецификой» – стали широкий приток иностранных инвестиций (в этом расшифровка термина «открытость») и наличие дешевого труда. Все это – при гибкой системе управления, которая сочетает, с одной стороны, высокую степень централизации государственного макроэкономического планирования в системных отраслях, с другой – «рыночные свободы» в предпринимательском секторе, занявшем существенное место (до 60 %) в производстве ВВП страны [6, с. 322; 12].

По времени реформа изначально была структурирована на три периода – до 2000 года, затем до 2020 года и, наконец, до середины текущего столетия. Цели первого из них, заключавшиеся в учетверении ВВП и обеспечении населения базовыми потребностями в жилье и пище, были достигнуты с пятилетним опережением, благодаря, прежде всего, уникальным ежегодным средним темпам роста на уровне 9,5%. [3, с. 55–57].

Достижение цели второго периода намечалось к столетию КПК (2021 год) и предусматривало построение общества «средней зажиточности», или «общества сяокан» (в китайской традиционной терминологии). С точки зрения знакомых экономических категорий речь шла о выходе на уровень 10 тыс. долларов душевого ВВП. При этом, что значительно важнее в контексте китайских реалий, ставилась задача ликвидации абсолютной бедности.

О решении этих задач отчитывались на недавнем партийном съезде. Там было заявлено, что за десять предыдущих лет ВВП в душевом измерении вырос вдвое – до 81 тыс. юаней (12 тыс. долл.), при этом одержана «победа в

самой масштабной в истории человечества борьбе с бедностью», исторически положен конец абсолютной бедности». В качестве иллюстрации было отмечено, что «100 млн сельских жителей избавились от нищеты, более 9,6 млн человек были переселены из бедных районов в обеспеченные» [11].

Достижения, к которым пришла КНР к началу 2023 года, действительно впечатляют. Китай сегодня – это вторая экономика мира по номинальному объему валового внутреннего продукта. При этом КНР быстро сокращает дистанцию от все еще лидирующих по этому показателю США, но уже несколько лет опережает их, исходя из объема ВВП по паритету покупательной способности. КНР лидирует в мире по объему золотовалютных резервов, по объему экспорта, по валовой стоимости промышленного производства, добыче и переработке руд, чугуна, стали, алюминия, выпуску широко известных потребительских товаров, производству промышленного и транспортного оборудования, включая автомобили, железнодорожные вагоны и локомотивы, корабли, самолеты, средства связи [13]. Этот список можно продолжить, но ограничимся лишь дополнительным упоминанием о прорывах в наиболее высокотехнологичных сферах, таких как цифровые технологии, искусственный интеллект, робототехника. Партийный съезд указал на «важнейшие достижения в таких областях, как пилотируемое космоплавание, зондирование Луны, Марса, земных и глубоководных морских недр, суперкомпьютеры, спутниковая навигация, квантовая информатика, ядерная энергетика, биомедицина». Было также отмечено, что по объему расходов на НИОКР страна вышла на второе место в мире, и заявлено, что Китай «вошел в число государств инновационного типа» [11]. Таким образом, по существу документы съезда констатировали, что Китай существенно продвинулся в решении поставленной еще в начале 2010-х годов задачи прийти от преимущественно экстенсивной модели, ориентированной прежде всего на высокие темпы роста, к «качественному», преимущественно интенсивному типу развития экономики [6, с. 326].

«Новый поход» к «лидирующим» мировым рубежам

На 20-м съезде КПК, как и на мартовской (2023 год) сессии китайского парламента (ВСНП), была подтверждена общая задача третьего, завершающего периода реформ. Это – решение к середине текущего столетия задачи «великого возрождения китайской нации на путях социалистической модернизации». В сегодняшней КНР всю масштабную работу по достижению этой цели называют «новым походом», который на основе уже полученных серьезных результатов должен привести к конечному успеху.

Третий период реформ еще на предыдущем съезде КПК (2017 год) был, в свою очередь, поделен на два этапа. Первый – до 2035 года, когда модернизацию предстоит реализовать «в основном» и выйти в итоге на уровень «среднеразвитых стран». Методом простой экстраполяции (примерное удвоение показателей каждые 10 лет) можно определить, что с точки зрения общепринятых индикаторов речь идет о задаче выхода на примерную планку подушевого ВВП порядка 35–40 тыс. долларов (показатели ряда нынешних стран Центральной и Восточной Европы). Что важно, съезд КПК вновь акцентировал цель инновационного роста, заявил о необходимости войти в число теперь уже «лидирующих» государств инновационного типа. Мартовская (2023 год) сессия китайского парламента отчиталась за 2022 год (второй год 14-го пятилетнего плана развития КНР), поставила задачи на 2023 год – «год начала всестороннего претворения в жизнь духа XX съезда КПК» [7].

Наконец, второй этап третьего периода реформ, начинающийся с 2035 года – это пятнадцатилетие, которое завершает всю запущенную свыше 40 лет назад программу «реформ и открытости». За эти полтора десятилетия, к столетию КНР (октябрь 2049 года), намечается, говоря словами партийного документа, уже полностью завершить превращение Китая «в богатую и могущественную, социалистическую державу», которая «будет лидировать в мире по совокупной национальной мощи и международному влиянию». Такое определение дополняется задачей построения «государства всеобщей

зажиточности», где будет «решительно предотвращаться поляризация» по уровню жизни.

Понятно, что неизменно важным для понимания процессов развития китайского общества и государства является вопрос политического устройства и управления. Иными словами, речь идет о тех организационных рамках и механизмах, которые сопровождают китайскую политику реформ и модернизации. Касаясь этой темы, 20-й съезд лишний раз подчеркнул решающую и незыблемую роль китайской компартии, отметив, что именно руководство со стороны КПК является «наиважнейшим преимуществом социалистического строя с китайской спецификой». КПК была названа «политической руководящей силой наивысшего порядка», а «отстаивание единого централизованного руководства со стороны ЦК КПК» – «наивысшим политическим принципом».

Иными словами, КНР, если говорить в целом, реализует управленческую модель советского типа, сохраняя ее ядро – руководящую роль коммунистической партии. Как напоминают профильные эксперты, действующий здесь принцип, в отличие от известной модели «разделения властей», основан на том, что «партия представляет весь народ», от имени которого через министерства и ведомства осуществляет руководство теми или иными сферами жизни [5; 9].

При этом очевидно, что в процессе реализации курса «реформ и открытости» руководство страны идет по пути создания в итоге собственной управленческой модели [2]. Дорога эта часто непростая, недаром, имея в виду новизну встающих задач, ее по формуле Дэн Сяопина часто называют «нащупыванием камней при переходе через реку». Однако в любом случае неизменной для такой модели остается руководящая роль КПК, которая лишь возрастает.

На съезде и последующей сессии парламента сказано о проведении административной реформы. По оценкам экспертов, речь идет о дальнейшем совершенствовании управленческой вертикали. В этом же русле

рассматриваются кадровые перемены, которые, в соответствии с заведенной регулярной практикой обновления, были проведены на этих форумах в составе руководящих органов партии и правительства [4].

Особенностью сегодняшних политических установок в КНР служит роль не только КПК, но и ее лидера последних 10–11 лет. Резолюции съезда вновь призвали партию и народ страны «теснее сплотиться вокруг ЦК КПК, ядром которого является товарищ Си Цзиньпин». Идеи Си Цзиньпина о «социализме с китайской спецификой в новую эпоху» включают сегодня такие концепты, как «китайская мечта о великом возрождении китайской нации», «китайский социализм – марксизм новой эпохи». В этом же ряду стоит особо выделенная на съезде концепция о «китайском стиле модернизации» и его значении в создании «новой формы развития человеческой цивилизации», которая, похоже, становится одним из основных теоретических постулатов. Более того, повсеместно присутствующий в них термин «новая эпоха» (он применяется как к внутренним, так внешним реалиям) прямо связывается с 10-летним периодом нахождения у власти нынешнего китайского руководителя.

Можно много и по-разному говорить в этом контексте о своеобразии «китайского видения», об «акцентировании» в Китае элементов национальной специфики. Пока ясно одно – это модель, которая работает, приносит ощутимые успехи, а потому требует внимательного и профессионального мониторинга и изучения [10]. В качестве примера заметим, что централизованное руководство и избранная экономическая модель позволяют в том числе концентрировать усилия и государственные финансовые средства для решения крупных задач и проектов. Чего, к сожалению, как говорят наши признанные экономические авторитеты, включая академика Сергея Глазьева, в отличие от Китая не удастся достичь в России, где «нет механизмов рыночного финансирования крупных инвестиционных проектов» [8]. Вспомним неоднократные и во многом уже забытые программы по развитию Сибири и Дальнего Востока.

Значит ли перечисленное, что Китай развивается «по гладкой дороге»? Конечно, нет. Успехи сопровождаются обострением ряда давних проблем и появлением новых. За промышленные достижения Китай расплачивается ухудшением экологии, охрана и защита которой требуют в настоящее время серьезных усилий. Уже не одно десятилетие модернизация сопровождается проблемой так называемых разрывов – между развитыми и отстающими регионами, между городом и деревней, между быстро разбогатевшими и все еще сравнительно бедными слоями населения [6, с. 355].

Некоторые эксперты говорят об определенных демографических трудностях, в том числе связанных со сравнительным снижением доли населения в трудоспособном возрасте, нехваткой рабочей силы в экономически развитых приморских районах и старением населения в целом, что стало следствием вынужденной политики сокращения деторождаемости в прошлые десятилетия. Специалисты указывают и на риски макроэкономических проблем, имея в виду текущие трудности поиска баланса между производственным инвестированием и наращиванием внутреннего потребления, задача роста которого стоит не один год. Не исчезли некоторые внутривнутриполитические риски, в частности связанные с «необходимостью улучшения курса "одна страна – две системы"», реализуемого в Сянгане и Аомэне» (Гонконг и Макао). Но есть впечатление, что руководство страны не замалчивает все эти проблемы; о многих из них говорилось и на 20-м съезде КПК.

Державная дипломатия с китайской спецификой

Последние десятилетия – это время и неуклонного роста международной роли Пекина, которая имеет как политическое, так и экономическое измерение. К статусу ядерной державы и постоянного члена Совбеза ООН Пекин прибавил активное наращивание партнерских связей по всему миру: с несколькими десятками стран установлены отношения на уровне стратегического, конструктивного, дружественного партнерства. Эксперты КНР подсчитали, что «к июню 2019 года Китай установил различные формы

партнерства с 112 странами, регионами и международными организациями». Усилено и расширено участие в самых различных многосторонних форматах – от G20, БРИКС, ШОС, экономических организаций (ВТО, МВФ) до саммитов типа КНР – ЕС, КНР – Африка. Китай – это подтверждено вновь на партийном съезде и в последующих выступлениях руководителей китайской дипломатии – все более громко заявляет о себе как об ответственной державе, претендующей на значимое место в глобальном управлении, говорит о задаче его реформирования в соответствии с возросшей ролью развивающихся и других стран [14].

Для более чем 140 стран и территорий Китай – главный экономический партнер. Выдвинута трансконтинентальная инициатива «Один пояс – один путь» (ОПОП), позиционирующая себя как рамочная программа диверсифицированного экономического сотрудничества. Проект опирается на мощную финансовую поддержку как непосредственно КНР, так и инициированного ею банка – Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ).

В глобальном плане Пекин продвигает концепцию «построения сообщества человечества с единой судьбой». По сути, если пытаться расшифровывать заложенные в формулировки конфуцианские смыслы, имеется в виду движение к гармоничному, демократическому, толерантному и инклюзивному миропорядку, а сама идея предстает, таким образом, как китайская версия идеи многополярного мира «с китайской спецификой».

Формула, которой пользуется Пекин для общего определения своего международного курса, – это термин, звучащий как «державная политика с китайской спецификой». На ней основан другой идейный концепт – о необходимости продвижения «нового типа междержавных отношений» с крупными странами (прежде всего с США, Россией и Евросоюзом), а также «нового типа международных отношений» в целом. В обоих случаях речь идет о модели отношений, основанных «не на конфронтации, а на взаимовыгодном сотрудничестве» или на мирной и взаимоприемлемой конкуренции, как

минимум. Помимо отношений с крупными державами китайская дипломатия структурно выделяет в отдельные группы отношения с соседними странами и развивающимися государствами.

Нет ничего удивительно, что, как и во внутреннем развитии, на внешнем фронте КНР также сталкивается с немалыми вызовами. На главный из них – отчетливый курс сдерживания КНР со стороны США, опасаящихся утратить лидирующий глобальный статус, – вновь указали председатель Си Цзиньпин и возглавлявший в тот момент МИД КНР Цинь Ган на мартовской сессии ВСНП [1]. Узловой двусторонний конфликт с США – тайваньская проблема.

Риски связаны и с некоторыми соседями КНР в Восточной и Южной Азии, которые, в силу исторических синдромов и нерешенных порой территориальных споров, либо прямо ищут покровительства США, либо пытаются балансировать между Пекином и Вашингтоном. Непокойно в этой связи в Южно-Китайском море.

Характерно, что все перечисленные внешнеполитические новации, появившиеся в последнее десятилетие, как и многие другие концепты, включены в идейную копилку председателя КНР. Не случайно дипломатия КНР имеет сегодня еще одну характеристику – «лидерская дипломатия», в рамках которой Си Цзиньпин, активно проводя переговоры на высшем уровне, «вносит собственный вклад» в обеспечение китайских интересов за рубежом.

И, конечно, внешнеполитические концепции встроены в системные задачи развития страны, где реализация и Инициативы ОПОП, и концепта «единой судьбы», и других новаций служит созданию благоприятных условий для достижения главной задачи «великого возрождения нации и превращения Китая, как сказано на съезде, «в лидирующее государство мира».

Российско-китайские отношения Китай видит среди наиболее важных приоритетов. Это было подтверждено и в ходе визита, совершенного Си Цзиньпином в марте 2023 года в Москву и ставшего первой поездкой председателя КНР за пределы страны после очередного переизбрания на пост главы государства. Отношения России и КНР – отдельная и серьезная тема.

Отметим лишь, что текущее развитие внешней обстановки лишней раз подчеркивает правильность сделанного в РФ еще в 1990-е годы шага в пользу неуклонного и поступательного развития отношений с КНР. Сегодня, во многом опираясь на эти наработки и достижения предыдущих 20–25 лет, Россия имеет возможность резко и эффективно усилить восточный вектор своей политики. Тем самым объективно подтверждается, что необходимость поддержания дружественных отношений и развитие всеобъемлющего стратегического партнерства с крупным восточным соседом носят практически безальтернативный характер. Важно при этом сохранить основы независимости российской внешней политики, максимально выверенно и без ущемления собственных интересов использовать немалый потенциал сотрудничества с КНР.

Список источников и литературы

1. Вопросы и ответы Министра иностранных дел Цинь Гана на пресс-конференции, посвященной внешней политике Китая и международным отношениям //МИД КНР. 8 марта 2023 г. URL: Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/zyjh/202303/t20230308_11037323.html (дата обращения: 21.03.2023).
2. *Воскресенский А.Д.* Эволюция политической системы и политическая модернизация КНР: проблемы и преимущества «Китайской модели». // Сравнительная политика. № 1(14), 2014. С. 120-138. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-politicheskoy-sistemy-i-politicheskaya-modernizatsiya-knr-problemy-i-preimuschestva-kitayskoj-modeli>(дата обращения: 21.03.2023).
3. *Ганшин Г., Ушаков И.В.* Китай. Экономико-географический очерк. М.2004. 272 с.
4. *Зуенко И.* «Две сессии» – 2023. Основные итоги. // РСМД. 16 марта 2023 г.URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dve-sessii-2023-osnovnyie-itogi/> (дата обращения: 29.03.2023).

5. Зуенко И. О демократии в Китае // РСМД. 2 августа 2022 г. URL: (<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/o-demokratii-v-kitae/> (дата обращения: 04.03.2023).
6. Кузык Б.Н. Китай – Россия – 2050: стратегии соразвития / Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. М.: Ин-т экон. стратегий, 2006. 654 с.
7. Ли Кэцян. Доклада о работе правительства КНР. Зачитан 5 марта 2023 г. на 1-й сессии ВСНП 14-го созыва // Синьхуа Новости. 15 марта 2023 г. URL: <https://russian.xinhuanet.com/20230315/32efaf65ef124a429cc0c3e0c112d9fd/c.html> (дата обращения: 25.04.2023).
8. Один пояс – один путь: вызов для России? // Международный союз экономистов. 13 февраля 2019 г. URL: <https://iuecon.org/events/post-release/odin-royas-odin-put-vuzov-dlya-rossii.php> (дата обращения: 14.04.2023).
9. Прокофьев В.Н. Центральный комитет коммунистической партии китайской народной республики и его рабочие органы в системе публичной власти: правовой статус и реальное административно-политическое положение // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 10. С. 55-60. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/73853-centralnyj-komitet-kommunisticheskoy-partii-kitajskoj-narodnoj-respubliki> (дата обращения: 04.03.2023).
10. Сергей Глазьев: «Россия может сменить курс, взяв за основу китайский опыт» // Бизнес Онлайн. 9 апреля 2023 г. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/589659> (дата обращения: 21.04.2023).
11. Си Цзиньпин. Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства. Доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая. 16 октября 2022 г. URL: Режим доступа: https://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.html (дата обращения: 25.04.2023).

12. *Шевченко Я.* Партия, сменяемость власти и открытость: в чем секрет китайской модели развития // Forbes. 07 апреля 2023 г. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/487135-partia-smenaemost-vlasti-i-otkrytost-v-chem-sekret-kitajskoj-modeli-razvitia> (дата обращения: 27.04.2023).
13. CIA World Factbook 2022-2023. China. URL: https://vk.com/doc280183192_648332391?hash=ZvdVgcailSJQyGZjrdbLUPM6ZTWnCp9bvzEmLnTwk00 (date of access: 22.04.2023)
14. *Wang Yi.* Maintain a Global Vision, Forge Ahead with Greater Resolve and Write a New Chapter in Major-Country Diplomacy with Chinese Characteristics. Address at the Symposium on the International Situation and China's Foreign Relations // Ministry of Foreign Affairs of the PRC. December 12, 2022. URL: www.fmprc.gov.cn/eng/zxxx_662805/202212/t20221225_10994828.html (date of access: 20.04.2023)
15. World Economic Outlook Database // International Monetary Fund. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2023/April> (date of access: 12.04.2023)

Давыдов Андрей Сергеевич,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Центр «Россия, Китай и мир» Института Китая и современной Азии РАН,
davydov@iccaras.ru

Andrey S. Davydov,

Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher,
Center “Russia, China and the World”,
Institute of China and Modern Asia,
Russian Academy of Sciences,
davydov@iccaras.ru

РОССИЯ – КИТАЙ – США В НОВОМ МИРОУСТРОЙСТВЕ RUSSIA – CHINA – USA INSIDE A NEW WORLD ORDER

Аннотация: турбулентность складывающегося ныне мироустройства обусловлена резкой конфронтацией между сторонами так называемого большого треугольника: с одной стороны, США, а с другой – взаимодействующими Китаем и Россией. Геополитическая ситуация в последнее время все больше обостряется из-за усиления боев на Украине, где российской спецоперации фактически противостоит НАТО, прикрываясь вооруженными силами Киева. Тревожна и обстановка в Тайваньском проливе, серьезно ухудшившаяся в связи с провокационными шагами властей острова, подталкиваемых США к нарушениям действовавших с КНР договоренностей.

В целом мир переживает период острого противостояния цивилизационных систем в парадигме «Восток – Запад», связанного с определением и выбором модели будущего мироустройства в диапазоне от монополярной до многополюсной.

Ключевые слова: КНР, США, Россия, большой треугольник, геополитическое соперничество, мироустройство.

Abstract: the turbulence of current world order is caused by a sharp confrontation between the parties of the so-called “big triangle” – the United States, on the one hand, and interacting China and Russia on the other. The geopolitical situation in the world has recently become more aggravated due to the intensification

of fighting in Ukraine, where the Russian special military operation is actually opposed by NATO, hiding behind the Ukrainian armed forces.

The situation in the Taiwan Strait is also disturbing and has seriously deteriorated due to provocative steps of the island's authorities, pushed by the US leadership to violate the existing agreements with the PRC.

In general, the world is going through a period of acute confrontation between civilizational systems in the East-West paradigm, associated with the definition and choice of a model of the future world order in the range from monopolar to multipolar formats.

Keywords: China, USA, Russia, “big triangle”, geopolitical rivalry, world order.

Взаимоотношения в большом треугольнике КНР – США – Россия – лишь часть еще не сформировавшегося окончательно, только складывающегося, а потому турбулентного нового мироустройства. И эта незавершенность определяет в том числе и нестабильность в нем. Претендуя на роль мировых лидеров, каждое из государств – сторон треугольника преследует собственные цели, не находя общего языка – предтечи стабильности в тройственном формате [2, с. 82].

Из критериев, требуемых для глобального лидерства, США отвечают всем. Китаю пока не полностью хватает глобального авторитета и влияния, что он и старается активно наверстать. Россия существенно отстает от двух указанных стран по экономическим параметрам.

Конфронтационные расхождения США с КНР и Россией стали главной причиной резкого ухудшения глобальной геополитической ситуации. Один из двух лидеров прошлого биполярного мира – Америка – вознамерился это лидерство сохранить, но исключительно на монополярной и перманентной основе.

Устремления к глобальному лидерству Китая, официально им не признаваемые, но подпитываемые присущим ему комплексом «китаецентризма», оправданы в его собственном разумении.

Россия и Китай солидарны в том, что грядущее мироустройство должно быть полицентричным, но имеют расхождения во взглядах по поводу способов достижения этого.

Процесс продвижения к стабильной модели мироустройства, понимаемой тремя сторонами по-разному, инициировал обострение борьбы, но уже не идеологической, как в прошлом – коммунизма с капитализмом, а противоборство цивилизационных систем в парадигме, условно именуемой «Восток – Запад». Оно было запущено выстраиванием Америкой монополярной структуры мира, настроенной под нее и руководимой ею.

Запад во главе с США руководствуется собственной аксиомой, гласящей, что иная, отличная от западной, культура «неспособна стимулировать экономический и технологический прогресс, а посему каждая жаждущая развития страна должна принять западные стандарты и ценности и согласиться с "построением мира по правилам"», в основу которых и положена концепция монополярности.

Недовольство КНР и России этим постулатом, шагами США для реализации собственной аксиомой и активное сопротивление им вызвали у Запада чувство нетерпимости и решительное желание расправиться с несогласными.

Если при биполярности прошлого века граница между полюсами проходила через разделенные надвое страны (ГДР/ФРГ на западном ее фланге и КНДР/Южная Корея, ДРВ/Южный Вьетнам на восточном), то ныне линия так называемого цивилизационного разлома проходит в том числе и через территорию бывшего СССР, где теперь размещается ряд независимых государств, часть которых уже вошла в НАТО, а другая стремится туда попасть.

Состав западной коалиции во главе с США и НАТО во многом схож политически, хотя включает и страны, географически, традиционно и в

культурном плане относящиеся скорее к Востоку, нежели к Западу, – Японию, Южную Корею, Турцию и пр.

Состав восточной коалиции более условен, особенно в политическом отношении. Экономически в ней доминирует КНР, а по цивилизационной и географической принадлежности к ней могут относиться страны Восточной и Юго-Восточной Азии. Со многими Пекин поддерживает деловые связи, но по политическим и иным причинам некоторые из них, включая Вьетнам, Индонезию, Филиппины и ряд других, сторонятся Китая, проводя свой независимый, а порою антикитайский курс.

Особняком стоит Индия, которая, с одной стороны, не отказывается от участия в форматах и структурах восточной группы (РИК, БРИКС, ШОС), но одновременно проявляет тягу к участию в таких созданных под патронажем США объединениях, как QUAD, где кроме Америки присутствуют Австралия и Япония.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) – одна из структур, символизирующих определенную опору для функционирования восточной коалиции. Большой частью ШОС исполняет роль координационного центра и дискуссионного клуба для небольшой группы стран, некоторые из которых одновременно являются и участницами этого восточного сегмента.

Причины разгорающегося конфликта цивилизаций (через призму китайско-американских отношений), определения общих закономерностей хода исторического процесса и действия законов его диалектического развития являются составной частью проблемы борьбы нового со старым.

Западная цивилизация практически исчерпала себя, вступив в полосу заката, не генерируя более позитивных идей и сводя собственный вклад в мировую сокровищницу достижений в основном к физиологическим новациям – попыткам преодоления рамок человеческой природы, культивированию трансгуманизма, трансгендерства, однополых браков, потере национальной идентификации.

Восток, наоборот, задает тон в развитии экономики, сферы высоких технологий, в прогрессе цифровизации. Исключительна, например, роль Тайваня в производстве микрочипов, что признано во всем мире. Стратегическое противостояние КНР и США, олицетворяющих конфликтующие цивилизационные полюсы, в том числе и поэтому все острее усиливается на разных направлениях и становится «новой нормальностью» в международных отношениях.

КНР – США

Несмотря на заверения со стороны КНР в отсутствии гегемонистских амбиций, ее попытки добиваться позиции мировой сверхдержавы, по существу равной США, т. е. воссоздания некой новой биполярности, становятся все явственнее, что, безусловно, повышает конфронтационные риски и вместо возведения многополярной конструкции реально грозит ввергнуть мир в состояние глобальной стратегической неопределенности.

Не выдвигая официальной цели достижения мирового лидерства, а напротив, всячески откешиваясь на словах от стремления к глобальному доминированию, в реальности Пекин занят изысканием путей укрепления собственного авторитета и усиления влияния в различных регионах, с помощью чего рассчитывает занять центральное место на мировом олимпе.

Если Б. Обама, ратуя за «кимерику», видел в Китае лишь «подручного» по империализму, то ныне речь идет о том, как этот мир поделить. Недоговоренности в этой сфере грозят серьезной конфронтацией, а в самом худшем случае – войной.

США же важнейшей целью своей китайской политики считают недопущение еще большего усиления КНР, которая в отношениях с ними занята изысканием путей сдерживания антикитайских шагов Вашингтона, дополняя это разумно дозированными ответными реакциями на его выпады.

Главным геополитическим вызовом для США в нынешнем веке, основная составляющая которого – амбиции в сфере лидерства, глава ЦРУ Уильям Дж. Бернс считает Китай. Так называемая торговая война, начатая еще

Д. Трампом, стала по существу стартом борьбы двух мировых гигантов за право потенциального управления формирующимся миропорядком.

На первом этапе конфронтации основным инструментом в дуэли двух мировых гигантов стала стратегия размежевания: от существенного снижения объемов двусторонней торговли к аналогичным процессам в высокотехнологичной и финансовой сферах, к свертыванию культурных и образовательных связей.

По данным Американско-китайского делового совета, экспорт в КНР обеспечивал в США 858 тыс. рабочих мест, и в 2018–2020 годах Америка потеряла 245 тыс. из них. С учетом того что за последние 20 лет ВВП КНР вырос в 13 раз, Китай был близок к тому, чтобы начать диктовать свои условия, когда его рынок (15 трлн долл.) превзойдет американский (22 трлн долл.). В то же время при угрозе санкций со стороны США китайский частный сектор предпочитал сохранять доступ на него [7].

За последние десятилетия Китай сделал все для своей технологической, торговой и финансовой самостоятельности, но предполагал работать над этим еще лет 10–15, чтобы создать свою полностью независимую промышленность. Однако прогресс китайской экономики и конкуренция с ее стороны категорически не устраивают Вашингтон, особенно то, что ее рост осуществляется в неподконтрольном Америке политическом русле в отличие, например, от ситуации с Японией в 1960–е годы, когда с помощью политического воздействия ее бурное экономическое развитие удалось купировать.

Как известно, власть у того, в чьих руках деньги. Поэтому вопрос мировой валюты, доллара и ревальвации по отношению к нему юаня является ключевым в отношениях двух стран с начала нынешнего века.

Хотя стоимость китайской рабочей силы уже давно не такая дешевая, как было раньше, более высокая покупательная способность китайской валюты дает возможность КНР, привлекая квалифицированные кадры, создавать продукцию мирового уровня и расширять применение инновационных

технологий [1]. Китай более не удовлетворяет роль «сборочного цеха» для Вашингтона, которую тот по-прежнему считал бы для себя идеальной. Вашингтон, в свою очередь, категорически не устраивает цель КНР – не дать себя изолировать, догнать и перегнать США, причем не только в экономике, но и по политическому весу, стать главным мировым полюсом.

Но навязать миру, в отличие от Вашингтона, собственную повестку со своими интересами и ценностями Пекину пока не удастся. У США сохраняется больше экономических, политических и силовых возможностей.

Тактика невмешательства и нейтралитета Китая в отношении большинства проблем, не затрагивающих его самого, отчасти лишает голос Пекина глобального звучания. Принцип невступления в союзы резко ограничивает количество реально близких по духу друзей и партнеров, а большинство сочувствующих Китаю ожидают от него в основном финансовых инвестиций. Эгоцентричность национального китайского менталитета способствует глобальному росту китаефобии, сдерживать которую приходится с помощью экономических и силовых методов.

В отношениях Китая с США исключительно опасная ситуация складывается вокруг Тайваня, постоянно используемого Америкой в качестве рычага давления на КНР. Фактически Вашингтон не считает себя более обязанным исполнять договоренности, зафиксированные в китайско-американских коммюнике. После начала российской операции на Украине роль Тайваня в китайско-американском конфликте возросла многократно. И можно констатировать, что наряду с проходящей по территории бывшего СССР «западной границей» конфликтующих сторон «восточным рубежом» «цивилизационного противоборства» грозит стать Тайваньский пролив [3].

Пекин, естественно, намерен ускорить решение тайваньской проблемы в свою пользу, исходя не только из этноисторических, но и из технологических соображений. Полное владение Тайванем для Китая – не просто выполнение исторического долга, а залог лидерства, причем не только в микроэлектронике и технологиях, но прежде всего в мировой экономике, политике и военной

сфере. В этом главная причина, по которой Пекин хочет полностью подчинить Тайвань, а Вашингтон – сохранить его в неопределенном статусе или, что еще предпочтительнее, сделать независимым от КНР.

Прогнозы относительно перспектив американско-китайских отношений существуют разные. Так, в КНР некоторые специалисты полагают, что сценарий вооруженного объединения Тайваня и материка начнет реализовываться после XX съезда КПК и завершится в 2027 году – к 100-летию образования НОАК.

Один из реальных путей урегулирования тайваньского кризиса ряду российских китаеведов видится в переходе КНР от концепции «одна страна – две системы» к ориентации на формирование конфедеративного государства.

Американские аналитики, в свою очередь, считают Китай не готовым к войне с США за Тайвань, исходя прежде всего из экономических факторов. Они полагают, что китайская экономика находится в напряжении и, когда объединенные силы мировой экономики начнут действовать против Китая, последствия для него будут катастрофическими, и сами китайцы не захотят этого.

Еще одним определяющим фактором является состояние вооруженных сил КНР, в первую очередь военно-морского флота, поскольку битва за Тайвань связана с морскими операциями. Хотя китайский флот ныне считается вторым по боевой мощи в мире, он пока не продемонстрировал в полной мере своих реальных боевых качеств. Захват многочисленных островов в Южно-Китайском море не равен боевому столкновению с могучим и грозным противником, что в силу известной взвешенности, осмотрительности и неторопливости китайской стороны в ближайшее время ожидать проблематично.

Скорее всего, Си Цзиньпин, продливший мандат на руководство страной, будет стараться использовать по максимуму свой срок для продолжения попыток мирного объединения Пекина с Тайбэем. И лишь в случае, если к

концу срока не удастся добиться результата, он может отважиться на силовой сценарий.

С утверждением Си (на XX съезде КПК) в качестве лидера Китая еще на 5 лет четче и конкретнее определились главные внешнеполитические приоритеты и лейтмотивы современных китайских устремлений. Выстраивание международных отношений нового типа, исключая «игру с нулевой суммой», успех одних в которой достигается за счет других, – вот идеал китайского министерства иностранных дел.

Однако следует иметь в виду, что при текущих тенденциях общий выигрыш, отстаиваемый Китаем, представляет угрозу лидерству США, а его стремление избежать резкой конфронтации вполне может сохранять американо-китайское соперничество в контролируемых рамках, несмотря на кажущиеся порой резкими взаимные выпады сторон.

В отличие от России, объявившей о полном размежевании с Западом на всех уровнях – в безопасности, политике, экономике, культуре и этических вопросах, Китай предлагает выбор на будущее между парадигмой XX века с его конфликтами и потрясениями и альтернативной целью достижения общего блага для всего человечества.

Он не навешивает ярлыков, указывающих, кто прав, а кто виноват. По разумению Китая, конфликт вреден всем, эскалация к конфронтации опасна для крупных держав. В украинском вопросе требуется не только диалог двух сторон, но и диалог России с коллективным Западом в лице США, ЕС и НАТО, необходима сбалансированная и устойчивая система европейской безопасности.

В то же время нельзя не заметить, что, принимая во внимание сохранение в значительной степени архаичности в характере многополярного мира или «мира без гегемона», Китай не хочет втягиваться в глобальный конфликт с западными странами, рискуя потерей европейского и американского рынков. Именно поэтому Пекин стремится занять позицию «над схваткой» и осторожен в поддержке России.

Огромная взаимная торговля Китая с США и Европой удерживает стороны от сваливания в конфронтацию. Так, по итогам 2022 года объем китайско-европейской торговли достиг 847 млрд долл. США, а китайско-американской превысил 700 млрд долл. При этом объем китайско-российской торговли, по данным Главного таможенного управления КНР, составил 188,5 млрд долл., или на 29,2% больше показателя 2021 года.

Россия – США

Главная причина ухудшения российско-американских отношений коренится не в событиях на Украине или в так называемой «аннексии» Россией Крыма, а в том, что на рубеже 2008–2009 годов администрации республиканцев и демократов, сменявшие друг друга у власти в США, проглядели прорвал идеи однополярности и, сочтя урегулирование последствий распада биполярной системы окончательно завершённым, сбросили Россию со счетов как глобального игрока.

Ныне США и НАТО опасаются возрождения мощи России и стремятся сдерживать ее на международном уровне. Хотя конфликт США с КНР в потенциале не исключался, военная опасность со стороны Китая до самого последнего времени представлялась Америке гораздо меньшей, чем со стороны России, с которой у США, в отличие от Китая, нет объединяющих точек соприкосновения.

Спецоперация России на Украине коренным образом изменила геополитическую ситуацию не только в Европе, но и в мире в целом. Произошло усиление НАТО путем приглашения в его состав Финляндии. С началом военных действий на Украине усилился рост антироссийских настроений в Европе. Вступлением в НАТО одной из наиболее нейтральных в прошлом в отношении России стран Запад попытался обесценить итоги ее операции на украинской территории.

Некоторые политологи в своих прогнозах оценивают сложившуюся глобальную ситуацию как патовую и предрекают ее сохранение, в том числе с продолжением СВО, чуть ли не на десятилетия [5].

Очевидно, что главным и решающим для продвижения к новой структуре мироустройства должен стать переход от парадигмы конфронтации к парадигме кооперации, от восприятия мира как средоточия конфликтов и противостояний к осознанию необходимости его развития в русле взаимодействия и сотрудничества и постепенной замены принципа баланса сил на баланс интересов. Вопрос в том, готовы ли к этому все стороны треугольника, каждая по-своему претендующая на мировое лидерство?

Путь к нормализации – раньше или позже – отношений России с США неизбежен и видится не в углублении противостояния, подстегиваемого американскими и отечественными СМИ, а в поисках и согласовании компромиссов, приемлемых для нас и привлекательных для соперников, несмотря на существующую в российских верхах убежденность, что «достижение их в нынешней ситуации нереально».

Многое будет зависеть от намеченных на 2024 год президентских выборов в США. О смене власти на Украине лишний раз и напоминать не стоит – необходимость ее очевидна. Нужно постоянно помнить, что единственной альтернативой компромиссам являются военные действия, которые на Украине уже идут и грозят перерасти в глобальную войну.

Россия – Китай

Россия, связи которой с Китаем именуется стратегическим партнерством и взаимодействием и которая склонна солидаризироваться с КНР в основном по общеполитическим проблемам, расходится с ней по целому ряду конкретных вопросов.

Среди них – различия во взглядах на экономическое развитие Центральной Азии, деятельность ШОС и других региональных структур; особая позиция Пекина по Крыму; свой аналогичный подход он несколько смягчил недавно в отношении территориальных споров РФ с Японией. КНР была солидарна с США по арктической тематике; не желает участвовать в многосторонних переговорах по разоружению.

Китай не поддержал Россию в блокировании резолюции Совбеза ООН по химическому оружию в Сирии, МИД КНР солидаризировался при Трампе с американскими акциями в адрес Пхеньяна, одобрил проект заявления США с осуждением северокорейских ядерных испытаний.

Наконец, Пекин двусмысленно относится к спецоперации РФ на Украине, призывая к скорейшему ее прекращению. Он выдвинул собственный план из 12 пунктов по урегулированию российско-украинского конфликта. В то же время Китай отказался осудить вторжение на Украину, сожалеет, что конфликт уносит жизни, призывает не подливать масла в огонь односторонними санкциями и поставками оружия, подчеркивает необходимость уважать суверенитет и безопасность всех стран.

Иными словами, в отношении с Россией Китай занял позицию дружественного нейтралитета, поддерживая, с одной стороны, Украину с позиции осуждения «нарушения территориальной целостности и соблюдения невмешательства во внутренние дела», с другой – первопричину военных действий со стороны России оправдывает «продвижением НАТО на восток, угрожающим ее безопасности и ключевым интересам».

Поведение Китая в украинском кризисе позволяет ему сохранить особые отношения с Москвой, одновременно окончательно не испортив отношения с ЕС. Пекину крайне важно не допустить создания антикитайской коалиции США и Евросоюза.

Путем проецирования украинской ситуации на тайваньскую проблематику Пекин пытается выстраивать свою собственную систему геополитических связей, стремясь утвердиться в качестве нового центра будущего мирового полюса. С этим связано и изменение отношения к Ирану, включая рамки ШОС, который рассматривается теперь как страна, обеспечивающая для Китая выход в страны Ближнего Востока и Центральную Азию для реализации проекта строительства нового Шелкового пути. Таким образом, можно полагать, что рычаги и механизмы давления, которые могут вынудить США умерить свой пыл, у КНР имеются [4].

В то же время, несмотря на проблемы в американо-китайских отношениях, заинтересованность Китая в торгово-экономическом и научно-техническом партнерстве с США пока несопоставимо выше, чем аналогичный интерес к России.

Чтобы не усугублять отношения с Америкой еще больше, Россия и Китай признали разумным и рациональным не переводить свое стратегическое партнерство в формат официального союза. Ведь ключевой вопрос состоит в том, станет ли в результате его формирования в остальном мире безопаснее, спокойнее, лучше и надежнее или ситуация еще более усугубится, а дальнейшее скатывание в пропасть примет уже необратимый характер.

Недавний визит Си Цзиньпина в Россию, разрекламированный в наших СМИ, помимо заявлений о грандиозных планах экономического сотрудничества и взаимодействия, не принес чего-либо принципиально нового, о чем не говорилось бы на протяжении последних 20 с лишним лет со дня подписания большого российско-китайского договора.

Пожалуй, новым значимым жестом можно считать лишь приглашение китайского лидера, сделанное премьеру РФ М.В. Мишустину, посетить КНР наравне с президентом В.В. Путиным. Очевидно, к нему хотят приглядеться как к потенциальному преемнику.

Радикальных прорывов в отношениях в результате визита может не произойти, как уже случалось неоднократно. Пропагандистскую кампанию вокруг него можно оправдать лишь расчетом надавить на Запад, подвигнув его в направлении примирения по основным вопросам, включая украинский.

Что касается отношения к России в самом Китае, то, по мнению видных российских экспертов, например А.В. Ломанова [6], там есть инерция недоверия, непонимания российских проблем. В китайских рассуждениях встречаются тезисы о том, что Россия постоянно стремится к экспансии, что это очень воинственная страна, которая страдает от неизбывных цивилизационных комплексов и геополитических амбиций, чем отличается от Китая, который тянется к гармонии, умеет налаживать отношения со всеми.

Каким должен стать новый миропорядок – однополярным, вновь биполярным или многополюсным – во многом зависит от международного поведения и взаимоотношений членов «большой тройки». Союз России с одной из сверхдержав против другой с неизбежными ответными шагами противной стороны дисбалансирует мироустройство еще сильнее, сделает его более хрупким, затормозит процесс его окончательного оформления.

Мировые войны, как правило, это всегда кровавое подведение итогов одного цикла глобального развития и предтеча следующего. Но смены циклов необязательно должны завершаться войнами.

Консенсус РФ и КНР относительно многополярности мироустройства помогает сдерживать реализацию планов США по формированию однополярного мира, вынуждает Америку распылять силы между европейским и тихоокеанским флангами, ослабляя тем самым вероятность возникновения военных действий.

Одна из двух ведущих мировых экономик – Китай – стремится к упрочению глобального политического статуса и, несмотря на заверения об отсутствии гегемонистских амбиций, все явственнее пытается добиться позиции мирового лидера, по существу равного по силе США, т. е., иными словами, воссоздания некой новой биполярности.

Украинская ситуация коренным образом меняет геополитический контекст в мире. Но изоляция России западным блоком и лишение ее возможности полноценно участвовать в мировой политике не должны стать поводом для ее самоизоляции. В рамках треугольника возможности усиления взаимодействия с Китаем у нее увеличиваются.

При этом важно стараться строить взаимоотношения не с позиции более слабого партнера, не стоит торопить ответную реакцию со стороны визави или навязываться с инициативами или проектами. Укрепление и расширение партнерства с Китаем следует осуществлять избирательно: экономическое – поощрять и усиливать, а к силовому относиться максимально аккуратно. Россия нужна Китаю не только как источник сырья, но и как «боевая сила»

потенциального союзника в его борьбе с США. При этом реально помочь ей на Украине он не стремится. Поэтому официальный союз с КНР вряд ли целесообразен.

Во избежание мировой войны не следует прекращать поиск путей улучшения взаимоотношений с Западом, исходя из того, что формирование оптимальной модели будущего мироустройства – единственный способ цивилизованного сосуществования различных систем.

Россия должна сыграть в итоге свою главную роль – связующего звена, «моста и балансира» между Западом и Востоком. Поэтому становится категорическим врагом США, как и всецело объединяться с Китаем, ей не стоит. Компромисс между противоборствующими сторонами должен достигаться за счет формирования новой геополитической конфигурации на основе прекращения территориальных конфликтов и установления стабильных разграничений в отдельных субрегиональных центрах.

Список источников и литературы

1. Борьба гигантов: как изменится влияние Китая на Центральную Азию // Mail.kz. 28 марта 2023 г. URL: <https://mail.kz/ru/news/kz-news/borba-gigantov-kak-izmenitsya-vliyanie-kitaya-na-centralnuyu-aziyu> (Дата обращения: 12.04.2023).
2. *Давыдов А.С.* КНР-США-Россия: факторы геополитического соперничества. США&Канада: экономика, политика, культура. 2021, №8 (620). С. 81-91.
3. Директор Национальной разведки США подтверждает конец «стратегической неопределенности» по поводу Тайваня // Международный Комитет Четвертого Интернационала (МКЧИ). 13 марта 2023 г. URL: <https://www.wsws.org/ru/articles/2023/03/13/taiw-m13.html> (Дата обращения: 15.04.2023).

4. Зеленский готов поменять Вашингтон на Пекин? // Свободная пресса. 29 марта 2023 г. URL: <https://svpressa.ru/politic/article/367245/> (Дата обращения: 13.04.2023).

5. *Караганов С.В.* Мы сбрасываем западное иго... // РСМД. 30 мая 2023 г. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/my-sbrasyvaem-zapadnoe-igo/>

6. *Ломанов А.В.* «Запад хочет остановить развитие любой страны, которая способна бросить ему экономический или геополитический вызов»// Россия и глобальной политике. Интервью. 4 марта 2022 г. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/zapad-hochet-ostanovit/> (Дата обращения: 17.04.2023).

7. USCBC Reports // US-China Business Council Reports. URL: <https://www.uschina.org/reports> (Дата обращения: 17.04.2023).

Живора Лариса Ивановна,
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт актуальных международных проблем,
Дипломатическая академия МИД России,
LZhivora@mail.ru

Larisa I. Zhivora,
Ph.D. (History), Leading Researcher,
Institute of Contemporary International Studies,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
LZhivora@mail.ru

**КИТАЙСКАЯ ИНИЦИАТИВА «ПОЯСА И ПУТИ» В СТРАНАХ
ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ
CHINA'S BELT AND ROAD INITIATIVE IN SOUTHEAST ASIA**

Аннотация: Юго-Восточная Азия (ЮВА) является важным направлением в реализации китайской геэкономической стратегии – инициативы «Пояса и пути» (ИПП). Китай планирует провести в ЮВА два сухопутных коридора и участок «Морского шелкового пути XXI века», вдоль которого расположены страны, являющиеся важными торговыми партнерами КНР. Конечная цель китайской инициативы «Пояса и пути» – интеграция региона в единое экономическое пространство и построение «сообщества общей судьбы Китай – АСЕАН». Одним из серьезных препятствий в деле реализации китайского проекта являются территориальные споры в Южно-Китайском море (ЮКМ), ставшие основным источником конфликтного потенциала в ЮВА и Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом. Острота конфликта подпитывается участием в нем США, стремящихся сохранить роль доминирующей державы в регионе путем укрепления военных союзов и формирования Индо-Тихоокеанского региона (ИТР).

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия (ЮВА), Китай, инициатива «Пояса и пути», «Морской шелковый путь XXI века», Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Южно-Китайское море (ЮКМ), США, Индо-Тихоокеанский регион (ИТР).

Abstract: Southeast Asia is a very important direction in the realization of the Chinese geo-economic strategy Belt and Road Initiative (BRI). The plans of China are to build two land routes and a section of the "Maritime Silk Road of the XXI Century" in Southeast Asia, along which the important trade partners of the PRC are situated. The ultimate goal of the Chinese Belt and Road Initiative is to integrate the region into a single economic space and build the "China–ASEAN Community of Common Destiny". One of the serious obstacles to the implementation of the Chinese project are the territorial disputes in the South China Sea, which became the main source of conflict potential in Southeast Asia and generally in the Asia-Pacific region. The acuteness of the conflict is fueled by the participation in it of the United States, who seek to maintain the role of the dominant power in the region by strengthening military alliances and forming the Indo-Pacific Region.

Keywords: Southeast Asia, China, Belt and Road Initiative, "Maritime Silk Road of the XXI Century", Association of Southeast Asian Nations (ASEAN), South China Sea (SCS), USA, Indo-Pacific Region (IPR).

Юго-Восточная Азия (ЮВА), которая охватывает 11 значительно отличающихся по своему экономическому и социально-политическому устройству стран, включая Бруней, Восточный Тимор, Вьетнам, Индонезию, Камбоджу, Лаос, Малайзию, Мьянму, Сингапур, Таиланд и Филиппины, обладает значительным экономическим потенциалом и богатыми природными ресурсами, а также стратегически важными коммуникациями, соединяющими Индийский и Тихий океаны. Китай придает большое значение развитию отношений со странами ЮВА, что продиктовано необходимостью создания по периметру страны надежного «пояса мира, стабильности и совместного процветания» для создания благоприятных условий, способствующих дальнейшему экономическому развитию государства. Экономические связи Китая со странами ЮВА, где проживает 656 млн чел., крепнут с каждым годом. При этом Китай активно развивает как двусторонние экономические

отношения с отдельными странами ЮВА, так и стремится участвовать в различных интеграционных объединениях региона.

Одной из самых крупных интеграционных организаций региона является Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), куда входят 10 из 11 государств ЮВА. В ноябре 2022 года страны АСЕАН согласились принять Восточный Тимор в качестве 11-го члена организации. Вокруг АСЕАН действуют различные региональные структуры по взаимодействию в сфере безопасности и экономического сотрудничества [1]. При этом Ассоциация стремится к продвижению таких форматов, центральная роль в которых отводится «десятке».

С 2009 года Китай стал главным торговым партнером стран – членов АСЕАН, оттеснив с этой позиции США, Японию и ЕС, и занимает 3-е место по объему инвестиций в экономику стран организации. С января 2010 года между КНР и АСЕАН действует одна из наиболее крупных в регионе зона свободной торговли, куда Вьетнам, Лаос, Камбоджа и Мьянма подключились в 2015 году. По итогам 2022 года объем торговли Китая с АСЕАН составил более 975 млрд долл. [14].

Китайская геоэкономическая стратегия «Один пояс – один путь»

Крупнейшим трансрегиональным проектом Китая, способствующим активной деятельности китайского бизнеса в государствах ЮВА, является его геоэкономическая стратегия «Один пояс – один путь», впоследствии получившая название инициативы «Пояса и пути» (ИПП). В рамках ИПП Китай планирует получить доступ к новым рынкам через реализацию двух проектов – континентального «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП) и «Морского шелкового пути XXI века» (МШП-21). Сухопутный проект свяжет восточное побережье Китая с Европой, а Морской шелковый путь – с коммерческими портами Юго-Восточной Азии. В рамках этих проектов осуществляется строительство скоростных железнодорожных путей и автомобильных дорог, морских портов, нефте- и газопроводов и иных инфраструктурных объектов.

Проект ИПП в 2015 году был включен в план 13-й пятилетки КНР, а в 2017 году закреплён в уставе КПК. Китай ставит стратегическую задачу с помощью этого проекта превратить КНР в передовое, модернизированное и процветающее государство. Проект будет способствовать быстрому экономическому подъёму слаборазвитых территорий западного и центрального Китая, а также позволит расширить рынки сбыта продукции экспортного комплекса страны. Параллельно Китай ставит амбициозную задачу «построения нового типа международных отношений и продвижения реформы системы глобального управления в период великого развития, крупных перемен и больших изменений в международной обстановке» [18], так называемую концепцию «сообщества единой судьбы человечества», впервые предложенную Председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 году. Эта задача была внесена в Конституцию КНР с поправками от 11 марта 2018 года. По мнению Си Цзиньпина, «именно инициатива "Пояс и путь" призвана провести в жизнь эту концепцию» [12].

Инициатива «Пояса и пути» развивается достаточно успешно. На момент 2020 года было реализовано проектов на сумму, равную почти 4 трлн долл. [13]. К настоящему времени Китай подписал более 200 документов о сотрудничестве с 151 страной и 32 международными организациями [19]. В инициативе участвуют более трех четвертей стран мира, сформировано более 3 000 проектов сотрудничества, объём инвестиций достиг почти 1 трлн долл. США, создано 420 тыс. рабочих мест [17].

Финансирование проекта осуществляется с помощью Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) с уставным капиталом 100 млрд долл. и Фонда Шелкового пути (ФШП) объёмом 40 млрд долл. В дальнейшем предполагается создание новых финансовых институтов для поддержания проектов ИПП.

В октябре 2023 года в Пекине состоялся III Международный форум «Один пояс, один путь», на который прибыли главы более 20 стран. Всего в форуме приняли участие представители около 130 стран. Первый и второй

форумы международного сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс, один путь» проходили в 2017 и 2019 году.

Реализация инициативы «Пояса и пути» в Юго-Восточной Азии

В связи со своим географическим положением ЮВА является одним из ключевых направлений ИПП. В планы Китая входит проведение здесь двух сухопутных коридоров: Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма (ВСИМ) и Китай – Индокитай, а также участок «Морского шелкового пути XXI века». МШП-21 (около 15 тыс. км) будет включать в себя все морские порты Китая и пройдет через регион ЮВА в двух направлениях: Китай – Индийский океан – Африка – Средиземное море, Китай – Океания – южная часть Тихого океана. Примечательно, что «Морской шелковый путь XXI века» разрабатывается Пекином как альтернатива морскому торговому пути, проходящему через Малаккский пролив и в настоящее время подконтрольному США. По этому пути Китай получает более 70% импортируемой им нефти и сжиженного природного газа, и безопасность торгового маршрута имеет стратегическое значение для экономики Китая.

Страны ЮВА являются важными торговыми партнерами КНР и занимают серьезное место в реализации китайской стратегии МШП-21. Финансовым обеспечением МШП-21 в ЮВА занимается АБИИ, в состав учредителей которого в 2014–2015 годах вошли все страны субрегиона. Кроме того, был создан Фонд морского сотрудничества Китай – АСЕАН. Китай предлагает странам ЮВА «концепцию соразвития и старается интегрировать проект в инфраструктурную сеть региона, сопрягая его с национальными проектами и стратегиями развития, выдвинутыми самими государствами ЮВА» [21].

Китай также увязывает реализацию ИПП с перспективным планированием АСЕАН, предусматривающим создание региональной транспортно-логистической и энергетической инфраструктуры, что чрезвычайно важно для региона, где в силу географических особенностей транспортная инфраструктура недостаточно развита, и это является

препятствием для более тесной интеграции в регионе. Планы Китая по масштабным инвестициям в инфраструктуру стран ЮВА, прежде всего в их портовые хозяйства, вызывают полную поддержку стран региона.

Одним из крупнейших проектов ИПП в странах ЮВА является трансграничная Паназиатская железнодорожная магистраль, которая соединит территории Китая, Вьетнама, Лаоса, Мьянмы, Таиланда, Камбоджи, Малайзии и Сингапура и составит более 14 тыс. км. Эта магистраль будет способствовать доставке грузов из Китая в крупные города стран ЮВА. Стоимость проекта составляет почти 6 млрд долл. Паназиатская магистраль, связавшая Лаос с железнодорожной системой Китая, предоставила стране выход к морю. Большую роль в проекте ИПП будет играть высокоскоростная железная дорога Китай – Таиланд протяженностью около 900 км, а также реализуемый проект новой железнодорожной линии Куньмин – Сингапур [16].

Ключевую роль в китайском проекте ИПП в ЮВА благодаря географическому положению играет Малайзия, поскольку МШП-21 проходит через Малаккский пролив. Малайзия является значимым торговым партнером КНР с торговым оборотом в 124 млрд долл. и наряду с Индонезией входит в десятку стран как по объему, так и по стоимости проектов, реализуемых в рамках ИПП (160,76 млрд долл.) [11]. Китай инвестировал около 12 млрд долл. в четыре крупных портовых проекта в стране [14]. Центральным элементом инфраструктурного плана Китая в Малайзии является проект East Coast Rail Link (ECRL), к реализации которого Малайзия и Китай приступили в 2017 году [9].

Китай постепенно приобретает доли в портах или терминалах стран ЮВА. Так, он участвует в планируемой модернизации портов Давао и Себу на Филиппинах, в завершении строительства глубоководного порта Сиануквиль в Камбодже. Следует отметить, что в Камбодже китайская компания имеет 99-летнюю концессию на 20% всей береговой линии страны, что составляет 90 км.

КНР готова принять участие в реализации индонезийского плана развития морского транспорта «Индонезия – морская ось мира», в частности в «сооружении 24 морских портов и 15 аэропортов, а также в строительстве 1000 км шоссейных дорог, прокладке 8700 км железнодорожных путей и сооружении электростанции мощностью 35 тыс. МВт» [5]. В настоящее время в Индонезии в рамках ИПП ведется строительство первой высокоскоростной железной дороги Джакарта – Бандунг стоимостью 6 млрд долл. В Брунее действует совместное китайско-брунейское предприятие по обслуживанию крупнейшего контейнерного терминала страны, продолжается строительство нового моста Тембуронг длиной в 12 км, а также двух виадуков протяженностью 13,4 км.

Большую роль в проекте «Пояс и путь» играет Мьянма, которая участвует в организации экономического коридора ВСІМ, состоящего из сухопутного и морского маршрутов. Общая стоимость проекта может составить около 22 млрд долл. В китайский проект «Один пояс – один путь» входит также строительство глубоководного порта Кьяукпью в Мьянме стоимостью 7,3 млрд долл., а также особой экономической зоны при нем [11]. Этот проект даст южной китайской провинции Юньнань выход к морю и позволит Китаю обойти Малаккский пролив и Южно-Китайское море при доставке энергоносителей из Африки и Ближнего Востока. КНР построила и в 2013 году запустила газопровод, проходящий через Мьянму, с ежегодной пропускной способностью 12 млрд куб. м, а в августе 2014 года завершила строительство нефтепровода в порту Янгон годовой мощностью 12 млн тонн сырой нефти [4], что также позволило в какой-то степени снизить ее зависимость от поставок ближневосточной нефти через Малаккский пролив. Однако в начале февраля 2021 года в Мьянме резко обострилась внутривнутриполитическая ситуация. Вооруженные силы Мьянмы сместили гражданское правительство Аун Сан Су Чжи, власть в стране перешла в руки главнокомандующего ВС Мин Аунг Хлайна, в стране введено чрезвычайное положение, по всей стране развернулось массовое продемократическое

движение, начались беспорядки, имеются жертвы. Эта ситуация может оказать негативное влияние на реализацию китайской стратегии «Пояс и путь» и нанести вред китайским интересам. В оппозиционных СМИ и на улице появились антикитайские лозунги, имели место погромы китайских предприятий, в результате чего был нанесен ущерб в размере около 37 млн долл. Представитель МИД Китая потребовал немедленной защиты «китайских учреждений и персонала». Вместе с тем китайские официальные лица заявили: «Как бы ни изменялась ситуация в Мьянме, решимость Китая в продвижении отношений с ней и курс Китая на дружбу и сотрудничество остаются непоколебимыми» [13].

Важным звеном китайского проекта ИПП выступает Вьетнам, являясь частью Паназиатской железнодорожной магистрали. Президент Социалистической Республики Вьетнам (СРВ) Чан Дай Куанг, выступая на саммите ОПОП в мае 2017 года в КНР, подчеркнул, что Ханой поддерживает идеи, направленные на укрепление региональной взаимосвязанности, «в том числе и китайскую инициативу "Пояса и пути"» [22]. Страны подписали меморандум о сопряжении ИПП и вьетнамо-китайского проекта «Два коридора, один пояс», в рамках которого осуществляется сотрудничество между южными китайскими провинциями Юннань и Гуанси и северными областями СРВ. Китай является крупнейшим торговым партнером Вьетнама и находится на 2-м месте по объему импорта. Вьетнам, в свою очередь, является крупнейшим торговым партнером Китая среди стран АСЕАН. В 2021 году товарооборот между двумя странами достиг 165,9 млрд долл. [3]. Вьетнам заинтересован в привлечении китайских инвестиций в развитие инфраструктуры страны, однако, что касается участия в ИПП, Вьетнам ведет себя осторожно. Вьетнамские эксперты отмечают, что условия китайских займов не столь привлекательны, как это представлено в китайских предложениях, и могут привести к увеличению экономической зависимости страны от Китая. Финансируя проекты, КНР выдвигает два условия: либо китайская сторона предлагает свою управляющую компанию и контролирует

все процессы в реализации проекта, либо предоставляет связанный кредит, по которому в страну поступают не деньги, а оборудование, рабочая сила и т. д. Такой способ взаимодействия позволяет Китаю выгодно вкладывать избыточный капитал, экспортировать национальную продукцию и рабочую силу, завязывать инфраструктуру и объекты, сооружаемые вдоль ИПП, на китайские технологические стандарты.

Следует отметить, что к концу 2020 года, несмотря на спад мировой экономики, вызванный пандемией COVID-19, и определенный ущерб в реализации проектов «Один пояс – один путь», Китай значительно укрепил свои лидерские позиции в Юго-Восточной Азии. КНР первой вышла из кризиса и добилась экономического роста в 2,3%. Кроме того, были реализованы такие китайские проекты, как «Цифровой шелковый путь», в рамках которого были снижены барьеры на международном рынке электронной коммерции, а компания Alibaba построила логистические центры на рынках Таиланда и Малайзии. Реализация «Здорового шелкового пути» помогла улучшить эпидемическую обстановку в странах ЮВА. КНР оказала помощь соседним странам в строительстве больниц и передала большой объем материалов экстренной медицинской помощи. Китайская вакцина доставляется всем странам АСЕАН. В Индонезии при помощи Китая создается Центр вакцины в ЮВА. Во время пандемии АБИИ выпустил «панда-облигации» на сумму 3 млрд юаней и объявил «о создании Фонда восстановления после пандемии COVID-19 для оказания помощи странам-участницам в области здравоохранения» [20].

Конечная цель китайской инициативы «Пояса и пути» в ЮВА – интеграция региона в единое экономическое пространство путем создания инфраструктуры, расширения торгового и культурного обмена. С этой же целью в ноябре 2020 года было подписано Соглашение о всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП), куда вошли 10 стран АСЕАН, а также Китай, Япония, Южная Корея, Новая Зеландия и Австралия. Так была создана крупнейшая в мире зона свободной торговли, охватившая

порядка 30% населения Земли и примерно 30% мировой экономики [15]. Следует отметить, что в соглашении участвует Китай, но нет США. Заключение ВРЭП стало успехом именно китайской дипломатии, хотя официально инициатива о начале таких переговоров в 2012 году исходила от АСЕАН. Для Китая это очень важная торговая победа. Подписание соглашения по ВРЭП свидетельствует о том, что после вспышки эпидемии в 2020 году резко вырос спрос на региональное экономическое сотрудничество в новой ситуации. Реализуя проекты ИПП в ЮВА, Китай стремится построить «сообщество общей судьбы Китай – АСЕАН», о чем председатель КНР Си Цзиньпин впервые заявил осенью 2013 года в Индонезии.

Однако следует отметить, что вместе с большими успехами, достигнутыми в реализации китайского проекта ИПП, накопились также и большие проблемы. Тот факт, что все больше стран АСЕАН попадает в экономическую зависимость от Китая, вызывает тревогу у государств региона. В странах ЮВА отмечается тенденция увеличения отрицательного сальдо стран АСЕАН в торговле с Китаем, что, в их понимании, может привести к доминирующему влиянию Пекина, а также к дальнейшей несогласованности действий внутри АСЕАН. В политическом и экспертном сообществе стран ЮВА есть опасения, что этот факт окажет негативное влияние на урегулирование проблемы Южно-Китайского моря (ЮКМ), где уже многие десятилетия идут территориальные споры о принадлежности островов и морских пространств в его акватории. Есть также опасения, что прокитайские условия будут отражены в тексте разрабатываемого Кодекса поведения сторон в ЮКМ (СОС), переговоры по подписанию которого ведутся уже два десятилетия, но все еще находятся в тупике, поскольку Пекин не уступает ни по одному из пунктов.

Территориальные споры в Южно-Китайском море

Южно-Китайское море – зона стратегических интересов и суверенных прав многих государств ЮВА, для которых потенциал ЮКМ является одним из важнейших факторов экономического развития. Бассейн ЮКМ занимает 4-

е место в мире среди крупнейших рыбопромысловых районов. Через акваторию ЮКМ проходят международные морские коммуникации, в том числе транспортировка углеводородов с Ближнего Востока во многие страны АТР. В акватории ЮКМ обнаружены большие запасы нефти и природного газа. По предварительным данным, «суммарные залежи нефти составляют до 30 млрд т, а природного газа – не менее 16 трлн куб. м» [6].

С формальной точки зрения спор в ЮКМ идет по трем главным вопросам: суверенитет над островами, атоллами, банками и рифами; разграничение исключительных экономических зон (ИЭЗ) и континентального шельфа; свобода навигации и эксплуатация ресурсов моря в ИЭЗ и у архипелагов. Следует отметить, что сами по себе острова не имеют какой-либо экономической ценности по причине своих малых размеров, но исключительное право на разведку и разработку богатых природных ресурсов, а также обеспечение преимущества на море являются основными причинами конфликта в вопросе территориальной принадлежности островов. Кроме того, государство, обладающее островами, может контролировать международные торговые пути в ЮКМ.

Для Китая Южно-Китайское море имеет стратегическое значение, так как именно здесь проходит до 90% товарообмена страны с остальным миром. Контроль над островами необходим Китаю для того, чтобы исключить возможность блокады Малаккского пролива со стороны США. Руководство КНР поставило задачу превратить страну в сильную морскую державу. Подводный флот Китая по численности скоро сравняется с американским, а МШП-21, проходящий через ЮКМ, позволит укрепить позиции военно-морского флота НОАК в Индийском и Тихом океанах.

В опубликованной в январе 2017 года в Китае Белой книге о сотрудничестве в сфере безопасности в АТР говорится о том, что «Китай будет брать на себя большую ответственность за региональную и глобальную безопасность, а также будет строить вооруженные силы, которые соизмеримы с его международным авторитетом и интересами в области безопасности и

развития» [7]. Военное преобладание в этом регионе любой державы будет иметь глобальные последствия.

КНР претендует на 80% территории богатого энергоресурсами Южно-Китайского моря, несмотря на территориальные претензии других стран региона – Вьетнама, Филиппин, Брунея, Малайзии и Тайваня. Наиболее напряженной остается ситуация вокруг архипелага Парасельские острова/Сиша, рифа Скарборо/Хуанъянь, а также архипелага Спратли/Наньша. С конца 2014 года Китай начал возводить в спорных акваториях искусственные острова, оборудованные маяками, бухтами и взлетно-посадочными полосами, которые могут принимать как гражданские, так и военные самолеты. Китай разместил на островах архипелага Спратли противокорабельные ракеты и зенитные комплексы. Уже сейчас Китай создал в ЮКМ 27 передовых баз.

Военное строительство Китая на островах Спратли/ Наньша вызывает озабоченность всех соседних государств. Страны АСЕАН не согласны с китайскими претензиями, но каждая из них по-своему строит отношения с Китаем, который стал главным торговым партнером АСЕАН. Наибольшую тревогу по поводу действий Китая в ЮКМ проявляют Вьетнам и Филиппины, которые противостоят территориальным амбициям Китая. Вьетнам активно защищает свои права на всех международных площадках, пытаясь привлечь внимание мирового сообщества к проблеме ЮКМ. В споре с КНР Вьетнам, как и Филиппины, вынужден идти на сближение с противником Пекина – США, вторым по значимости торговым партнером Вьетнама после КНР. С мая 2016 года страны начали налаживать военно-техническое сотрудничество. В то же время Ханой стремится диверсифицировать свои внешнеполитические возможности и постепенно отойти от сложившейся за последние десятилетия стратегии балансирования между КНР и США. Все более возрастающее значение в международных отношениях Вьетнама приобретают такие региональные державы, как Россия, Индия, Южная Корея и Япония.

Филиппины при явном поощрении США в марте 2013 года подали на Китай иск в Гаагский международный арбитраж, обвинив его в нарушении

Конвенции по морскому праву 1982 года. Гагская Постоянная палата третейского суда в 2016 году отказалась признать законность претензий Китая. Пекин не согласился с решением арбитража и в ответ развернул крупные военные учения с применением боевых снарядов в районе Парасельских островов. Китай не исключает возможности применения военной силы для защиты своих национальных интересов в АТР.

Ускоренная модернизация НОАК, включая строительство мощного ВМФ, вместе с ужесточением политики в ЮКМ поставили ряд стран АСЕАН перед необходимостью обеспечения своей национальной безопасности и быстрого увеличения военных расходов. В настоящее время Индонезия, Япония, Вьетнам и Сингапур строят свои собственные или закупают за рубежом подводные лодки.

Американская политика по сдерживанию Китая в АТР

Усиление позиций КНР в ЮКМ дало повод США активизировать военные мероприятия в регионе, так как доступ США к Южно-Китайскому морю является принципиальным элементом американской системы сдерживания Китая. Корабли и самолеты американского Тихоокеанского флота демонстративно летают и проходят в непосредственной близости от намытых Китаем островов. Современная американская политика продолжает курс на «возвращение» в АТР, провозглашенный США в 2011 году, суть которого сводится к наращиванию там их военного присутствия, укреплению существующих военных союзов и поиску новых партнеров с целью сохранить свою роль мирового лидера и доминирующей державы в регионе. Нагнетанию напряженности в АТР способствует и развернувшаяся по инициативе США торговая война с Китаем. Руководство США настаивает на том, что китайский мегапроект «Один пояс – один путь» представляет угрозу для нынешней американской системы торговых и военных альянсов. В Белом доме утверждают, что политика КНР угрожает техническому преимуществу США, ослабляет устойчивость цепочек поставок и подрывает национальные интересы Америки.

Приоритетной целью американской внешней политики в настоящее время является формирование Индо-Тихоокеанского региона (ИТР), концепцию которого закрепила Стратегия национальной безопасности США 2018 года. Ядром предполагаемого ИТР и потенциально главным инструментом обеспечения интересов США в ИТР планируется блок Quad («Четверка») в составе США, Индии, Японии и Австралии. По мнению Вашингтона, этот блок должен стать основой безопасности в ИТР и противостоять росту китайского влияния. В США надеются подключить в дальнейшем к блоку Quad и страны ЮВА. Для оказания противодействия влиянию Китая в спорной акватории ЮКМ, а также в АТР в целом, в сентябре 2021 года по инициативе США в регионе был образован новый трехсторонний альянс под названием AUKUS в составе Австралии, Великобритании и США.

Обострение ситуации в АТР, связанное с противостоянием США и Китая, повысило для некоторых стран ЮВА актуальность американского военного присутствия, однако государства ЮВА предпочитают отказываться от каких-либо обязательств, которые были бы восприняты в Пекине в качестве «недружественных» [8].

Китай уделяет большое внимание расширению своего экономического и политического присутствия в Юго-Восточной Азии. Инициатива «Пояса и пути», реализуемая в регионе, представляет собой проект широкомасштабной стратегии Китая, направленной прежде всего на решение внутренних задач, а также углубление международного экономического и политического сотрудничества. Реализация ИПП в ЮВА позволит Китаю доставлять энергоносители из Африки и Ближнего Востока, избегая морской маршрут через Малаккский пролив, подконтрольный США, и Южно-Китайское море, споры в котором стали источником конфликтного потенциала в ЮВА и АТР в целом. Активная геоэкономическая политика КНР в ЮВА, несмотря на некоторые препятствия, способствует наращиванию Пекином своего регионального и глобального влияния.

Россия поддерживает китайскую инициативу «Пояса и пути», о чем свидетельствует подписанное между РФ и КНР в 2015 году соглашение о сопряжении китайского проекта и планов ЕАЭС. Приоритеты российской политики в АТР состоят в том, чтобы не только всемерно укреплять сотрудничество с Китаем, но и максимально диверсифицировать экономические и политические связи России в регионе, прежде всего укреплять их со странами АСЕАН. Россия готова подключиться к инициативам АСЕАН по развитию энергетической, транспортной и информационной инфраструктуры. Для стран ЮВА Россия важна как крупная внерегиональная держава, с которой у них есть серьезное пересечение интересов в плане поддержания безопасности и стабильности в регионе.

Список источников и литературы

1. Ассоциация государств Юго-Восточной Азии // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 15 марта 2016 г. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1524218/> (дата обращения: 22.03.2023).
2. В Ханое прошел 6-й саммит по вопросам сотрудничества в субрегионе Большого Меконга // Nhan Dan онлайн. 31 марта 2018 г. URL: <http://ru.nhandan.com.vn/kinhtexahoi/kinhtexahoi-hoinhap/item/959150-в-ханое-прошел-6-й-саммит-по-вопросам-сотрудничества-в-субрегионе-большого-меконга.html> (дата обращения: 21.02.2023).
3. Глава Компартии Вьетнама обсудит в Китае отношения двух стран // ТАСС. 30 октября 2022 г. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16195121> (дата обращения: 10.05.2023).
4. Данилова Т. Пояс, путь, проекты и проблемы // Атомный эксперт. 2 марта 2019 г. URL: https://atomicexpert.com/silkway_belt_and_path (дата обращения: 15.04.2023).

5. *Ефимова Л.М.* Индонезийская «Морская ось мира» и китайский «Морской шелковый путь XXI века» // Вестник МГИМО-Университета. №6 (45). 2015. С.196–204.
6. *Золотухин И.Н.* Территориальные споры в Южно-Китайском море: современное состояние проблемы // Известия Восточного института. № 4 (36). 2017. С. 13–24.
7. *Игнатьев С.В.* Юго-Восточная Азия в проекте КНР «Морской шелковый путь XXI века»: аспекты безопасности // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Том I. № 2 (39). 2018. С. 40-49.
8. *Канаев Е.А.* АСЕАН в инициативе пояса и пути навстречу председателству Вьетнама // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Том I. № 1 (42). 2019. С. 22-31.
9. Китай идет на многомиллиардные уступки Малайзии ради своего мегапроекта «один пояс – один путь» // URL: <https://zen.yandex.ru/media/obetomnegovoryat/kitai-idet-na-mnogomilliardnye-ustupki-malaizii-radi-svoego-megaproekta-odin-poias-odin-put-5cb41be6dbedf200b3506596>(дата обращения: 28.11.2022).
10. Китай подписал документы о сотрудничестве по совместному строительству «Пояса и пути» с 138 странами // DKNNews. 18 ноября 2020 г.URL: https://dknews.kz/inner-news.php?id_cat=20&id=139043&utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch(дата обращения: 28.11.2022).
11. *Коновалов П.* ОПОП в Малайзии: новые вызовы для Юго-Восточной Азии. // E-News. 9 декабря 2020 г.URL: <https://e-news.su/in-world/360350-opop-v-malayzii-novye-vyzovy-dlya-yugo-vostochnoy-azii.html>(дата обращения: 28.11.2022).
12. Концепция сообщества единой судьбы человечества превращается из концепции в реальные действия - сказал Си Цзиньпин // RussianNews.Сп. 1

декабря 2017 г.URL:http://russian.news.cn/2017-12/01/c_136793972.htm (дата обращения: 22.03.2023).

13. Неожиданный удар по Китаю. В Мьянме политический кризис // Царьград. 2 марта 2021 г.URL: https://tsargrad.tv/articles/neozhidannyj-udar-po-kitaju-v-mjanme-politicheskij-krizis_335650(дата обращения: 21.02.2023).

14. Объем торговли КНР со странами АСЕАН в 2022 г. вырос на 11,2%, а с ЕС на 2,4% – таможня // FinancialOne. 13 января 2023 г.URL: <https://fomag.ru/news-streem/obem-torgovli-knr-so-stranami-asean-v-2022-godu-vyros-na-11-2-a-s-es-na-2-4-tamozhnya/>(дата обращения: 10.05.2023).

15. *Панова В.* Прыжок азиатских тигров в пространство мегарегионов // РСМД. 8 декабря 2020 г.URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pryzhok-aziatskikh-tigrov-v-prostranstvo-megaregionov/>(дата обращения: 15.04.2023).

16. Проблемы и перспективы Нового Шелкового пути // Китай сег.ня. 6 марта 2021 г.URL: <https://prc.today/problemy-i-perspektivy-novogo-shyolkovogo-puti/>(дата обращения: 10.05.2023).

17. Специальный репортаж: Высококачественное совместное строительство «Пояса и пути» приносит пользу народам всего мира // RussianNews.Cn. 26 сентября 2023 г.URL: <https://russian.news.cn/20230926/e616c32d399e4de0afd1e6279f326549/c.html> (дата обращения: 26.09.2023).

18. Цуй Шаочунь: Сообщество единой судьбы человечества способствует построению лучшего мира // Генеральное Консульство КНР в г. Екатеринбурге. 5 мая 2023 г.URL: http://ekaterinburg.china-consulate.gov.cn/rus/zlgxw/202305/t20230505_11071101.htm (дата обращения: 25.05.2023)

19. Чжан Юньби: Форумы благоприятствуют глобальному процветанию и поддерживают стабильный деловой климат // Российская газета. 31 марта 2023 г.URL: <https://rg.ru/2023/03/31/poias-sotrudnichestva.html> (дата обращения:25.04.2023)

20. Ши Чжицинъ. «Один пояс» — много возможностей // Известия. 1 декабря 2020 г. URL: <https://iz.ru/1093020/shi-chzhitsin/odin-poias-mnogo-vozmozhnostei> (дата обращения: 10.05.2023).

21. Юго-Восточная Азия как зона столкновения интересов Китая и США (Доклад Российского института стратегических исследований) // Проблемы национальной стратегии. 2018. №4(49). С.13-53.

22. President Tran Dai Quang concludes State visit to China // Vietnam Plus. 16 мая 2017 г. URL: <https://english.vietnamnet.vn/fms/government/178416/president-tran-dai-quangconcludes-state-visit-to-china.html> (дата обращения: 20.04.2023).

Трибуна молодых ученых

Галкин Кирилл Евгеньевич,

студент 4 курса бакалавриата,
Национальный исследовательский
Томский государственный университет,
kirill2001galkin@yandex.ru

Сыромятников Максим Денисович,

студент 4 курса бакалавриата,
Национальный исследовательский
Томский государственный университет,
official_m@inbox.ru

Никитин Дмитрий Сергеевич,

кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры востоковедения,
Национальный исследовательский
Томский государственный университет,
nikitds33@gmail.com

Румянцев Владимир Петрович,

доктор исторических наук, заведующий кафедрой востоковедения,
Национальный исследовательский
Томский государственный университет,
rumv@mail.ru

Kirill E. Galkin,

student, 4th year bachelor,
National Research Tomsk State University,
kirill2001galkin@yandex.ru

Maxim D. Syromyatnikov,

student, 4th year bachelor,
National Research Tomsk State University,
official_m@inbox.ru

Dmitry S. Nikitin,

Cand. Sc. (History), senior lecturer, Department of Oriental Studies,
National Research Tomsk State University,
nikitds33@gmail.com

Vladimir P. Rumyantsev,

Doctor of Historical Sciences, professor, Department of Oriental Studies,
National Research Tomsk State University,
rumv@mail.ru

**РОЛЬ ТРАДИЦИОННЫХ АФРИКАНСКИХ ИНСТИТУТОВ В
ПОСТКОНФЛИКТНОМ УРЕГУЛИРОВАНИИ В РУАНДЕ
THE ROLE OF TRADITIONAL AFRICAN INSTITUTIONS IN THE POST-
CONFLICT SETTLEMENT IN RWANDA**

Аннотация: в статье рассматриваются основные традиционные африканские институты народностей Руанды, позволившие стране преодолеть постконфликтный и постгеноцидный период с 1994 по 2012 год. Сделаны выводы о возможности использования опыта Руанды в преодолении последствий межэтнических конфликтов для других стран Африки, столкнувшихся с политической и этнической разобщенностью.

Ключевые слова: Руанда, традиционные институты, гакака, ингандо, абунзи, убудехе, государственные механизмы, геноцид.

Abstract: the article deals with the main traditional African institutions of the peoples of Rwanda, which allowed the country to overcome the post-conflict and post-genocide period from 1994 to 2012. Conclusions are drawn about the possibility of using the experience of Rwanda in overcoming the consequences of interethnic conflicts for other African countries that are faced with political and ethnic disunity.

Keywords: Rwanda, traditional institutions, gakaka, ingando abunzi, ubudehe, state mechanisms, genocide.

Для государств Африканского континента характерно наличие множества острых межэтнических и межплеменных конфликтов, уходящих своими корнями в колониальную эпоху. Для многих из них наличие таких конфликтов, а также преодоление их последствий являются серьезным препятствием на пути к устойчивому развитию.

Большинство традиционных институтов Африки встроены в обычное право африканских племен и, следовательно, отражают их традиционные нормы и ценности. Они являются частью социальной ткани народов Африки, что объясняет их довольно сильную устойчивость на сегодняшний день.

Традиционные африканские институты – это процессы правосудия и законотворчества, основанные на сотрудничестве, коммунитаризме, сильной групповой согласованности, социальных обязательствах, принятии решений на основе консенсуса, социальном конформизме и строгих социальных санкциях. Они включают в себя использование общих моделей разрешения споров, примирительный диалог, допущение чувства вины или правонарушения, а также компенсационные уступки и ритуальную комменсальность, когда обмен едой символизирует конец враждебности и гармоничное возобновление течения социальной жизни.

В этих условиях успешный опыт Руанды в преодолении межэтнической разобщенности и налаживании гражданского диалога может стать примером для остальных стран континента.

Целью исследования является оценка эффективности традиционных институтов Руанды (гакака, ингандо, абунзи, убудехе) в структуре государственного аппарата, а также определение возможности создания подобных механизмов в государственном управлении соседних стран.

Геноцид в Руанде был спланированной кампанией массовых убийств, происходившей в апреле–июле 1994 года, в ходе которой погибло до 800 тыс. человек. Геноцид и проблема беженцев (страну покинуло более 2 млн чел.) стали причинами масштабного гуманитарного кризиса [9], который не был преодолен вплоть до начала 2000-х годов.

В 2000 году, когда Пастера Бизимунгу на посту президента страны сменил Поль Кагаме (лидер «Руандийского патриотического фронта», благодаря которому был прекращен геноцид), Руанда стояла перед лицом, казалось бы, непреодолимых проблем. В стране наблюдался глубокий социальный раскол, угрожавший привести к общему краху государственности [1]. Для обеспечения развития Руанды в постгеноцидный период правительство Поля Кагаме в первой половине 2000-х годов имплементировало в государственный механизм ряд традиционных институтов (таких как гакака, ингандо, абунзи, убудехе и др. [11]),

разработанных на основе местных возможностей, культурных ценностей и истории страны с целью ускорения ее всестороннего развития и преодоления кризиса.

В частности, гакака является традиционной общинной судебной системой, направленной на восстановление социальной структуры общества. Она дает выжившим жертвам геноцида возможность узнать правду о смерти своих родственников, а преступникам – признаться в своих преступлениях и получить прощение от семей своих жертв [8]. Данного рода суды полагались на категоризацию правонарушений и смягчение приговора для тех, кто сознался в преступлении добровольно и просил прощения перед всей общиной. Первоначально виновных в геноциде должен был судить Международный уголовный трибунал по Руанде (МУТР), однако огромное количество обвиняемых делало маловероятным, что все они будут осуждены. В результате всего через суды гакаку прошло порядка 1 958 634 дел, связанных с геноцидом, а сами суды официально завершили свою работу в июне 2012 года.

Ингандо представляют собой лагеря межэтнической солидарности, организованные по всей Руанде как средство примирения посредством гражданского просвещения и сотрудничества [5]. Одной из целей ингандо было уменьшение недоверия, а также поощрение примирения между двумя ранее враждующими племенами тутси и хуту через совместные проекты и построение межплеменного диалога [10]. По замыслу правительства Поля Кагаме, целью ингандо на начальной стадии их развития была интеграция репатриантов-тутси, которые годами были отделены от своей родины по независящим от них причинам и разбросаны по соседним странам – Конго, Бурунди, Уганде, а также на территории Европы и в других местах. В этих лагерях молодым людям давалась реальная возможность подготовиться к лучшему будущему, в котором негативные идеологии прошлого больше не влияли бы на них.

Тренинги ингандо также служили для сокращения дистанции между некоторыми слоями населения Руанды и правительством. Благодаря ингандо руандийская молодежь узнает об истории, а также о текущем политическом курсе государства, развитии Руанды и примирении живущих там народностей. Молодым людям предлагается играть более активную роль в восстановлении своей нации. Тренинги, проведенные с лицами, принимавшими участие в геноциде, также помогли во время судебных процессов гакака, поскольку участники открылись и рассказали о своей роли во время геноцида, признавшись в своих преступлениях.

Абунзи является результатом комплексного применения государственных и традиционных методов в деле разрешения споров. Идея этого института состояла в том, что наиболее авторитетные члены местных общин избирались государством для решения отдельных видов мелких споров (наиболее часто – гражданско-правовых споров). Основная цель абунзи – наиболее справедливое, гуманное разрешение конфликта за счет привлечения в процесс наиболее влиятельных и уважаемых членов общества, упреждение государственного судебного произвола [6].

Программа совместного социально-экономического развития убудехе, внедренная президентом Полем Кагаме в 2001 году, изначально представляла собой комплекс мер в сфере сельского хозяйства для обеспечения продовольственной безопасности и была направлена на содействие процессу децентрализации, сокращения бедности и расширения прав и возможностей сообществ на более широком государственном уровне, способствуя социальной сплоченности и примирению, крайне необходимому в постгеноцидный период [7].

После введения данных институтов, согласно The Worldwide Governance Indicators, уровень индекса государственного управления Руанды в обозначенных ранее областях за период с 2000 по 2021 год вырос в несколько раз [12]. Так, показатели учета мнения населения и подотчетности государственных органов выросли с 6,97 (2000 год) до 22,22 (2021 год),

уровень политической стабильности и отсутствие насилия возросли с 6,35 (2000 год) до 52,36 (2021 год), эффективность работы правительства увеличилась с 9,92 (2000 год) до 61,54 (2021 год), показатели качества законодательства выросли с 9,24 (2000 год) до 54,33 (2021 год), индекс верховенства закона увеличился с 7,46 (2000 год) до 57,21 (2021 год), индекс эффективности борьбы с коррупцией возрос с 30,85 (2000 год) до 71,36 (2021 год).

Столь эффективному внедрению данных институтов на территории Руанды способствовало множество одновременно действующих факторов: доступность для сельской бедноты и неграмотных людей, гибкость внедрения, добровольная основа, способствование установлению отношений через восстановительное правосудие и предоставление высокого уровня политической автономии сторонам в процессе.

Во многих африканских странах существуют подобные Руанде традиционные институты, такие как *даре* в Зимбабве, а также *башинганта* в Бурунди, и они по сей день продолжают играть огромную роль в урегулировании конфликтов.

Традиционная судебная система *шона* (*даре*), которая до сих пор применяется в современной сельской местности Зимбабве, демонстрирует уникальный африканский подход к юриспруденции и законности. Основной задачей данной судебной системы является обеспечение общественного порядка и гармонии внутри общества. Судебная система *даре* – это целый процесс, а не простое событие, так как забота о людях продолжается даже после судебного разбирательства. Система основывается на философских принципах, неразрывно связанных с процессом рассуждения, относящегося к преступлению, закону и суждению. Этические принципы обеспечивают веское обоснование необходимости ценить и уважать человека в судебном процессе, а эпистемические принципы данного процесса регулируют ответственность, связанную с заявлениями о знаниях [3].

Советы башингантахе в Бурунди хотя и продолжают играть важную роль в урегулировании конфликтов на местах, формально они были распущены в 2005 году по Закону о судебных процедурах, который был принят ввиду взаимного недоверия между правящей партией, где доминирует сельское население хуту, и советами башингантахе, в которых доминируют тутси [2].

Эти учреждения рассматривают такие дела, как земельные споры, гражданские споры и в некоторых случаях уголовные дела. В таких странах, как Руанда, эти традиционные институты разрешения споров полностью признаны законом, в то время как в других странах такие методы существуют во внесудебном порядке.

Хотя институты могут варьироваться от сообщества к сообществу, есть определенные принципы, которые действуют в большинстве из них на территории Африки. Во-первых, разрешение конфликтов основывается на социальных или культурных ценностях, нормах, убеждениях и процессах, которые понятны и приняты сообществом. Это порождает легитимность и высокий уровень исполнения принимаемых решений. Во-вторых, в традиционных африканских обществах высоко ценятся истина и вера в силы предков, а также вера в силу их правосудия. В-третьих, коллективный дух обмена и взаимности обеспечивает взаимный обмен привилегиями, товарами, услугами, обязательствами между большинством африканских сообществ, а также способствует мирному сосуществованию. Это устраняет вероятность споров и конфликтов, способствует отношениям и чувству единения. Конфликты и споры могут разрушить социальную ткань, скрепляющую общество, и поэтому их избегают. Социальные ценности, а также культурные нормы и убеждения направлены на предотвращение конфликтов и обеспечение их мирного разрешения в случае возникновения конфликтов.

Таким образом, данные механизмы государственного управления внесли большой вклад в динамизм социально-экономических и политических преобразований в Руанде после геноцида. В то время когда во многих других африканских странах существуют собственные традиционные практики, тем

не менее они остаются вне государственного правового поля. Институциональные реформы в Руанде стремятся к преодолению государственно-центристской точки зрения путем вовлечения других игроков и традиционных институтов с целью децентрализации политической системы и демократизации судебной системы. В этом плане опыт Руанды может оказаться полезным для других стран Африки в деле преодоления их внутренних проблем на основе собственных традиционных институтов.

Список источников и литературы

1. Глазова Е. С. Руанда после геноцида: формальные и неформальные институты в преодолении «Ловушек развития» // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 6. С. 182–187.
2. Bert I. Situating Social Imaginaries in Transitional Justice: The Bushingantahe in Burundi // International Journal of Transitional Justice, 2012. P. 45-46.
3. Ephraim Taurai Gwaravanda. Philosophical principles in the Shona traditional court system // International Journal of Peace and Development Studies Vol. 2(5), pp. 148-155, June 2011 - URL: https://academicjournals.org/article/article1381912292_Gwaravanda.pdf(access date: 26.01.2022)
4. Hintjens H. Post-genocide identity politics in Rwanda // Institute of Social Studies. – 2008. – Vol. 8, № 1 – P. 5–41.
5. Mgbako C. A. Ingando Solidarity Camps: Reconciliation and Political Indoctrination in Post-Genocide Rwanda Note // Harvard Human Rights Journal. – 2005. – Vol. 18. – P. 201–224.
6. Mutisi M. The Abunzi Mediation in Rwanda: Opportunities for Engaging with Traditional Institutions of Conflict Resolution // African Centre for Constructive Resolution of Disputes. – 2011. – № 012. – 5 p.

7. *Niringiye A.* Impact evaluation of the Ubudehe programme in Rwanda / A. Niringiye, C. Ayebale // *Journal of Sustainable Development in Africa*. – 2012. – Vol. 14, № 3. – P. 141–154.
8. *Rettig M.* Gacaca: Truth, Justice, and Reconciliation in Post conflict Rwanda? // *African Studies Review*. – 2008. – Vol. 51, № 3. – P. 25–50.
9. Rwanda genocide of 1994 // *Britannica*. – [S. 1.], 2022. – URL: <https://www.britannica.com/event/Rwanda-genocide-of-1994>(access date: 05.11.2022).
10. Rwanda’s Ingando camps. Liminality and the reproduction of power // *University of Oxford Refugee Studies Centre*. – [S. 1.], 2011. – URL: <https://www.rsc.ox.ac.uk/files/files-1/wp80-rwandas-ingando-camps-2011.pdf>(access date: 05.11.2022).
11. *Thomson S.* Rwanda’s National Unity and Reconciliation Program // *E-International relations*. – 2014. – P. 1–5.
12. Worldwide governance indicators. Rwanda // *The World Bank*. – [S. 1.], 2022. – URL: <https://info.worldbank.org/governance/wgi/Home/Reports> (access date: 05.11.2022).

Ана Мишель Готье,
генеральный директор ООО «Готье инкорпорейтед»,
(ассоциированный член Союза переводчиков России),
магистрант кафедры международного права,
Дипломатическая академия МИД России,
gotieinc@gmail.com, goteana@yandex.ru

Ana Michel Gotie,
Director General of LLC "Gotie Incorporated",
(Associated member of the Union of Translators of Russia),
Master's student of the Department of International Law of the Diplomatic
Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
gotieinc@gmail.com, goteana@yandex.ru

**ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА ИНОСТРАННОГО
ЭЛЕМЕНТА НА СПРАВЕДЛИВОЕ СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО С
УЧЕТОМ СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЙ ЛИНГВИСТИКО-
ЮРИДИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ В СУДАХ И ДРУГИХ
ОРГАНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
THE PROBLEM OF ENSURING THE RIGHT OF A FOREIGN
ELEMENT TO A FAIR TRIAL IN VIEW OF THE MODERN REALITIES
OF LINGUISTIC AND LEGAL SUPPORT IN COURTS AND OTHER
BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Аннотация: Российская Федерация ратифицировала Европейскую конвенцию по правам человека в 1998 году. В соответствии с пунктом е части 3 статьи 6 ЕКПЧ, каждому гарантируется право на бесплатную помощь переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке. В настоящее время законодательство Российской Федерации, включая статью 26 Конституции РФ и УПК РФ, обеспечивает осуществление лингвистической помощи иностранным элементам.

Несмотря на законы, существует неудовлетворительная практика в области юридического перевода с точки зрения качества и точности. Одной из наиболее острых проблем является недостаточное знание лицами, которые осуществляют перевод в судах и на следственных действиях, норм права и специфической юридической терминологии. Возникает вопрос о наличии на практике института судебного перевода, упоминавшегося еще во времена

Петра I: допустимо ли утверждать, что иностранным элементам на самом деле обеспечивается право на справедливое судебное разбирательство.

Данная проблема требует серьезного рассмотрения и принятия мер для улучшения качества юридического перевода в судебных и следственных процедурах. Это не только гарантирует справедливость и эффективность судебного процесса для иностранных элементов, но и укрепляет принципы правового государства и соблюдение прав человека в Российской Федерации.

Ключевые слова: ЕКЧП, ЕСПЧ, иностранный элемент, институт судебного перевода, лингвистика, судопроизводство.

Abstract: the Russian Federation ratified the European Convention on Human Rights in 1998. In accordance with paragraph 3(e) of Article 6 of the ECHR, everyone is guaranteed the right to have the free assistance of an interpreter if he cannot understand or speak the language used in court. Currently, the legislation of the Russian Federation, including article 26 of the Constitution of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, provides implementation of linguistic assistance to foreign elements.

Despite the existing laws, there is a poor practice in the field of legal translation regarding quality and correctness. One of the most acute problems is the lack of knowledge of legal norms and specific legal terminology by persons who translate during court sessions and investigative activities. The question, which arises, is whether the Institution of Court Interpreting exists in practice, mentioned since the time of Peter I, and whether it can be affirmed that foreign elements are actually guaranteed the right to a fair trial.

This problem requires serious consideration and measures to improve the quality of legal translation during court sessions and investigative activities. This not only guarantees the fairness and efficiency of judicial proceedings for foreign elements, but also strengthens the principles of the rule of law and respect for human rights in the Russian Federation.

Keywords: ECHR, ECHR, foreign element, institution of court interpreting, linguistics, legal proceedings.

С начала XV века русские цари привлекали на службу иностранных специалистов, включая военных, фармацевтов, переводчиков (толмачей) и других. Эти иностранцы получали особое жалование [1, с. 131–132] при поступлении на службу к царю и при принесении присяги государю [9].

Роль переводчиков в структуре организации посольских контактов весьма значительная [2, с. 83–85].

Официальное зарождение института переводчика в России связывают с правлением Петра I. В 1735 году при Академии наук было создано Российское собрание – первая профессиональная организация переводчиков, руководителем которой стал В.К. Тредиаковский. Собрание проводило рецензирование переводов на протяжении многих лет и заложило основы отечественной переводческой критики. Академия наук также постепенно включала в свои функции подготовку профессиональных переводчиков и определение их профессиональной пригодности для государственной службы. Она также организовывала переводчиков-любителей, предоставляя им возможности публикаций и оплачивая выполненные переводы. Таким образом, к середине XVIII века перевод стал активной общественно признанной деятельностью с развитой системой организации [3].

Во время правления Екатерины II каждый переводчик, работавший на государство, принимал присягу. Потребность в переводах с «иных языков» вызвана не только внешнеполитическими причинами, но и особенностями многонациональной державы.

В XX веке положения об участии переводчика в уголовном судопроизводстве в России были закреплены в различных законодательных актах, таких как Конституции СССР 1936 года и 1977 года, Конституция Российской Федерации 1993 года, Уголовно-процессуальные кодексы РСФСР 1923 года и 1960 года, УПК Российской Федерации 2001 года. В Конституции СССР 1936 года и Законе СССР от 16 августа 1938 года «О судостроительстве СССР, союзных и автономных республик» было установлено, что судопроизводство должно проводиться на языке соответствующей союзной

или автономной республики (или автономной области). Было также предусмотрено обязательство обеспечить лицам, не владеющим языком судопроизводства, полное ознакомление с материалами уголовного дела через переводчика и право таких лиц выступать в процессе на родном языке [6].

Конституция 1977 года положительно решала вопрос о возможности ведения судопроизводства и на языке большей части населения данной местности, а также предоставляла право лицам, не владеющим языком судопроизводства (иностранным элементам), использовать услуги переводчика при участии в судебных действиях.

Институт перевода, возникший как необходимость коммуникации, является одной из важных составляющих в области сопровождения иностранного элемента в судебном процессе. Именно переводчик – основное средство коммуникации иностранного элемента, реализации его прав, а также главный компонент помощи в предоставлении и обеспечении права на защиту. Однако у многих людей, занимающихся переводами в уголовном процессе, отсутствует не только знание юридической лексики и норм законодательства Российской Федерации, но и профессиональные навыки переводчика, чему способствует формализм при выполнении процессуальных требований, отсутствие компетенции по оценке судебных переводчиков как у организаций, предоставляющих переводчиков, так и у специалистов органов внутренних дел и судов, и отсутствие институтов судебного перевода. Уровень судебных переводчиков в области владения нормами права невероятно низок. В настоящее время отсутствие развития института (судебных переводчиков) свидетельствует о кризисе современной российской судебной системы, бороться с которым возможно только при всесторонней государственной поддержке, направленной на укрепление, повышение статуса института судебного перевода и, соответственно, оказание помощи и соблюдение права на лингвистико-юридическую поддержку иностранного гражданина.

Всё вышеперечисленное способствует, что положения части 3 статьи 6 ЕКПЧ могут быть реализованы не в полном объеме., а именно:

- быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения;
- иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты;
- защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника либо при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда этого требуют интересы правосудия;
- допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него;
- пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке [4],

Отсутствие института перевода – это проблема, которая возникла не сегодня. Из этого вытекает главное – неспособность помочь иностранцу в коммуникации и адаптации юридического языка на понятный ему язык, что приводит к многочисленным ошибкам, возвращению дела в прокуратуру (что, в свою очередь, увеличивает сроки рассмотрения дел). Недопонимание может привести к несправедливому принятию решения (вынесению приговора). Всё это, конечно, должно трактоваться как несправедливость и являться плюсом в пользу подсудимого при вынесении решений, но в настоящее время этого не происходит.

Часть 1 статьи 59 УПК РФ дает определение переводчика с точки зрения УПК: «переводчик – лицо, привлекаемое к участию в уголовном судопроизводстве в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода» [11]. Как видно, в УПК нет ни слова о необходимых компетенциях переводчика. УПК даже не регламентирует понятие «перевод» и значение слова «свободно». Под переводом понимается вид языковой деятельности, представляющий

собой процесс адекватной и полноценной передачи мыслей, порожденных на одном языке, средствами другого языка, а также продукт этого процесса. Понятие перевода включает в себя как процесс, так и результат этого процесса. Конечным итогом процесса перевода является «продукт» перевода будь то документ или устная речь.

Немало трудов посвящено проблемам разработки и совершенствованию государственной политики в области судебного перевода в Российской Федерации [7; 8].

Данная проблема находится в центре внимания не только лингвистов, юристов и прокуратуры, но и активно обсуждается в политической среде. В научных работах специалисты рассматривают проблемы и причины кризиса института судебного перевода [12].

В настоящее время законодатели рассматривают законопроект №293466-8, в котором в том числе появляются требования к переводчику при свидетельстве нотариусом подлинности подписи переводчика. В действующей редакции закона «О нотариате» никаких требований к переводчику (даже наличие образования) не предъявлялись. Согласно законопроекту, который принят в первом чтении, нотариус обязан проверить факт наличия образования, соответствующего виду профессиональной деятельности [5].

Активную позицию по повышению профессионализма в области судебного перевода занимает Союз переводчиков России. Инициатива № 52Ф40603 предлагает институализировать судебных переводчиков, ввести квалификационные требования для получения статуса судебного переводчика [10].

Мнения современных ученых о том, что сегодня происходит с институтом перевода, разделились. Одни считают кризис института перевода негативным явлением, с которым тем не менее можно бороться путем институализации, преподавания норм права лингвистам юристами. Другие же трактуют данную проблему как отсутствие опыта у судебных органов и навыка понимания взаимодействия с переводчиком. Она, впрочем, имеет и негативные

моменты с точки зрения нарушения УПК о предоставлении переводчика иностранному гражданину с момента его задержания, что лишает его права понимания справедливой защиты.

Право – это не только законодательство. Важнейшими вопросами в правовом государстве и гражданском обществе являются правомерное поведение, соблюдение основных прав и свобод, как со стороны государства, так и гражданина, а иностранный гражданин – это особый элемент, право которого – коммуникация на доступном ему языке.

Переводчик – одна из старейших профессий в России. Задача переводчика – передать средствами другого языка (в нашем случае судебного языка) целостно и точно позиции по делу, сохранив права иностранного гражданина, поэтому очень важно ответственно и максимально компетентно подходить к переводам. В частности, необходимо предъявлять к переводчикам такие требования, как наличие высшего образования или дополнительного профессионального образования, соответствующего области (областям) и виду (видам) профессиональной деятельности. Также следует внедрять новые методики подготовки переводчиков, позволяющие ознакомить специалистов с юридическими и лингвистическими особенностями данного вида перевода.

Список источников и литературы

1. *Белокуров С.А.* – о посольском приказе – М.: Тип. Общества распространения полезных книг. – С.131-132.

2. *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* (отв. ред.) Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия [Текст]: материалы междунар. науч. конф. / Институт российской истории Российской академии наук. – Москва, 2019. — 236 с. URL: http://ebookiriran.ru/userfiles/file/Perevod_sborn_2019.pdf (дата обращения: 21.08.2023).

3. *Дерюгин А.А., Тредиаковский В.К.* – переводчик. Становление классического перевода в России, –Издательство Саратовского университета, 1985.

4. Европейская конвенция по правам человека измененная и дополненная Протоколами № 11, 14 и 15 в сопровождении Дополнительного протокола и Протоколов № 4, 6, 7, 12, 13 и 16

5. Законопроект о требованиях к переводчикам для нотариата прошел первое чтение // <https://pravo.ru/news/246586/amp/>(дата обращения: 16.08.2023).

6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ) // Текст Конституции опубликован в «Российской газете» от 25 декабря 1993 г. N 237.

7. *Ларин А.А., Обидина Л.Б.* Участие переводчика в суде и на досудебных стадиях процесса: проблемы и пути их решения. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. №3. С. 143-147

8. *Магаева Т.А.* Понятия «Судебный перевод» и «Судебный переводчик»: проблемы, вызванные неточностью понятийного аппарата в законодательстве Российской Федерации URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatiya-sudebnyu-perevod-i-sudebnyu-perevodchik-problemy-vyzvannye-netochnostyu-ponyatiynogo-apparata-v-zakonodatelstve-rossiyskoj>_(дата обращения: 16.08.2023).

9. *Мулюкин А.С.* Иностранцы свободных профессий в Московском государстве. – СПб., 1908.

10. Российская общественная инициатива №52Ф40603, создать государственный реестр судебных переводчиков. URL:<https://roi.ru/40603>(дата обращения: 16.08.2023)

11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 13.06.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.06.2023)

12. *Шагбанова Х.С.* Место и роль переводчика в уголовном процессе // Образование и право. 2021. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-i-rol-perevodchika-v-ugolovnom-protssesse>(дата обращения: 16.08.2023).

Сорока Алексей Юрьевич,

аспирант,

Дипломатическая академия МИД России,

vanbayer7@gmail.com

Aleksey Y. Soroka,

Ph.D. Student,

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,

vanbayer7@gmail.com

Научный руководитель:

Закаурцева Татьяна Алексеевна,

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник,

Институт актуальных международных проблем,

Дипломатическая академия МИД России

Scientific adviser:

Tatyana A. Zakaurtseva,

Doctor of Sciences (History), Professor, Chief Researcher,

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

**ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИИ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ИТАЛИИ И
ЛИВИИ: К ИСТОРИИ ВОПРОСА
MIGRATION ISSUES IN ITALY AND LIBYA RELATIONS:
THE HISTORICAL ASPECT**

Аннотация: история сотрудничества Италии и Ливии по вопросу иммиграции в XX – начале XXI века претерпела существенную эволюцию. Несмотря на усилия итальянцев завоевать доверие арабского населения, антиитальянские настроения среди ливийцев были весьма сильны на протяжении всего колониального периода и по его завершении. На современном этапе власти Италии сталкиваются с беспрецедентным кризисом в связи с ростом нелегальной миграции. Большая часть беженцев переправляется на Апеннины по средиземноморскому маршруту из Ливии. Одна из главных задач исследования данной темы состоит в выявлении историографических проблем, связанных с недостатком современной российской научной литературы, посвященной указанной тематике.

Ключевые слова: Италия, Ливия, Европейский союз, миграционная политика, культурно-социальная интеграция.

Abstract: the history of cooperation between Italy and Libya on the issue of immigration in the 20th and early 21st centuries has undergone significant evolution. Despite the Italians' efforts to gain the trust of the Arab population, anti-Italian sentiment among Libyans was very strong throughout the colonial period and after it. At the present stage, the Italian authorities are faced with an unprecedented crisis due to the growth of illegal migration. Most of the refugees transport to the Apennines along the Mediterranean route from Libya. One of the main objectives of the study of this topic is to identify historiographical problems associated with the lack of modern Russian scientific literature devoted to this topic.

Keywords: Italy, Lebanon, European Union, migration policy, cultural and social integration.

Отношения между Ливией и Италией сложились в период колониальной зависимости Ливии от Италии с 1912 по 1942 годы, причем завоевание территории Ливии продолжалось вплоть до 1930 года. Единая колония Ливия, объединившая Триполитанию, Киренаику и Феццан, была создана лишь в 1934 году. Восстания против иностранной оккупации жестко подавлялись итальянским правительством. Несмотря на усилия итальянцев, стремившихся привлечь местное арабское население на свою сторону, анти-итальянские настроения среди ливийцев были весьма сильны на протяжении всего колониального периода и по его завершении.

Такие настроения особенно усилились после государственного переворота 1969 года, в результате которого к власти в Ливии пришел полковник Муамар Каддафи, изменивший форму правления в стране сначала на республиканскую, а затем создавший принципиально новую форму государства прямой демократии – Джамахирию. По приказу лидера Джамахирии итальянцы, проживавшие в Ливии (свыше 20 тысяч человек), были высланы из страны, а все их имущество конфисковано в пользу государства.

Несмотря на этот недружественный шаг, бывшему лидеру Итальянской социалистической партии (ИСП) а затем премьер-министру Италии в середине 1980-х годов Беттино Кракси, а позднее и его другу Сильвио Берлускони удалось установить дружеские отношения с Джамахирией. В начале XXI века Каддафи лишь о Берлускони из всех европейских лидеров отзывался как о «близком друге». Эти отношения способствовали тому, что между странами был заключен ряд значимых соглашений.

В первую очередь, из них стоит упомянуть следующие: Консульская конвенция 1998 года, Соглашение о поддержке и защите инвестиций 2000 года, Соглашение по борьбе с терроризмом, организованной преступностью и нелегальной иммиграцией 2000 года (вступавшее в силу с декабря 2002 года), Протокол 2007 года о сдерживании нелегальной иммиграции [1].

В конце 2007 года между Ливией и Италией был проведён раунд дипломатических переговоров, который, наконец, дал результаты, которые давно желали итальянские правительства, сначала Берлускони и Пизану, затем Проди, Д'Алема и Амато [1].

Спустя восемь лет после начала первых переговоров с полковником Каддафи, Италия наконец подписала соглашение с Ливией по борьбе с нелегальной иммиграцией.

До сих пор речь шла только об оперативных соглашениях на уровне ведомственных сил, теперь же те же самые «полицейские» силы добиваются от политиков формализации и легитимизации «конфиденциальной» практики, применявшейся до сих пор, с добавлением ресурсов и персонала. что должно повысить «эффективность» вмешательства правоохранительных органов в миграционное регулирование.

Совместную подпись под протоколом поставили министр иностранных дел Абдуррахман Мохамед Шалгам с ливийской стороны и глава министерства внутренних дел Италии Джулиано Амато в сопровождении главы своего кабинета Джанни Де Дженнаро.

Подписание важного соглашения, совпало с вхождением Ливии в Совет Безопасности ООН после того, как Соединенные Штаты Америки стали главным спонсором страны, которая еще несколько лет назад все еще входила в список «стран-изгоев». Но приверженность Каддафи (и, прежде всего, опасениям) борьбе с международным терроризмом убедила американцев, не имеющих союзников в «крестовом походе против зла», вступить в союз с Ливией. Не имеет большого значения, если Каддафи резко отвергнет создание Международного уголовного суда или любой намек на критику в отношении отсутствия уважения к правам человека в Ливии, вопрос, который он считает исключительной внутренней компетенцией. Даже европейские страны, во главе с Италией, уже некоторое время стоят в очереди, чтобы заслужить (экономическую) благосклонность своего могущественного соседа и его сотрудничества в «войне с нелегальной иммиграцией», не слишком беспокоясь об уважении прав человека по отношению к мигрантам застрявших в Ливии, или жизни многих, кто, чтобы сбежать из этой страны, бросают вызов смерти в водах Средиземного моря [2].

Италия в течение многих лет, шаг за шагом, готовилась предложить поддержку ливийскому правительству в борьбе с нелегальной иммиграцией. В 2004 году был обнародован Закон №. 271, который приписывал Министерству внутренних дел возможность финансирования создания в третьих странах «структур, полезных для целей борьбы с нерегулярными потоками миграционного населения на территорию Италии».

Финансирование, предоставленное Италией, до сих пор не было связано с уважением прав мигрантов или с ратификацией Женевской конвенции о праве на убежище, а также с соответствием мест содержания под стражей минимальным международным стандартам содержания под стражей.

За счет средств, выделенных благодаря этому закону, в Ливии, где нарушения прав человека носят систематический характер, профинансированы как минимум три центра содержания нелегальных мигрантов.

Нарушения условий содержания беженцев подтвердили не только организации, защищающие права человека, или журналисты, которым удалось посетить Ливию, но и руководители итальянских спецслужб, такие как бывший директор SISDE префект Марио Мори. В 2005 году во время слушаний в парламентском комитете по контролю над секретными службами Мори заявил, что в Ливии «нелегальных иммигрантов ловят, как собак, сажают в пикапы и отпускают в центры приема, где охранники должны обернуть их носовыми платками, чтобы войти в рот из-за тошнотворного запаха...». Мори рассказал также о финансируемом итальянцами центре приема в Ливии, в городке Себа, на границе с пустыней, одном из тех центров задержания, куда также переводили «нелегальных иммигрантов», отвергнутых итальянскими центрами временного содержания. "Центр, - заявил Мори, - планирует принять сто человек, но их там 650, один на другом, без соблюдения каких-либо правил гигиены и в ужасных условиях". Мори посетил Центр «Себа» примерно в середине января 2005 года, за пять дней до встречи министра Джузеппе Пизану и полковника Каддафи. В том же 2005 году вопросы нелегальной иммиграции начали путать с вопросами международной безопасности и борьбы с терроризмом. «В этих лагерях, — заключил префект, — высок риск проникновения террористов. Перед Рождеством группа призналась в плане нападения на отель в Бенгази, который часто посещают выходцы из западных стран».

В 2006 году, когда число жертв нелегальной эмиграции росло в геометрической прогрессии, контакты между Ливией и Италией продолжали преодолевать древний постколониальный спор и устанавливать более выгодные торговые отношения, переопределяя южные границы Европейского Союза с передачей административных задержаний на аутсорсинг. Италия была европейской страной, которая больше всех стремилась к отмене эмбарго против Ливии, демонстрируя с этой точки зрения полную преемственность внешней политики от правительства Д'Алема в 1999 году до правительства Берлускони и Проди [3].

История с освобождением болгарских медсестер и палестинского врача летом 2007 года обозначила точку в пользу «конкурирующего» французского правительства, отмеченную также визитом Каддафи в Париж, но теперь соглашение, подписанное Амато со своим ливийским коллегой, с «благословения» еврокомиссара Фраттини, возвращает итальянскую дипломатию в нужное русло и открывает новые сценарии для более интенсивного экономического сотрудничества с ливийским правительством.

Это документально подтверждено неопровержимыми доказательствами, поскольку во всех частях мира, и в Средиземноморье, в частности, любое усиление мер по борьбе с нелегальной иммиграцией, без признания основных прав мигрантов, таких как право на убежище, и без открытие легальных каналов проникновения приводит к экспоненциальному росту числа жертв.

Подписание соглашения между Италией и Ливией, состоявшееся через несколько дней после завершения европейского саммита в Лиссабоне, неудивительно. Несмотря на французский проект Евро-Средиземноморского союза, идея «глобального подхода» Евросоюза (с 27 государствами) в плане миграционной политики угасает, и все страны ЕС активизируют инициативы, направленные на оформление двусторонних соглашений. Права человека упоминаются как формальные атрибуты соглашений, которые на самом деле ратифицируют эксплуатацию и злоупотребления.

Экономическая глобализация все больше опирается на оружие, этнизацию конфликтов и, следовательно, диктаторские режимы, тюрьмы и пытки, а не на экономическое и социальное освобождение коренного населения, которое часто вынуждено мигрировать - если не из-за боевых действий, то именно потому, что происходят социальные, политические и экологические опустынивания территорий, на которых они обитают [4].

В «цивилизованном» мире продолжают фокусироваться на режимах без какой-либо демократической легитимности, чтобы «гарантировать мир» в международных отношениях и внутреннюю безопасность, а также, конечно же, прибыли транснациональных корпораций. Опасность терроризма уже

давно распространилась на Северную Африку, и повсюду существует де-факто союз (несмотря на то, что они заявляют, что борются друг с другом) между террористическими организациями и государственным фундаментализмом, в ущерб гражданскому обществу, студентам и профессорам университетов, юристов, судей и всех тех (включая политических деятелей), кто в этих странах борется за мир и демократию посредством социальной справедливости, не дожидаясь, пока очередная группа радикальных националистов возьмёт верх. Полицейская практика экстраординарных выдворений с передачей пыток на аутсорсинг и неизбежными арестами нелегальных мигрантов является еще одной разменной монетой, которую некоторые страны транзита, от Марокко до Египта в Африке, а также и в других местах, используют, чтобы зарекомендовать себя как «надежные партнеры» [5].

Однако практика борьбы как с терроризмом, так и с нелегальной иммиграцией рискует стать все более затрудненной. Ливия имеет и другие особенности, которые не следует упускать из виду, поскольку это не страна эмиграции, а скорее транзита, богатая природными и финансовыми ресурсами, государство, которое после снятия эмбарго и многообещающих предложений европейской дипломатии может себе позволить вести переговоры с позиции силы с любым собеседником.

Глобальная легитимность полковника Каддафи после Лиссабонского саммита и его поездки во Францию и Испанию в качестве жандарма зоны повышенного риска легко предсказала интенсификацию уже существующих отношений сотрудничества с европейскими странами в борьбе с нелегальной иммиграцией, без чрезмерного пиетета к тем принципам, консолидированным на европейском уровне, которые должны устанавливать более высокие стандарты защиты прав человека [6].

Кроме того, уже с 2003 года Италия заключила и реализовала оперативные соглашения с Ливией, такие как те, которые в период с 2004 по 2005 год поддерживали операции по репатриации из Ливии во многие страны

происхождения мигрантов и, среди прочего, коллективные депортации из Лампедузы, несмотря на осуждение Европейского парламента и Европейского суда по правам человека [7].

В конце 2007 года это привело к подписанию «меморандума о взаимопонимании», который должен установить более тесное сотрудничество между ливийской и итальянской полицией в борьбе с нелегальной иммиграцией. Создаются оперативные центры и общие системы мониторинга для борьбы с нелегальной иммиграцией, с размещением итальянских воинских частей в ливийских водах недалеко от побережья.

Протокол, подписанный в Триполи, также предусматривает, что Италия предпримет дальнейшие инициативы на европейском уровне по усилению механизмов «борьбы с нелегальной иммиграцией», таких как агентство «FRONTEX» [8].

Согласно тому, что мы узнаем из газет, которые передавали тексты официальных пресс-релизов, «руководство и координация учебной и оперативной деятельности морского патрулирования возложены на Объединенное оперативное командование, которое будет создано в «подходящей структуре». определены Ливией. Ответственным лицом будет «квалифицированный представитель», назначенный ливийскими властями, а заместитель командующего (со своим персоналом) будет назначен правительством Италии [9]. В число задач командования объединенных сил входит организация ежедневной тренировки и патрулирования; «давать необходимые служебные распоряжения в случае обнаружения и/или остановки судов с нелегальными иммигрантами на борту»; взаимодействовать с аналогичными итальянскими структурами, а также иметь возможность запрашивать вмешательство или помощь транспортных средств, дислоцированных на Лампедузе для антииммиграционной деятельности». Протокол наделяет «объединенные полицейские силы» полномочиями устанавливать методы взаимодействия с лодками, загруженными мигрантами,

без заранее установленных правил, как это было предпринято в печально известном указе правительства Берлускони от 14 июля 2003 года [10].

Соглашение, подписанное министром иностранных дел Италии и министром внутренних дел Ливии, должно быть включено в число соглашений, которые уже предусмотрены в Сводном законе об иммиграции в статьях 2, 3 и 21, измененный законом Босси-Фини. Сами соглашения, в зависимости от их содержания, или последующие за ними оперативные соглашения могут нарушать консолидированные принципы международного права, особенно когда они касаются мигрантов, высылаемых в страны, отличные от стран происхождения. Из текста соглашения следует, что запрещено обращение в государства, в которых нет эффективной возможности получить доступа к защите, предусмотренной Женевской конвенцией о статусе беженца, конвенцией, которую Ливия так и не подписала несмотря на то, что она же является частью Организации африканских государств, чей статус напоминает эту Конвенцию [11].

По-прежнему сохраняется весьма реальный риск того, что после совместного патрулирования, осуществляемого смешанными италио-ливийскими подразделениями, могут произойти реальные высылки или коллективные отказы, даже в ущерб потенциальным просителям убежища, таким как эритрейцы, сомалийцы, суданцы, в сторону Ливии и оттуда в страны происхождения.

В последние годы правления Каддафи поступали новости о тысячах случаев отказа ливийским властям потенциальным просителям убежища, в том числе о репатриационных рейсах, финансируемых правительством Берлускони, как это подчеркивается в отчете Счетной палаты Италии за 2004 год и миссиями Ливии [12].

Однако за последние годы ситуация не улучшилась. Тысячи людей, в том числе женщин и несовершеннолетних, по-прежнему содержатся в нечеловеческих условиях, как это произошло в случае с эритрейцами и другими нелегальными мигрантами, содержащимися в тюрьме Мисураты и в

других местах содержания. Призывы, обращенные к Ливии, обеспечить большее уважение к правам человека, не только мигрантов, до сих пор остались без внимания.

Судя по опыту, полученному в последние годы, маловероятно, что новые соглашения смогут дать желаемый эффект итальянскому правительству. Как напоминает в недавнем документе Ассоциации юридических исследований по вопросам иммиграции, «итальянско-ливийское соглашение, насколько можно заключить из официальных новостей, опубликованных правительством, не будет иметь какого-либо эффективного элемента контроля и гарантий относительно судьбы мигрантов, которых они будут перехватывать и возвращать в Ливию [13].

Таким образом, помимо заявлений итальянского правительства о достойных целях борьбы: торговлей людьми, контролем за соблюдением прав человека, контролем за наркотрафиком, регулированием потоков беженцев, соглашение объективно помещает Италию в очень опасный водоворот серьезной прямой ответственности за нарушения основных прав человека, которые происходят на ливийской территории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Италия – Ливия: сложности взаимоотношений и перспективы сотрудничества Е. А. Маслова
2. Il Corriere della Sera, 30 dicembre 2007 - Dietro le quinte la mediazione di De Gennaro.
3. Si rinvia al dossier “Fuga da Tripoli” ed agli altri documenti sulla situazione dei migranti in Libia, di Human Rights Watch e dell'Agenzia Europea Frontex, nel sito Fortress Europe.
4. Si veda il Resoconto stenografico dell'Assemblea Seduta n. 37 del 19/9/2006.
5. Si rinvia a S. Palidda, Polizia postmoderna, Etnografia del nuovo controllo sociale, Feltrinelli, Milano, 2000; A. Dal Lago, Polizia globale. Guerra e conflitti dopo l'11 settembre. Ombre corte, Verona, 2003, con ampi riferimenti bibliografici sul tema.

6. Si veda Amnesty International, Libyan Arab Jamahiriya - Briefing to the UN Human Rights Committee, June 2007, AI Index: MDE 19/008/2007.

7. Si veda il resoconto stenografico di una audizione delle Commissioni riunite, martedì 17 luglio 2007.

8. Sulle operazioni di respingimento a mare di imbarcazioni provenienti dalla Tunisia e dalla Libia, si veda F. Vassallo Paleologo, "Obblighi di protezione e controlli delle frontiere marittime", in *Diritto, immigrazione e cittadinanza*, FrancoAngeli, 2007, fascicolo n.3, p. 13.

9. L'Agenzia europea per la gestione della cooperazione operativa alle frontiere esterne degli Stati membri dell'Unione europea è stata istituita con il regolamento (CE) n. 2007/2004 del Consiglio del 26 ottobre 2004 (GU L 349 del 25.11.2004).

10. Le condizioni di detenzione dei migranti in Libia, oltre che dai report di Amnesty International e di Human Rights Watch, nei rispettivi siti, sono documentate da numerosi studi, tra i quali si segnala H. De Haas, *The myth of invasion. Irregular migration from West African to the Maghreb and the European Union*, International Migration Institute, Oxford, ottobre 2007.

11. Sulla applicazione dell'art. 3 della Convenzione Europea a salvaguardia dei diritti dell'uomo si rinvia alla giurisprudenza della Corte di Strasburgo nella rivista *Diritto, Immigrazione e cittadinanza*, varie annate, Franco Angeli, Milano.

12. Sul divieto di refoulement affermato dall'art. 33 della Convenzione di Ginevra, e sulla sua applicazione extraterritoriale, si richiama un recente studio dell'Alto Commissariato delle Nazioni Unite per i rifugiati *Parere consultivo sull'applicazione extraterritoriale degli obblighi di non-refoulement derivanti dalla Convenzione relativa allo status dei rifugiati del 1951 e dal suo Protocollo del 1967*.

13. Per informazioni aggiornate sulla situazione dei diritti umani in Libia con riferimento alla corruzione diffusa in diversi ambiti si rinvia al report di Human Rights Watch del 4 gennaio 2008 *Human Rights Conditions Required*.

14. ASGI, *Accordo Italia Libia sui migranti - Estrema preoccupazione per l'annunciato accordo italo-libico espressa dall'Associazione Studi Giuridici sull'Immigrazione*, 31 dicembre 2007.

К сведению авторов

Правила предоставления рукописей для публикации в научном электронном журнале «Вестник ученых-международников»

В редакцию журнала предоставляется авторский оригинал статьи (на русском языке) в распечатанном виде (с датой и подписью автора) или в электронной форме по электронной почте, содержащей текст в формате «Word» (версия 1997–2003).

Весь текст набирается шрифтом TimesNewRomanCyr, кеглем 14 pt, с полуторным междустрочным интервалом. Отступы в начале абзаца — 0,7 см, абзацы четко обозначены.

Поля (в см): слева и сверху — 2, справа и снизу — 1,5. Нумерация — «от центра» с первой страницы. Объем статьи — до 20 тыс. знаков с пробелами (без учета аннотаций, ключевых слов, примечаний, списков источников).

Структура текста:

1. **Сведения об авторе / авторах на русском и английском языках:** имя, отчество, фамилия, должность, место работы, ученое звание, ученая степень, домашний адрес (с индексом), контактные телефоны (раб., дом.), адрес электронной почты, — размещаются перед названием статьи в указанной выше последовательности (с выравниванием по правому краю).

2. **Название статьи на русском и английском языках**

3. **Аннотация статьи на русском и английском языках** (3–10 строк) об актуальности и новизне темы, главных содержательных аспектах, размещается после названия статьи (курсивом).

4. **Ключевые слова на русском и английском языках** по содержанию статьи (8–10 слов), которые размещаются после аннотации.

5. **Основной текст статьи**, желательно разбитый на подразделы (с подзаголовками).

6. **Список источников и литературы**

Сокращения типа т.е., т.к. и подобные набираются через неразрывный пробел.

В тексте используются кавычки «...», если встречаются внутренние и внешние кавычки, то внешними выступают «елочки», внутренними «лапки».

В тексте используется длинное тире (-), получаемое путем одновременного нажатия клавиш «Ctrl» + «Alt» + «-», а также дефис (-).

Таблицы, схемы, рисунки и формулы в тексте должны нумероваться; схемы и таблицы должны иметь заголовки, размещенные над схемой или полем таблицы, а каждый рисунок — подрисуночную подпись.

Список источников и литературы оформляется в соответствии с принятыми стандартами и выносится в конец статьи. Источники даются в алфавитном порядке (русский, другие языки). Отсылки к списку в основном тексте даются в квадратных скобках [номер источника в списке, страница].

Примечания нумеруются арабскими цифрами (с использованием кнопки меню текстового редактора «надстрочный знак» — x2). При оформлении библиографических источников, примечаний и ссылок автоматические «сноски» текстового редактора не используются.

Подписуемые подписи оформляются по схеме: название/номер файла иллюстрации — пояснения к ней. Номера файлов в списке должны соответствовать названиям/номерам предоставляемых фотоматериалов.

Иллюстративные материалы — в электронной форме (фотография автора обязательна, иллюстрации) — отдельными файлами в форматах TIFF/JPG разрешением не менее 300 dpi.

Не допускается предоставление иллюстраций, импортированных в «Word», а также их ксерокопий.

Ко всем изображениям автором предоставляются подписуемые подписи (включаются в файл с авторским текстом).

Заполненный в электронной форме Договор авторского заказа (высылается дополнительно).

Рецензия обязательна для всех авторов статей, кроме тех, кто входит в Редакционный совет или Редакционную коллегию Журнала. Рекомендательное письмо научного руководителя обязательно для публикации статей аспирантов и соискателей.

Авторы статей несут ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации.

Редакция не всегда разделяет мнения авторов и не несет ответственности за недостоверность публикуемых данных.

Редакция журнала не несет никакой ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

Редакция вправе изъять уже опубликованную статью, если выяснится, что в процессе публикации статьи были нарушены чьи-либо права или общепринятые нормы научной этики.

О факте изъятия статьи редакция сообщает автору, который представил статью, рецензенту и организации, где работа выполнялась.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Статьи и предоставленные тексты, другие материалы не возвращаются.

Статьи, оформленные без учета вышеизложенных Правил, к публикации не принимаются.

Правила составлены с учетом требований, изложенных в приказе Министерства образования и науки РФ от 25.07.2014 № 793.

The rules for submission of manuscripts for publication in the Academic periodic electronic journal «IR SCIENTISTS HERALD»

In the journal is the author's original article (in Russian) in printed form (with date and signature of the author) and in electronic form containing the text in Word (version 1997-2003).

All the text is typed in Times New Roman Cyr, font 14 pt, with single line spacing. The indents at the beginning of the paragraph — 0.7 cm, paragraphs clearly marked. Field (in cm): left and top — 2, right and bottom is 1.5. Numbering — «from the heart» from the first page. The volume of the article — to 20 thousand characters with spaces (excluding abstracts, keywords, notes, list of sources).

The structure of the text:

Information about author / authors: name, patronymic, surname, position, affiliation, academic title, academic degree, address (including zip code), phone numbers (work, home), the email address is placed before the title in the above sequence (right-aligned).

The title of the article

The abstract (lines 3-10) on the relevance and novelty of the topic, the main substantive aspects, is placed after the article title (in italics).

Keywords on the content of the article (8-10 words), which are placed after the abstract.

The main text of the article, preferably split into sub-sections (with headings).

The initials in the text are drawn through a non-breaking space name (by pressing the keys «Ctrl» + «Shift» + «space»). Between the initials no spaces.

Reduction type i.e., as and the like are drawn through a non-breaking space.

In the text, use quotation marks «...», if there are internal and external quotation marks, the external act «Christmas tree», the internal «legs».

The text uses a dash (-), obtained by simultaneously pressing the keys «Ctrl» + «Alt» + «-», and the hyphen (-).

Tables, charts, figures, and formulas in the text should be numbered; diagrams and tables should have captions placed above the diagram or table field, and each picture is a caption.

List of references / sources used (if included in the list of electronic resources) shall be in accordance with accepted standards and shall be made at the end of the article. Sources are given in alphabetical order (Russian, other languages). Reference to the list in the main text are given in square brackets [the number of the source in the list, the page]

Notes are numbered with Arabic numerals (using the menu buttons text editor «Superscript a» — x2). In the design of bibliographic sources, notes and references automatic «footnotes» text editor is not used. «Footnote» is given in the interlinear on the 1st page in case the instructions on the continuation of the article and/or the source of the publication.

Captions are under the scheme: name/file number of illustrations notes thereto (what/who is where; for images of book covers and their contents bibliographic

description; etc.). The file numbers in the list must match the names/numbers of the provided photographs.

Materials in English — about the author/authors, title, abstract, keywords (in hard copy and in electronic form (second separate file on a email) containing the text in Word (version 1997-2003).

Illustrative materials in electronic form (photo by the author, illustrations) — separate files in TIFF/JPG with resolution not less than 300 dpi.

Not permitted to provide illustrations, imported into «Word» and also the copies thereof.

All images by the author include captions (included in file with the author).

Filled in the electronic form of the Contract of author's order (sent separately)

Recommendation letter of the supervisor — required for the publication of articles by graduate students and applicants.

The authors are responsible for the content of the articles and for the fact of their publication.

The editors do not always share the views of the authors and is not responsible for the inaccuracy of published data.

The editorial Board assumes no responsibility to the author and/or third parties and organizations for any possible damage caused by the publication.

The editors have the right to withdraw the published article, if it turns out that in the process of publishing the article were violated someone's rights or generally accepted norms of scientific ethics.

The fact of withdrawal, the editorial Board informs the author who submitted the article, the reviewer and the organization where the work was performed.

Articles and other materials will not be returned.

The articles prepared without taking into account the above Rules, it will not be accepted.

These arrangements meet the requirements set by the letter of Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia 25.07.2014 № 793

Издается Советом молодых ученых Дипломатической академии
Министерства иностранных дел Российской Федерации

Адрес редакции журнала: 119021, г. Москва, Остоженка 53/2 стр. 1, каб.220

Адрес электронной почты: vestnik-smu-da@yandex.ru

Электронный адрес размещения выпуска журнала:

1. <http://www.dipacademy.ru/periodical/zhurnal-vestnik-molodykh-uchenykh-i-diplomatov/>
2. <http://www.vestnikum.ru/>

Научный редактор выпуска журнала: Козюлин В.Б. (к.п.н.),
Сидорова Л.Н. (к.п.н.),

Редакционная коллегия выпуска журнала: Шангараев Р.Н. (д.п.н., к.э.н.),
Тимакова О.А. (к.п.н.), Козюлин В.Б. (к.п.н.), Сидорова Л.Н. (к.п.н.),
Анисимов И.О. (к.ю.н), Гуляева Е.Е. (к.ю.н.), Фаустова Н.А. (к.ф.н.), Кашина
А.А. (к.п.н), Мартынова Д.О. (к.п.н.), Исхаков А.С.

Выпускающий и ответственный редактор выпуска журнала:
Сидорова Л.Н. (к.п.н.)

Верстка: Р.Н. Шангараев

Оформление: Л.Н. Сидорова

Опубликовано: 31.12.2023